

Глава I

ФЕНОМЕН И ПАРАДОКСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ «ДРУГО-ВРАГОВ»: СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ДО И ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.

§ 1. «ЭСЕРЫ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ НЕ ПРОСТО РАЗНЫЕ ПАРТИИ. ...ОНИ РАЗНЫЕ ПО СКЛАДУ МЫШЛЕНИЯ, ПО ВЗГЛЯДАМ, ПО ОБРАЗУ ЖИЗНИ»: ФЕНОМЕН СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ «ДРУГО-ВРАГОВ» В КОНТЕКСТЕ СУБКУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Взаимоотношения членов двух крупнейших российских социалистических партий — РСДРП и ПСР — вряд ли уместно рассматривать (как это зачастую делалось) с сугубо формальной точки зрения и сводить их к формуле «сотрудничество и борьба». Сами эсеры и эсдеки называли себя «друго-врагами». В этом немного режущем слух искусственном словосочетании достаточно хорошо отражены центробежная и центростремительная тенденции, характерные для их взаимоотношений на протяжении всего времени их существования. В XX в. обе эти тенденции парадоксальным образом дошли до своего полюса: центробежная проявилась в уничтожении большевиками всех своих социалистических конкурентов не только из числа «друго-врагов», но и бывших товарищей по партии — меньшевиков; центростремительная, высшим своим пиком имевшая стремление к созданию на базе этих партий единой социалистической партии, закончилась Манифестом 1952 г. эсеров-эмигрантов и меньшевиков «На пути к единой социалистической партии».

Что питало центростремительную тенденцию? Многое. Обе партии ставили перед собой единую конечную цель — социализм. Обе партии являлись членами II Интернационала. У них совпадали многие программные и тактические установки. У них был общий враг — самодержавие, сажавшее их в одни тюрьмы. У них были (при всех оговорках) общие народнические корни. Многие из них были связаны личными отношениями, иногда — дружбой. Первые русские марксисты — Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, А. И. Потресов, В. И. Засулич — начинали как народники. С другой стороны, многие эсеры начинали свою политическую карьеру как социал-демократы (С. Н. Слетов, Б. В. Савинков, И. П. Каляев, А. Д. Покотилов, Б. Н. Моисеенко, Е. Ф. Кудрявцев, П. М. Рутенберг и многие другие). Кроме того, правомерно говорить и об определенном взаимопроникновении идей. Такой четкой грани между их идеологиями, как, скажем, между кадетами и с.-д., не существовало. Конечно, кристаллизация и формирование российской социал-демократии шли под знаком отталкивания от идей и практики народничества. И тем не менее Г. В. Плеханов еще в середине 90-х гг. XIX в. говорил о социал-демократическом секторе в общей семье русских социалистов-революционеров, к которым

относили землепользователей, чернопереловцев, народовольцев, народоправцев¹. В свою очередь, самоопределение эсерства шло путем отталкивания от идей социал-демократии, воскрешения некоторых постулатов старого народничества.

В то же время влияние марксистских идей на формирование эсерской официальной доктрины трудно переоценить. Достаточно сказать, что эсеры называли К. Маркса одним из своих учителей и признавали факт наличия в России капитализма. Социал-демократы, в свою очередь, заимствовали некоторые идеи у эсеров и уж по крайней мере учитывали их опыт на практике. Это относится и к теории «перманентной» революции Л. Д. Троцкого, и к идейным и тактическим заимствованиям, которые сделал В. И. Ленин в 1917 г. и позже (от идеи прерыва буржуазного развития до идеи социализации земли и использования кооперации в социалистическом строительстве).

Не менее сильным, а точнее говоря, преобладающим было и взаимное отталкивание этих партий. Причины его различны и многообразны. И если одни из них, скажем, идейно-теоретические, хорошо известны, то другие, лежащие в области социальной психологии, исследованы мало. Так, например, уже современники отмечали наличие нескольких устойчивых социально-психологических типов революционеров (эсеры, анархисты, с.-д.), порой имевших также внутреннюю градацию². Более того, рассматривать их взаимоотношения только в плоскости идейных взглядов (как это делали сплошь и рядом они сами) и игнорировать созданную ими субкультуру российского революционера, нормы которой, безусловно, оказывали на них сильное влияние (зачастую вопреки декларациям идейного характера), было бы абсолютно неверно.

Мы не ставим себе целью ни детальное и полное изучение взаимоотношений между этими двумя партиями, ни, тем более, изучение субкультуры российского революционера, что, безусловно, является делом более или менее отдаленного будущего и усилий многих исследователей, но все же попробуем хотя бы наметить контуры данного явления. Это необходимо, так как представляется, что на реальную политику и взаимоотношения социалистических партий (большевиков, меньшевиков и эсеров) до и после Октября 1917 г. оказывали влияние не только их идейно-теоретические взгляды, прагматические интересы партийной корпорации и личные интересы их лидеров, но и наличие общей субкультуры российского революционера, которое революционеры никогда не отрицали и охотно описывали в своей мемуаристике многие из этих норм и их проявления, но осмысливать и анализировать в целом явно опасались, дабы не впасть в ереси, противные российской революционной среде рубежа XIX—XX в., явно не готовой уравнивать в правах идейную и культурную составляющую своего социума.

Но влияние этой общей субкультуры (наряду с идейными взглядами и прагматическими интересами) мы увидим и в самом феномене «друго-врагов», и в основе объединительных настроений в обеих партиях до 1917 г., и в основе политики большевиков по отношению к оппозиционным им социалистическим партиям, и в противоречивой, часто непоследовательной политике меньшевиков и эсеров в отношении большевиков после Октября 1917 г., когда большинство из них не желало видеть во вчерашних «друго-врагах» врагов, куда более опасных для судеб страны, чем привычный «генерал на белом коне», и в ходатайстве видных коммунистов за меньшевиков и эсеров — своих прежних товарищей и т. д.

Октябрь 1917 г. провел новые водоразделы в среде социалистов и анархистов и создал новые конфигурации внутри социалистических партий. Часть прежних «друго-врагов» превращалась в непримиримых врагов, а часть — в союзников. Водоразделом стало отношение к демократии, причем демократии не на словах, а на деле. Не менее важную роль играло и то, что нашлись люди, способные перешагнуть через старые понятия и нормы субкультуры революционера и его этики, пустившись в эксперименты по созданию новой этики на основе «революционной целесообразности» и «революционного права», в то время как остальные остались верны старым традициям и этике. Вот почему линия раскола прошла не только между партиями, но и внутри всех российских социалистических партий и анархистских организаций. Только идеологией нельзя объяснить, почему часть эсеров (эсеры-максималисты, левые эсеры, «народовцы») и анархистов пошла за большевиками и в то же время часть левых эсеров, максималистов, народовцев, анархистов — в определенный момент взбунтовалась и боролась против большевистской власти и своих бывших сопартийцев, многие из которых были в своем «революционном энтузиазме» «святей папы римского» — большевиков.

Научное исследование и теоретическое осмысление феномена сложно структурированной системы субкультуры российского революционера фактически умерло (или, точнее сказать, было убито), едва начавшись в 20-е гг. Начиная с 30-х гг. ни о чем подобном не приходилось даже помышлять.

Эта тема, несомненно, вызывала огромный интерес как у мемуаристов, так и у читателей. Но, как правило, ее касались вскользь, ограничиваясь описанием единичных фактов или образа жизни, скажем, «заграничной колонии» членов БО ПСР в 1910 г. (М. М. Чернавский), рассуждениями о ментальных различиях большевиков, меньшевиков и эсеров (И. М. Майский), зарисовками поведенческих норм политзаключенных социалистов 20—30-х гг. (Е. Л. Олицкая) и т. д. Не будет преувеличением сказать, что мемуаристами оставлен богатейший фактический материал, рисующий (с большей или меньшей степенью подробности) все стороны и проявления мира российского революционера.

Как представляется, многих революционеров и их современников эта тема отпугивала тем, что при ее исследовании современные обществоведческие науки не давали достаточно эффективных подходов и инструментария, не говоря уже о том, что возможности марксистских, народнических и анархистских теорий (приверженцами которых были российские революционеры) были еще ограниченнее. Но само наличие данного феномена никто и не думал отрицать, как не отрицают его и современные историки революционного движения, не рискуя, впрочем, братья за его изучение (во многом по тем же самым причинам).

Революционеры-мемуаристы, пытаясь описать рассматриваемый феномен, пользовались самыми разными понятиями и терминами, такими, как «честь революционера», «революционная этика», «революционная традиция», «обычное право» революционера (по выражению Б. В. Савинкова в 1909 г.) и т. п. Историки, как говорилось выше, избегали не только как-либо типологизировать данное явление, но даже и называть его, предпочитая исследовать программы, тактику и деятельность революционных организаций и партий. Одно из первых исключений — упоминавшаяся выше книга Б. И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть», где феномен хотя бы называется — «революционная традиция» и *субкультура* революционного подполья.

Во избежание недоразумений еще раз подчеркнем, что мы не ставили перед собой цели и не брали обязательств немедленного и полного исследования феномена субкультуры российского революционера, ее структуры и тенденций эволюции и трансформации, этических и правовых норм ее чуть ли не вековой практики. Хронологические рамки существования субкультуры российского революционера, на наш взгляд, определяются моментом ее формирования на рубеже 50—60-х гг. XIX в. (ее генезис требует очень серьезного исследования, ибо значительным было влияние декабризма и субкультуры декабристов на тех, кто стоял у истоков движения 50—60-х гг., и не исключено, что ряд ее элементов можно будет найти в 30—40-х гг.) и насильственным ее уничтожением вместе с ее носителями к концу 30-х годов XX в. (последние ее очаги погасли в эмиграции). В то же время, на наш взгляд, прав был историк Андре Либих, писавший, что когда меньшевистский «„Социалистический вестник“ закончил свое существование в американском изгнании в 1963 году, исчез последний кружок интеллигенции XIX века»³ (прибавим только, что не просто интеллигенции, а российской интеллигенции — носительницы субкультуры российского революционера). Ведь такая тема — предмет исследования не одного десятилетия, и не только историков, но и культурологов и социальных психологов. Автор сделал лишь первый шаг в том направлении, которое (будем надеяться) приведет рано или поздно к полному исследованию этой сверхсложной проблемы, а именно, стал собирать материал, характеризующий различные стороны и проявления этой субкультуры, группировать его и пытаться осмыслить в той мере, в какой это было необходимо для полноценного исследования этики и тактики противоборствующих сторон на судебном процессе, вокруг него и во время тюремного противостояния 22-х эсеров и власти⁴.

Из весьма широкой и многоуровневой темы субкультуры революционера мы затронем лишь ряд сюжетов и контекстов, в которые они погружены:

- соотношение субкультуры революционера и «субкультуры политического инакомыслия»;
- трактовка субкультуры революционера как общей, «рамочной»;
- вариативные типы субкультуры революционера, в том числе и в эсеровской партии;
- некоторые отличия субкультуры революционера от субкультур сектантов и уголовного мира;
- молодежная контркультура как один из системообразующих факторов субкультуры революционера;
- механизмы и парадоксы взаимодействия «старого» и «нового» поколений революционеров; проблема консервации и изменения в нормах субкультуры;
- черты и особенности субкультуры революционера;
- партийное и внепартийное следствие и суд как система правовых норм и механизмов, очерчивающих границы допустимого для революционера и контролирующих их соблюдение;
- «восстановление чести» и «защита достоинства революционера» — функция «третейского суда» и партийного правосудия;
- взаимоотношения социалистических «друго-врагов»;
- дискуссии о единой социалистической партии.

Прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению феномена субкультуры российского революционера, нам кажется необходимым «вписать» его в более широкий культурно-исторический контекст.

Каким бы странным ни показалось подобное сравнение, на наш взгляд, можно провести параллель между взаимоотношением субкультур революционеров и декабристов и взаимоотношением субкультур диссидентов 60—80-х гг. XX в. и революционеров: с одной стороны, все они сформировались как контркультуры — оппозиционные власти и господствующей в обществе идеологии и этике и имели целый набор общих ценностей и общих черт. С другой стороны, между ними нет общей преемственности и накопилось слишком много не только политических и идеологических, но и социальных различий.

И все же нам кажется правомерным говорить о существовании такого явления, как «политическое инакомыслие в России», и неразрывно с ним связанного другого явления — «субкультуры политического инакомыслия». Разве Радищев в системе общественных отношений своего времени не инакомыслящий? А Пестель? Если мы посмотрим на декабристов, петрашевцев, народников, народовольцев, социал-демократов, социалистов-революционеров, анархистов, советских инакомыслящих и диссидентов разных оттенков, то у большинства из них мы обнаружим такие общие черты, как оппозиционность к власти, в том числе и оппозиционность внутренняя, основанная на отталкивании от психологии и ментальности чиновника, никогда не являвшегося идеалом для этих людей; желание изменения (в разной степени, направлениях, разными методами и т. д.) существующего государственного и общественного устройства; желание быть гражданами, а не подданными и требование политических и гражданских свобод. Впрочем, понятие «субкультуры политического инакомыслия в России» «рамочное», ибо мы можем говорить о субкультурах декабристов, народников 60—70-х, народовольцев 80-х, эсеров, социал-демократов, анархистов, кадетов, и — значительно позднее — диссидентов. Идеино и ментально они порой весьма различны, но они своего рода комнаты одной квартиры, или, скажем, ветки одного дерева с общей корневой системой.

Главное, что многие из них это родство душ инстинктивно ощущали. Социалисты и анархисты начала XX века спорили о том, кто из них подлинный продолжатель дела декабристов, народников и народовольцев. Но еще более показательно то, что часть диссидентов 70-х с упоением читала Юрия Давыдова и чувствовала симпатии к совершенно неприемлемым для них политически народовольцам и совсем не тянулась к идейно более близким кадетам. Может быть, такая парадоксальная вещь происходила от того, что напряженность, отчаянность вызова, который они бросали власти, и последствия этого вызова вполне были сопоставимы только на этом уровне — и тут и там практичка самопожертвования, самоубийство (в то время, как у кадетов планка репрессий выше сылок, как правило, не поднималась, если не считать наказания за Выборгское воззвание), и тут и там непонятость собственным народом, и тут и там надежда лишь на будущее, и тут и там уверенность в том, что их идеи верны, а значит, пора действовать, а следовательно, и тут там фактически единый принцип, рожденный народовольцами (и повторяемый социалистами) — «Делай, как должно, и пусть будет, как будет». Таким образом, в этом случае (и не только в этом), пожалуй, можно говорить о разных политических взглядах (впрочем, и тут и там — в большинстве случаев политические свободы и демократия) и явном духовном родстве и совпадении базовых ценностей их субкультур. Но эта тема в таком понимании и в таких рамках — это поле для дальнейших исследований и осмысления.

Но и рассматривая лишь революционную субкультуру, т. е. субкультуру революционной среды с рубежа 50—60-х гг. XIX в. до конца 30-х гг. XX в., мы приходим к выводу, что и она была не общей и единой для всех и вся, а может быть признана нами как «рамочная», как некая абстракция, как термин. Пытаясь очертить контуры «революционной субкультуры», мы столкнемся с тем, что имеются серьезные отличия — не только «поколенческие» (т. е. между революционной субкультурой народников 70-х годов XIX в. и субкультурой эсеров и меньшевиков, поддерживавших ее и живших в ней на рубеже 20—30-х гг. XX в.), но даже и в рамках одного поколения — на уровне партийно-группового позиционирования. Совершенно очевидно, что серьезно отличались (если не говорить сразу о разных вариантах революционной субкультуры) южные «бунтари» и северные «пропагандисты» 70-х гг. XIX в., эсеры, социал-демократы и анархисты в начале XX в.

Различия в ментальности и темпераменте накладывали отпечаток на все — от политической тактики до бытовых мелочей и «тюремной тактики». Многое поможет понять отрывок из воспоминаний эсерки Е. Л. Олицкой, попавшей в 1924 г. на Соловки и сравнивавшей поведение в одинаковых условиях заключенных эсеров и меньшевиков: «В ските была общая каптерка. Из находящихся в ней продуктов наши повара готовили обеды и ужины. <...> Эсеры сдавали все свои продукты из посылки, все денежные переводы. Коммуна была полная. Так же поступали „леваки“ и „анархи“. Социал-демократы были против так жестоко осуществляемой коммуны-уравниловки. Лакомства, предметы роскоши, то, чем родные хотели побаловать, оставалось у заключенного в его полном распоряжении<...>». Староста эсдеков Б. О. Богданов так объяснял Олицкой эту позицию: «Мы простые люди, а не святые. Допустим, от себя мы еще можем потребовать. Но вправе ли мы требовать от наших родных? Они, может быть, отказывая себе во всем, шлют брату, мужу или сыну, что могут, чтобы побаловать его, скрасить его участь. Почему мы должны лишать человека маленькой радости? Да и станут ли родные слать эти мелочи, если узнают, что они не попадут адресату?

— Зачем же их уведомлять об этом, — перебила я Богданова.

— Ну, мы не святые. Мы не можем ущемлять своих родных, принимать их жертвы для соседа.

Я опять перебила Богданова:

— А для себя?

— Я буду просить родных высылать продукты, деньги и сдавать их в каптерку. Так должны делать мы все, улучшая питание свое и своих товарищей. Но балуют родные меня, именно меня. А я побалую того, кого приятно побаловать мне. В данном случае, вас. Каждый живет по-своему. <...>

Вечером, гуляя по коридору с Иваном Юлиановичем [Примаком], я спросила:

— Почему у Богданова при общей тесноте отдельная камера?

— Каждому старосте коллектива выделяется одиночка. Она ему необходима для бесед с товарищами и для отдыха. Поймите, какую нервную работу он ведет. Ведь он отвечает за жизнь коллектива.

— Почему же у Иваницкого (староста эсеров. — *К. М.*) нет отдельной комнаты? — спросила я.

Иван Юлианович рассмеялся.

— Потому что — Иваницкий, а не Богданов. Ему выделена одиночка, но он, зная о тесноте в коллективе, позвал в свою камеру товарища.

— А почему у Богданова кабинет, а у Иваницкого койка под суконным одеялом?

— Я не имел чести быть у Богданова, — резко сказал Примак и сразу мягче добавил, — вероятно, социал-демократы находят нужным, чтобы их староста так жил. Вы замечаете, — уже посмеивался Примак, — что они уже и вас уважают, раз их староста пригласил вас к себе.

Я чувствовала, что между фракцией эсеров и с.-д. какая-то отчужденность. Отдельные члены из разных фракций поддерживали между собой хорошие товарищеские отношения, но на них большинство косилось. <...>Я стала избегать встреч с Богдановым. Мне хотелось уяснить, почему мои товарищи не одобряют общения с ним. Помогла мне Александра Ипполитовна [Щесневская].

— <...>**Эсеры и социал-демократы не просто разные партии. Люди, примкнувшие к этим партиям, резко отличаются друг от друга. Они разные по складу мышления, по взглядам, по образу жизни. Мы говорим „типичный эсер“ или „типичный социал-демократ“ (выделено нами. — К. М.)** В тюрьме эти различия особенно выпирают наружу. Сравните Иваницкого и Богданова. В тюрьме эти разные люди вынуждены жить рядом. Мало того, они вынуждены рядом противостоять администрации тюрьмы. Линия поведения в тюрьме у социалистических фракций разная. <...>⁵.

Но существовала и другая тенденция: люди из разных партий притягивались друг к другу, объединяемые общей идеей. М. М. Чернавский, присутствовавший при разговоре Б. В. Савинкова и Г. В. Плеханова о необходимости сближения российских социалистических партий, происшедшем в 1911 г. в доме последнего в Сан-Ремо, вспоминал: «<...>весь вечер у меня в голове вертелся вопрос: какой магнит притягивает друг к другу этих двух совершенно не похожих людей? Что это герои из совершенно разных опер, для меня было ясно, как день, несмотря на некоторые черты сходства между ними: оба революционеры, талантливые люди с большим характером. В то же время я не сумел бы словесно формулировать, в чем состоит это несходство. Принадлежность к разным партиям в данном случае не имеет ни малейшего значения. Можно набрать из различных партий сколько угодно людей, похожих друг на друга, как два новеньких пятиалтынных. В тот вечер у меня мелькало только одно объяснение этого сближения: по-видимому, и тому, и другому было приятно перешагнуть через междупартийные перегородки, подышать внепартийным воздухом, для обоих их отношения были отдыхом от партийности. Быть может, я ошибаюсь, но я и по сей день не могу придумать лучшего объяснения»⁶.

Характерно и противопоставление В. М. Черновым В. И. Ленина как харизматического лидера и вождя партии себе и Г. А. Гершуни как представителям разных типов российской революционной интеллигенции. Противопоставление Ленина и Гершуни крайне симптоматично и дает большой материал для анализа, несмотря на то, что Чернов выразил свои мысли в тезисной форме.

Приведем часть этих тезисов: «Ленин — издали; появился, когда Октябрьская революция победила.

Гершуни — всегда на боевом фронте, лично руководит.

Гершуни — пафос освобождения от проклятой неизбежности насилия. Тягота, взваленная историей на плечи. Камень с души.

Ленин. Не умеем быть террористами. Все мало, мало. Любил детей, щенков.

Ораторская сторона. Троцкий — фейерверкер. Мартов — тонкий диалектик. Плеханов — блестящий стиль, злое остроумие. Уменье вышутить, блестящие знания с уменьем подать товар лицом.

Ленин — грубый, гипнотизер, упрости́тель, повторения; брань. Не беда переборщить, отдельная неправота — ничего не значит. Дурачок Керенский, нарциссик Керенский.

Гершуни — молчаливый, *non multa, sed multimo* — „говори короче“; огромная сила слова, чашки весов и тяжкие гири. Интел[лигентная] совесть. Множество беззлобного юмора. Любил товарищей. Слабость к истер[ии] о Балмашеве (так в тексте. — *К. М.*). Некролог Гоца. Глубоко привязывался.

Гершуни. На суд, как молодая девица на первый бал. Выход в свет. На бой, как на праздник.

Ленин — ни за что! Обвинение в запломбированном вагоне, в связи с неприятелем. Козловский и др. Отрекся, они не большевики = никакого сепаратного мира — революционная война и довольно болтать. Кормиче сект[антских] кораблей.

Ленин — любил детей, котят, щенков. Теория Фрейда. Именно беспощадность, бесчеловечность — уравнивание душевное. Нежность в семье.

Ленин был добродушен — Бог Янус — незлопамятен — как крупный Сан-Бернар — случилось проучить — забывал — готов был сейчас же примирить с собой = всякий может пригодиться в большом хозяйстве и всякая дрянь может пойти в дело.

Гершуни. Впечатление от него, как от аскета. Отнюдь не был. Любил жизнь. Бесконечно милые письма. Бездна внимания. Тяжело переживал отклонения. Кач[ания] Савинкова. Суд... Пушкин.

Ленин: плохой стратег, великий тактик. Предвидения его никуда не годились. Менял.

Гершуни. Задатки дальновзоркого стратега. Чувство меры в политике. Велич[авое] равновесие духовных сил. Гармония природы.

Оба — не избегали мелочей. Крупные люди не боятся черной работы. Нет опасностей из-за деревьев не увидеть леса. Не были белоручками.

Гершуни как еврей. Чувствовал себя сыном своего народа. Как еврей может сраж[аться], как [еврей] спокойно может глядеть в глаза смерти. Именно участие во всех передовых движениях... Впереди... — создает в нем свойства, способность на великие дела.

Народническая струя. Кающиеся дворяне, совлечь с себя. Один из тех людей, которые связывают свою национальность со всем мировым движением, национальная арена слишком узка, чтобы ограничить себя ею...»⁷.

Но еще больший интерес для целей нашего исследования представляет черновая запись Чернова, где, противопоставляя себя Ленину, он говорит о себе в третьем лице: «Характерные черты лидера партии социалистов-революционеров резче всего выступают при параллели с характерными чертами лидера большевистской партии. Есть люди, которые так срастаются с возглавляемыми ими коллективами, что трудно их представить вне этих коллективов, в данном случае, вне их партий — как и эти партии трудно себе представить без них. Ленин и Чернов принадлежали к числу таких людей. Один из наиболее оппозиционно настроенных к Чернову эсеровских деятелей, Авксентьев однажды сказал, что Чернов мог бы *mutatis mutandis* сказать про себя и партию то, что когда-то Ломоносов сказал про Академию наук: меня нельзя отставить от партии, можно только партию отставить от меня. И действительно, когда после дела Азефа в 1912 г. Чернов удалился от центральных органов партии и перестал принимать участие в руководстве

партий из-за границы, вышел в отставку из всех центральных органов партийной эмиграции и перенес центр тяжести своей работы в редактирование легального журнала «Заветы», то вскоре оказалось, что именно...»⁸.

В. М. Чернов не стал дописывать фразу, зачеркнув все предложение, но мысль его достаточно понятна. Далее он вновь ее подчеркивает: **«Ленин и Чернов, как психологические и морально-политические типы, были, действительно, эквивалентны представляемым ими партиям. Оба, как типы, были глубоко национальны. Но в них воплощены были разные, и можно сказать, даже полярно-противоположные стороны национального русского характера (выделено нами. — К. М.)»**⁹.

Мы имеем много свидетельств, как сильно отличались социалисты разных партий по темпераменту. Самыми рассудочными, осторожными, склонными больше к словам, чем к действиям, в революционном движении, считались меньшевики. Так, например, с точки зрения ортодоксального большевика А. Голубкова, меньшевики-ликвидаторы «к подпольной работе относились не только скептически, но и с нескрываемой насмешкой, как к какому-то кустарничеству, как уже к изжитому этапу движения, как „взрослый“, „серьезный“, человек относится к забаве и увлечению молодости»¹⁰.

А самыми бесшабашными и склонными к авантюризму, с самым ярким революционным темпераментом считались (по убыванию) анархисты, максималисты, левые эсеры, эсеры и большевики (в 1917 г. большевики удивили всех, побив все рекорды).

Впрочем, и внутри партий было достаточно большое разнообразие «типов», порой гораздо больше не схожих друг с другом, чем с родственными им «типами» из другой партии. Так, по темпераменту один из главных эсеровских «типов» (решительный и боевой) был близок большевикам, а другой (народолюбивый рефлексирующий интеллигент) вызывал у большевиков полное отторжение и презрение. В этом контексте примечательна характеристика, выданная видному эсеру В. М. Зензинову секретным сотрудником ИНО ГПУ в 1922 г. **«[На IV съезде] переизбирается в ЦК и вообще всегда будет избираться без особых протестов левых, ибо кристально-чистый, симпатичный человек и притом апологет и патриот Партии (выделено нами. — К. М.)**. Ценен как надежно-верная и внутри-организаторская партийная сила. Подпадает под влияния. Так в 17 году явно под влиянием Гоца и Керенского. Летом 18 г. — влияние Тимофеева, в 18 на востоке — всецело под влиянием Авксентьева и Гендельмана. Творец (вместе с первыми двумя) Уфимской Директории.

Типичный член Авксентьевской Директории — бесхарактерный, нерешительный и недалекий (выделено нами. — К. М.). Сам попал в горло к Колчаку без какого либо серьезного сопротивления и несмотря на предупреждения. <...> **Неустойчив, в политике недалковиден, типичный нерешительный русский интеллигент. Все сказанное не мешает ему считать себя искренним социалистом (выделено нами. — К. М.)»**¹¹. Нарисованный портрет Зензинова категорически не соответствует всему тому, что мы знаем о нем. Достаточно сказать, что этот «типичный нерешительный интеллигент» в 1909 г. в качестве члена ЦК ПСР, поехал на работу в Россию, где его ждал неминуемый арест и каторга.

Но для большевиков, считавших, что только они могут претендовать на звание истинного российского революционера и социалиста, слова «типичный нерешительный русский интеллигент», безусловно, были приговором для революционера, ставящим под сомнение право «считать себя искренним социалистом». Как представляется, большевики подобного

«типичного нерешительного русского интеллигента» видели прежде всего и более всего (и ненавидели всеми «фибрами своей души») в меньшевиках, с которыми они долгое время формально находились в рядах одной партии.

Фанатичную уверенность в собственной правоте и ненависть к «тем, кто не с нами», как характерную черту большевизма, отмечал в 1949 г. меньшевик-эмигрант Г. Аронсон: «На протяжении всей своей истории меньшевизму пришлось выступать в качестве антипода большевизма. Ленин и ученики отдавали себе в этом отчет и ненавидели лютой ненавистью своих <...> „товарищей по Интернационалу“. Да ненависть вообще была стихией большевизма, его подлинным пафосом, которым он пытался заразить и своих рабочих, и свою интеллигенцию. На этой ненависти, как на дрожжах, вззошел впоследствии весь сталинизм. Казалось бы, исторически в первое десятилетие надо всем превалировала задача борьбы со старым режимом. Но от деятельности большевиков получалось впечатление, что они ведут борьбу не столько с самодержавием, сколько с меньшевиками и либералами.

В этом направлении подталкивали большевиков не только фракционное ослепление и изуверство, но и ...департамент полиции, который, как это установлено после революции, через своих агентов принимал систематически меры к тому, чтобы всемерно препятствовать всяким объединительным тенденциям в социал-демократии и искусственно раздвигать самые незначительные разногласия, чтобы таким путем увековечить состояние хаоса и раскола. В опубликованных в 1940 году воспоминаниях члена русского Бюро ЦК после 1912 года большевика Тимофея (Спандарьяна) отразилась психология большевиков тех лет, и особенно примечательно в этом отношении сорвавшееся у него признание: „Я больше ненавижу меньшевиков, нежели самодержавие“ <...>»¹²

Вероятно, очень существенной причиной для таких «расселений по углам» в общей партийной «комнате» являлся темперамент и волевые качества людей, большая или меньшая рассудочность или, напротив, склонность к прямому активному действию, а то уж и вовсе склонность к волюнтаризму и т. д. Ведь нечто похожее произошло и у эсеров, от которых в годы революции 1905—1907 гг. откололись максималисты, во многом предвосхитившие эксперименты большевиков в 1917 г., а в 1917 г. в ПСР, кроме эсеров центра (собственно эсеров), появились «левые эсеры», по темпераменту близкие к максималистам и большевикам, и «правые» эсеры типа Авксентьева, В. В. Руднева, И. И. Фондаминского, М. В. Вишняка, обладавшие совершенно иной физиономией. В 1921 г. Чернов скажет «правым» эсерам: мы по отношению друг к другу варвары, говорящие на разных языках.

Еще в 1910 г. Чернов говорил только о максималистах (то же самое можно было бы сказать и десять лет спустя о левых эсерах): «Многие элементы, характеризующиеся нетерпеливым, резкореволюционным и непримиримым темпераментом, которым естественнее всего было бы прикнудить к анархизму, шли в ряды ПСР, моральный и политический престиж которой был высоко поднят в глазах публики рядом громких деяний. <...>Они-то и явились впоследствии в партии теми центробежными силами, которым не хватало только лидеров для того, чтобы выделиться в особую фракцию или даже в новую партию»¹³.

Взгляды и субкультура «правых» эсеров не сложились в нечто цельное, фиксированное на бумаге (несмотря на огромное количество статей, написанных ими в эмиграции) и требуют дополнительного изучения с привлече-

нием всех источников. В этом видится одна из причин того, что ни современники, ни историки не могли вразумительно объяснить, что же из себя представляет «правый эсер». В свое время это попытался сделать М. В. Вишняк, у которого получилось пространное, патетическое и весьма расплывчатое определение. По его словам, «правый эсер — не сторонник лозунгов «все или ничего», «сейчас или никогда», он не абсолютизирует какое-либо одно начало, исключаящее все другие, не является ни догматиком, ни тем более фанатиком, не претендует на собственную непогрешимость.

Правый эсер чужд пафоса разрушения, которое принимает в нищенской формуле «лишь как творцы можем мы уничтожить». Правый эсер считает, что противникам следует «раскрывать глаза, а не вырывать их». Правый эсер «исполнен стремления к свободе, напоен ее пафосом», являясь народником и идеалистом, признающим общественные нужды и цели стоящими выше личных. «Идеологически правый эсер считает себя реалистом», признавая и «категорический императив», и критическую проверку разумом всех сторон жизни. Правый эсер — патриот без шовинизма, он знает, где его родина, но он и интернационалист.

«Некоторые эти черты, — писал в заключение Вишняк, — присущи и другим группировкам и справа, и слева, но «в своей совокупности они присущи, как мне представляется, только правым эсерам»¹⁴. Впрочем, ему же принадлежат строки, намного рельефнее показывающие феномен «правого эсерства». Так, вспоминая о 20—30-х гг., Вишняк писал: «Многое отличало правое крыло партии от других групп или „крыльев“ в партии. Одной из характерных и существенных черт было то, что мы не исходили от социализма как основы основ или высшей и абсолютной ценности, а приходили к нему как к следствию и выводу, логически и исторически вытекавшему из гуманизма, демократизма, свободолюбия, достоинства человека, социальной справедливости. Это отличало нас от тех, кто по старинке считал социализм „миросозерцанием“, разделившим мир на приверженцев социализма и всех других — „буржуев“, „либералов“, консерваторов, реакционеров, фашистов... Отказавшись от претензии быть последним словом о первых и последних вещах, социализм перестал быть для нас катастрофичным, строящим новое на отрицании и противоположении всему предшествующему, обветшалому... Дух разрушения сменился волей к творчеству и созиданию. Призыв к ненависти и классовой и национальной борьбе — зовом к солидарности, от класса исходящей и чрез солидарность нации к международному и общечеловеческому содружеству восходящей»¹⁵.

В эсеровской партии складывался и еще один тип эсера и, наверное, даже еще один весьма специфический вариант эсеровской субкультуры, не похожий на базовый. Он формировался исподволь среди членов БО ПСР в 1903—1905 гг., находившихся в совершенно необычных, резко отличающихся от повседневной жизни т. н. партийных «массовиков» (пропагандистов, агитаторов, техников, комитетчиков и т. д.) условиях. Эта «субкультура», символом которой был Б. В. Савинков, стала объектом критики и травли даже в эсеровской среде, против нее ополчились и «старики», и «молодые», и «массовики», и даже ряд «террористов» — боевиков называли «революционными кавалергардами», критиковали за высокомерие, дух исключительности, отчужденность от остальной части партии (Чернов накануне Первой мировой войны даже придумал очень странный план ротации «боевиков» и «массовиков»), за игру в нищенство, бесконечные рассуждения о смерти, о праве на убийство, за богоискательские тенденции, наконец. Надо сказать, что

непримирение в эсеровской среде этого явления, которое можно назвать зачаточной субкультурой, ее травля и травля ее лидера и символа Савинкова отнюдь не способствовали ее расширению и привлечению новых adeptов. Сам Савинков говорил, что «его только прощают». Показательно, что М. М. Чернавский, в 1909 г. вступая в БО, вздрогнул, услышав вопрос Савинкова «Зачем Вы идете в террор?», подумав: «Ну, вот, началось — из „Коня бледного“». И Савинков все понял по его лицу и разговор свернул. Идеи, мысли «Воспоминаний», «Коня бледного», «Того, чего не было» (с 1908 по 1913 г.), высказанные Савинковым, в еще большей мере сделали его объектом преследования — «оплевывателем революции», «палачом», «мастером красного цеха» и т. д. и т. п. Более того, Заключение Судебно-Следственной комиссии по делу Азефа в 1911 г. основным виновником азефщины делало кавалергардский дух, исключительность, отсутствие контроля за БО со стороны ЦК, что не могло не возмущать членов БО¹⁶.

Необходимо также подчеркнуть, что выработка норм общей, рамочной революционной субкультуры происходила в различных группах и на протяжении длительного времени, причем эти группы и в XIX и в XX в. могли быть как более открытыми, так и более закрытыми, а некоторые из них имели прямо сектантский облик (кружок Ишутина, организация Нечаева). Надо понимать, что, рассматривая революционные партии и партийные организации начала XX в., мы не найдем там во всех структурах, на всех этапах организационной, идейной и, так сказать, субкультурной однородности, к чему стремятся и чего добиваются современные легальные партии. То, что мы сегодня называем местной партийной группой, а то и партийной организацией, могло быть весьма замкнутой группой, со своими взглядами, мироощущениями, а иногда и субкультурой. Совсем не случайно эсеровские агитаторы и пропагандисты так «бросались» на эсеровских же боевиков. Фактически это была схватка двух мироощущений, двух субкультур. А не было ли подобное различие одной из причин, обусловивших появление идейных течений и фракций в революционных партиях? А случайно ли родиной эсеровского максимализма был еврейский Северо-Запад? А случайно ли и анархизм процветал именно там? Верно ли привычно строить логическую цепочку от угнетенного и бедственного положения еврейства к крайней его революционности? Впрочем, такого рода вопросов можно задать самим себе немало. Но для ответа на них нужно отдельное большое исследование.

За годы развития революционного движения и формирования и развития его субкультуры немало накапливалось всяких коллизий и различий. Весьма показателен диалог В. Н. Фигнер с Б. В. Савинковым в 1907 г.: «Сравнивая прошлое с настоящим, Савинков спросил меня, что, по-моему, наиболее отличает революционера современного от революционера моего времени. Я замаялась, потому что различий находила много, и он поспешил ответить сам. По его мнению, это был **мистицизм**, и в виде примера привел себя и Каляева. Мне же казалось, что главное заключалось в том, что сообразно расширению сферы и размеров деятельности требования к **действию** повысились, а требования к **личности**, благодаря росту численности партии, понизились. Аскетизм, свойственный прежним поколениям, исчез; бросалась в глаза большая снисходительность к разным слабостям членов партии и большая требовательность их по отношению к материальным условиям жизни (жилище, питание, развлечения); удивляло неравенство состояний, при котором в одной и той же партии одни могли нуждаться, а другие — ни в чем себе не отказывать. Конечно, это

зависело от изменения в составе и численности участников движения. Легко было установить равенство и общность имуществ, когда организация была мала, а когда в партию входили тысячи членов, произошло то, что было и в Европе: братские отношения равенства среди членов партии исчезли»¹⁷. Показательно, что Савинков говорил об одном явлении, крайне его интересовавшем, а Фигнер, только недавно выпущенной после чуть ли не четвертьвекового сидения, бросались в глаза больше внешние различия. Не случайно она же, дававшая лестную оценку Савинкова как самому «блестящему» человеку в ПСР, все же не смогла удержаться от следующих весьма ехидных слов: «В самом деле, не смешно ли было с серьезным видом, указывая на голые руки, говорить, что нет денег на лайковые перчатки, чтобы в Париже сидеть за столиком на Тюильрийском бульваре»¹⁸.

Но на «лайковые перчатки» реагировала, кстати, не только Фигнер, вышедшая из тюрьмы, но и большевичка Ц. С. Бобровская, происходившая из бедной еврейской семьи и приехавшая в 1898 г. из Варшавы в Цюрих: «Отчетливо запомнилась обстановка, при которой я первый раз увидела Плеханова. <...> „Кто бы мог быть этот барин с такими умными глазами?“ — подумала я, а когда „барин“ вошел в подъезд, обратилась с этим вопросом к Саше, на что тот ответил недоуменным вопросом: „Неужели Вы не догадались, что это Георгий Валентинович?“. Юноша, выросший в Швейцарии, конечно, не мог понять, что в моем представлении властитель тогдашних наших дум — Плеханов не мог рисоваться в образе элегантного „барина“ в лайковых перчатках»¹⁹.

Выступая на состоявшемся 14 декабря 1996 г. в «Мемориале» теоретическом семинаре «Субкультура оппозиционных движений в России XIX—XX вв.» (в организации которого принял участие и автор данной книги), петербургский исследователь Лев Лурье высказал несколько весьма плодотворных мыслей, требующих, впрочем, и корректировок, и дальнейшего развития (цитируем по диктофонной записи): «Здесь полезным может оказаться методология изучения вообще любых закрытых обществ, обществ с отклоняющимся поведением — старообрядческие толки, это могут быть „воры в законе“, т. е. некие группы, которые сплочены общей опасностью и поневоле должны общаться прежде всего друг с другом. Революционная субкультура очень сильна, и она сильнее, чем какие-либо другие субкультуры, и она медленно разрушается. И вот то, что в юности и молодости появляется, оно консервируется на очень долгий период, т. е. это субкультура, которая вырастает, как такая молодежная контркультура и остается чуть ли не до седых волос, потому что в условиях опасности они как бы в юности герметизируются в этой компании и вынуждены, потому что они оказываются в тюрьме с этими же людьми, и в подполье с этими же людьми, и в эмиграции с этими же людьми в инородной среде, они, как какие-нибудь пятидесятники в Канаде или староверы в Калифорнии, они образуют как бы вот такие анклавов, культурные анклавов, культурные скиты».

На наш взгляд, нельзя согласиться с утверждением Льва Лурье, что революционная субкультура, созданная как молодежная контркультура, «медленно разрушается», и «герметизируется» по двум причинам. Так оно и было бы, если бы созданная молодежью 60—70-х гг. субкультура не испытывала притока свежей крови, но в том-то и дело, что каждое поколение, толкаемое стремлением создать «молодежную контркультуру», вносило что-то свое, новое, омолаживало эту субкультуру. Порой это происходило в конфликтах между «отцами» и «детьми», иногда консенсус

достигался, иногда нет (и тогда возникал очередной вариант субкультуры внутри уже существующей субкультуры, как, например, в случае с эсеровскими боевиками, о котором уже говорилось выше).

Именно молодежь не давала покоя «загерметизировавшимся» в своих взглядах и вкусах «старикам», она становилась своего рода «двигателем прогресса», она заставляла в спорах и дискуссиях добавлять «свое», «новое», что обеспечивало развитие, обновление субкультуры, придание ей адекватности новым реалиям, в которых молодежь родилась и которые хотела учитывать. Этот процесс «обновления» был постоянным и касался многих вопросов. Приведем два примера.

В начале XX в. произошло любопытное столкновение эсеровских «стариков» и молодой эсеровской поросли из кружка т. н. «грызунов науки» (М. Р. Гоц), «галлов» (О. С. Минор), или «германо-эсеровского выводка» (В. М. Чернов) — группы студентов, учившихся в 1899—1904 гг. в Берлинском, Галльском и Гейдельбергском университетах, состоявшей из А. Р. Гоца, Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, И. И. Фондаминского, В. В. Руднева, Д. О. Гавронского, М. О. Цейтлин и др. В 1899—1900 гг. М. Р. Гоц заявлял: «У меня тут наготове целый выводок наших будущих продолжателей, смены нашей: грызут гранит науки по германским университетам...»²⁰. Центральной фигурой этого «выводка» был Авксентьев, чье лидерство признавали все члены этого, по словам Чернова, «целого кружка незаурядных людей, сыгравших немалую роль в истории партии социалистов-революционеров то как единое целое, то порознь»²¹. По словам Чернова, в кружке «жил какой-то культ двух людей, которых иные, впрочем, знали больше понаслышке, чем по личному опыту: Михаила Гоца и Матвея Исидоровича Фондаминского, брата известного впоследствии Ильи Исидоровича Фондаминского-Бунакова»²². Члены кружка твердо решили, что прежде чем они уйдут с головой в партийную работу, они должны как следует к этому теоретически подготовиться. Большинство из них изучали философию и хотели «под народническую политическую программу и неонародническую философию» подвести «не столько Лаврова и Михайловского, сколько Канта и Рилля»²³. «Старики» пытались в соответствии со своими представлениями объяснить им, что их долг в условиях кризиса прервать учебу и ехать на подпольную работу в Россию. В 70-е или 80-е (когда среди революционеров эмиграция вообще считалась неприличной и рассматривалась как дезертирство) и даже в 90-е гг. любой революционер, не желавший выглядеть малодушным, поехал бы в Россию. «Грызуны» же настояли на том, что для революции и партии будет больше пользы, если они продолжат учебу. И самое главное, что это сошло им с рук, и их не объявили ни эгоистами, ни дезертирами и трусами и т. п., а вскоре они сделали стремительную партийную карьеру за считанные годы.

Любопытно свидетельство В. М. Зензинова об ироническом отношении М. Р. Гоца к «философским увлечениям» А. Р. Гоца, Авксентьева, Фондаминского и Зензинова. «Их позитивистическое поколение, старшее нашего на 12—15 лет, считало философию излишней роскошью в арсенале революционера и общественного деятеля. Мы же полагали, что под наши революционные чувства необходимо прежде всего подвести фундамент философии и науки»²⁴. В 1903 г. после ареста Гершуни и разгрома целого ряда эсеровских организаций (в том числе саратовской, выполнявшей функции ЦК), когда многие руководители партии стали всерьез опасаться за ее судьбу, М. Р. Гоц и О. С. Минор, отправившись в Германию, попытались призвать «галлов» поехать в Россию спасти

ситуацию. По словам Чернова, в течение суток они пытались убедить Авксентьева, А. Р. Гоца и Зензинова, «что никогда еще в развитии партии не было такого ответственного и критического момента, когда сплоченный кружок мог бы золотыми буквами вписать свое имя в ее историю. <...> Группа, и особенно Авксентьев, стояла на своем. „Нельзя ничего делать напополам, все мы будем партии полезнее, доведя до конца свое академическое образование“, — говорил Авксентьев. Вернувшись в Женеву, Михаил Гоц в раздумье говорил: „Почем знать? Может быть, они и правы. Они имеют лишние против нас шансы дожить до той счастливой поры, когда и полнота академического образования будет иметь большое значение. А мы, „старика“, знаем, что на наш век хватит тюремного академического стажа“»²⁵.

Сам Чернов также бы склонен оправдывать «грызунов», заявляя: «Отправься они на работу тогда же, в 1903 году, они, быть может, растерялись бы, попав прямо на свежее пепелище партийного пожара, и, обжегши себе пальцы, томились бы по гиблым местам ссылки. А позже, на рубеже 1904—1905 годов, они застали в России конъюнктуру, как нельзя более благоприятную. <...> Именно в этот момент выход на политическую арену целой группы образованных, хорошо спевшихся между собой и развивших свои способности как ораторов и полемистов молодых людей дал максимум своего эффекта»²⁶. То, что на их эксперименты с философией и социологией смотрели терпимо, объясняется атмосферой в эсеровской среде (сразу отметим, что социал-демократическая среда была значительно менее терпима, и это затрудняло процессы адаптации «новых» идей и изменения субкультуры). А то, что приняли терпимо их отказ ехать в Россию, говорило о том, что «старика» оказались вынуждены «подстроиться» и придумать себе в утешение и самоуспокоение соображения о том, что неподчинившиеся в их понимании «святому» партийному долгу «грызуны», может быть, и правы.

Другой пример. Когда Савинков восстал против позитивизма «старой» революционной морали, ему оказали сопротивление. Лучше понять идеи «революции духа» Савинкова позволяют пронзительные строки из его письма Фигнер, написанные в июле 1907 г.: «Я скажу Вам правду: если я смею, что во мне есть что-либо в малейшей степени стоящее внимания, то это именно мои „ереси“. Все мои товарищи, за самыми редкими исключениями, только „прощают“ мне их за то, чего я не знаю. Быть может, простите и Вы. И именно в этом прощении несказанная боль. Боль, ибо повторяю — в моих „ересях“ я вижу попытку, быть может, слабую — все равно — **революции духа**, борьбы с той стороной человеческого „я“, которая — я замечал — во всех даже самых свободных людях несвободна и глубоко консервативна. Я говорю именно о духе, — о старой морали, старых традициях, я бы смел сказать — старой рутине. Этой старой моралью, этим духом позитивизма и рационализма питается все наше поколение. Я им питаюсь **не могу и не хочу**. В этом мое отличие от тех, с которыми я связан и буду связан всей моей жизнью, моей ненавистью и моей любовью. Одни смеются надо мной, другие бранят меня, третьи прощают мне. Все равно — **я не могу жить теми мыслями**, как и они. Мне больно. Вера Николаевна, мне очень больно... Я только хочу выяснить мою позицию. Я еретик? Пусть. Я еретиком и останусь»²⁷.

Но его взгляды потерпели поражение не только потому, что их в штыки встретили «старика», гораздо сильнее на это поражение повлияло то, что их не поняла и отвергла немалая часть молодежи, и Савинков стал

«еретиком» в глазах и тех, и других. Более того, он во многом опередил эту среду и поднялся выше нее в рефлексии, готовности говорить нелестное об изнанке жизни революционера и непонятном для большинства товарищей по партии желании «раскрепостить дух», что привело к отторжению и абсолютному непониманию. Савинков и революционная среда (за исключением нескольких человек, в том числе и видных эсеров Л. Э. Шишко, Чернова, Фондаминского и других, защищавших его), заговорили как слепой с глухонемым. Удивительно, но бывшая эсерка Б. А. Бабина уже в конце 70-х гг. XX в. считала, что необходимыми качествами для роли вождя эсеровской партии обладал Савинков, если бы он не взорвал свой имидж этическими поисками в «Коне бледном» и «Том, чего не было», и весьма резко отзывалась о Чернове: «Чернов не является для меня образцом социалиста. Талантливый теоретик, прекрасно писал, но в личной жизни вел себя недостойно социалиста. Во время революции лидер партии, министр земледелия, вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом, крутит роман и меняет жену — это недостойно. Как вождь он совсем не удовлетворял никаким требованиям, просто хороший теоретик. Вождем у нас мог быть Савинков, но он был совсем другой ориентации. И потом, это был совсем аморальный человек, у него не было этики. Помните, он проповедовал: „Почему нельзя убить мужа своей любовницы, но можно убить министра? Если вообще можно убить человека, то безразлично, кого и по каким мотивам“. Это он нам преподнес в 1909 году. Вся наша эсеровская молодежь была глубоко возмущена»²⁸.

«Обновление» молодежью и взглядов, и субкультуры во многом облегчалось тем, что шла ротация революционных кадров, когда многие старики просто уходили в личную жизнь. Кроме того, мы бы поставили совсем иной акцент, чем Лев Лурье, в вопросе о взаимосвязи и первичности «молодежной контркультуры» и революционной субкультуры. Представляется, что революционная молодежь 60-х и 70-х гг. в поисках понимания окружающего мира и своего места в нем изначально создает то, что мы бы сейчас, в привычных для нас терминах, назвали «молодежной контркультурой». Но ее носители стали реализовывать себя в основном в общественно-политическом пространстве, именно это поприще и считали для себя главным (в отличие, скажем, от разных вариантов и конкретных форм «молодежной контркультуры» второй половины XX в.

Впрочем, это отнюдь не значит, что революционеры разных поколений не пытались «освоить» какие-либо другие сферы жизни, кроме общественно-политической. С одной стороны, была создана субкультура, диктовавшая революционеру и образ жизни, и формы досуга, и круг чтения, и поведенческие нормы, фактически регламентирующие его действия даже в таких вещах, как, скажем, посещение публичного дома или употребление алкоголя, участие в азартных играх, образ жизни и даже внешний вид и т. д. и т. п. С другой стороны, многие из них рассматривали свою субкультуру как своего рода базовую (или как прообраз) для создания культуры нового социалистического мира, культуры, которая станет синтезом их субкультуры и культуры «трудящегося народа». Совершенно не случайно в начале XX в. были популярны идеи богостроительства и «пролетарской культуры». Но это было уделом наиболее «продвинутых», выражаясь языком современной молодежи. А для массы революционеров считалось аксиомой, что своей жизнью, своей борьбой, своей моралью и даже своим бытовым поведением они должны служить маяками, примерами для миллионов, прозябающих в нищете и вне «культуры».

Как представляется, революционная субкультура не только родилась как «молодежная контркультура», она в ядре своей таковой и оставалась. И тут уместно будет отметить, что революционная среда в целом все же всегда была молодежной²⁹. (Естественно, что, говоря о «молодежной», мы имеем в виду не крестьянскую или рабочую молодежь и их культуру. Революционную субкультуру формировала интеллигентская молодежь (преимущественно гимназисты и студенты первого-второго курса), которая, правда, и сама была весьма пестрой по социальному происхождению (от дворян до детей мещан, священников, мелких чиновников и т. п.) и по той культуре, которую ее выходцы приносили с собой из своих социальных страт (неслучайно в 60-е гг. XIX в. за этой средой закрепилось название «разночинной»)).

По свидетельству Льва Дейча, в 1877 г. в среде революционеров возраст в 25—26 лет считался уже очень «почтенным»³⁰. Но даже спустя три-четыре десятилетия, когда заговорили о «революционных поколениях», о «революционных династиях», когда в руководстве революционных партий появилось много убеленных сединами «почтенных революционных старцев», когда появились «бабушка» (Е. К. Брешко-Брешковская) и «дедушка» (Н. В. Чайковский, правда, из-за недостойного поведения на суде в 1908 г. потерявший это звание) русской революции, средний возраст членов оппозиционных социалистических партий был весьма молодым и применительно к эсерам составлял, по подсчетам историка М. И. Леонова, не более двадцати двух лет.

О том же говорит черновая запись одного из лидеров эсеровской партии Чернова, посвященная роли интеллигенции в революционных партиях: «Интеллигенция: цвет, сливки, доктринеры. До 20—25 лет»³¹. В этом контексте интересны имеющиеся в черновиках Чернова тезисы следующего содержания: «В обычное время — скелетообразующие кадры. Проф[ессиональный] революционер. Странств[ующий] апостол социализма, рыцарь, карающий насильников. В своем роде великодушный тип. Тюрьма — его университет. Допросы — экзамен на аттестат зрелости. Конспирация — быт. Состязание в ловкости и неуловимости с полицией — его спорт. Побег из тюрьмы — эпизоды. Паспортная, динамитная, шифровая техника — его профподготовка. Пропаганда и агитация — его жизнь»³². Весьма показательна и реплика, прозвучавшая на III Совете партии в июле 1907 г. (при обсуждении вопроса о профсоюзной работе) из уст эсера, представителя Закавказской области: «Мы и с.-д. не партия; возьмем возрастной состав: средний возраст герм[анских] с.-д. 30 лет, я член ОК — мне несколько больше 20»³³. К «германским» возрастным стандартам с.-д. и с.-р. приближались только когда речь шла о руководящих кругах этих партий (удельный вес интеллигенции также сразу во много раз возрастал). Так, например, среди участвовавших в I общепартийной конференции ПСР, проходившей в августе 1908 г. («20 представителей областных и губернских организаций, 6 членов ЦК, 37 уполномоченных ЦК и видных теоретиков») был опрошен 61 человек. Возрастные параметры оказались следующие: в возрасте до 25 лет было 9 человек, от 25 до 30 — 19, от 30 до 35 — 10, от 35 до 45 — 12, от 45 до 64 — 10. Выделяется группа от 25 до 35 лет (29 чел. — 47,6%). Сюда входили как представители «новой волны» — Фондаминский, Зензинов и др., так и активные теоретики и организаторы — Чернов, С. Н. Слетов, В. В. Леонович и др. Значителен был процент революционеров, начавших свою деятельность со времени «хождения в народ», «Земли и воли», «Народной воли», поздних народовольческих кружков. Удельный вес этой

группы в партии эсеров во много раз превышал долю революционеров этого поколения в партии социал-демократов. Ф. В. Волховский, Л. Э. Шишко, М. А. Натансон, Н. С. Тютчев, Е. Е. Лазарев являли живую связь партии эсеров с предшествующим, народническим этапом общественного движения в России. Следует отметить, что они относились к центральному ядру, их роль и влияние во многом определяли лицо партии эсеров.

Чернов приводил данные о среднем возрасте социал-демократов по анкетным данным участников V съезда РСДРП, состоявшегося в 1907 г., и количестве обысков, побегов, сроков тюремного заключения и т. д.: «Лондонский съезд с.-д. 338 чел. — 597 лет гласного надзора, тюрем, ссылки, каторги. Средний возраст 28 лет — 710 привлечений к делу, 201 побег. Лондонская конференция ПСР 61 чел. — 228 обысков, 146 попаданий в тюрьму, 121 год ссылки, 104 года тюрьмы, 88 лет каторги»³⁴.

Понять, как происходило в реальной жизни поддержание численного перевеса молодежи в революционной среде, нам поможет обращение к опыту, поставленному самой жизнью после Первой российской революции, хотя этот механизм работал и раньше и позже. После серьезных неудач и гибели «Народной воли» в 80-х гг. XIX в. в революционное движение пришла молодежь, а из действующих «стариков» в России остались считанные единицы. В массе своей они находились в эмиграции и «пушали революцию промеж собой», и лишь некоторые из них, выходя с поселений на рубеже XIX—XX вв., примыкали к «племени младому, незнакомому». Еще ярче это проявилось после 1907 г., когда под влиянием самых разных причин, начиная с усталости, потери перспектив, страха перед правительственными репрессиями и заканчивая гнетущим впечатлением от дела Азефа или разочарования в революционных лидерах, тысячи «старых» революционеров ушли в личную жизнь. После 1910 г. в России образовалась «организационная пустыня». И вот здесь-то вновь хлынула молодежь, чуть ли не на пустом месте вновь пытавшаяся «стать» эсерами и социал-демократами.

Получилось так, что в 1910—1914 гг. в России росла новая генерация эсеровских партийных работников, пришедших в партию в условиях распада и разрыва преемственных связей, и лично никак не связанная с лидерами. Весной 1912 г. один из руководителей партии, А. А. Аргунов, обобщив весь материал, имевшийся в его распоряжении, сделал симптоматический вывод: «Первое, что останавливает внимание, — это почти полное отсутствие в подполье нашей взрослой интеллигенции. Это наблюдается повсюду, констатируется в сообщениях с разных мест. „Нет опытных работников“, „нет опыта“, „учимся в процессе работы“ — таков общий голос. За самым редким исключением, „опытные“, „взрослые“ и проч. товарищи стоят в стороне от подполья»³⁵. Впрочем, бывшие партийные работники стояли в стороне и от легальной работы в различного рода «культурных учреждениях»³⁶. Аргунов делал справедливое заключение: «Таким образом, главная тяжесть подпольной работы лежит на плечах молодежи, — преимущественно студенчества, да провинциальной молодой „разночинной“ публики. На смену прежним руководителям движения явилась молодежь, работа в подполье ведется силами ее и передовой части рабочих и крестьян, при безучастном отношении взрослой опытной публики»³⁷.

Аналогичные процессы происходили в это время и в социал-демократической партии. Отход от партийных организаций, с одной стороны, тех «революционеров», которые были принесены в них волной ре-

волюции 1905—1907 гг., а с другой — разочарование части старых партийных работников в своей деятельности и «естественная убыль» их на каторгу, в ссылку, в эмиграцию приводили к смене поколений в партии. Вновь пришедшие горели желанием работать и приносить пользу, но далеко не всегда обладали для этого необходимыми знаниями. Неслучайно в это время большевики организовали и провели за границей занятия в трех пропагандистских школах для рабочих. Первые две были организованы группой «левых большевиков» во главе с А. А. Богдановым, для которого занятия с рабочими, приехавшими из России, были воплощением идеи «пролетарской культуры», которую, по его мнению, можно и должно было создавать еще до политического переворота и завоевания власти, которому должен предшествовать переворот идейный и духовный. Третья школа, известная гораздо больше и многократно описанная в литературе, была устроена ленинцами в Лонжюмо по образу и подобию первых двух. К сожалению, все школы, с одной стороны, активно использовались их устроителями для фракционной борьбы, а с другой — их выпускники по приезде в Россию довольно быстро были арестованы, т. к. в их среде были провокаторы. И все же, как нам кажется, нельзя не отметить деятельность этих школ как попытку создать механизм передачи революционного опыта новому поколению и, что гораздо важнее, воспитания, выработки нового типа партийного работника — из рабочих, который должен был прийти на смену старому партийному функционеру-интеллекту.

Примечательно, что в это же время Аргунов выступил инициатором издания «Памятной книжки с.-р.», в первом выпуске которой новое поколение эсеров знакомилось с программой, уставом и основными решениями съездов и Советов партии, а во втором — с техникой паспортного дела, статистикой террористических актов и указателем статей «Революционной России».

В этом контексте примечательны рассуждения Бабиной, пришедшей в ПСР после поражения революции 1905—1907 гг. и работавшей сначала пропагандисткой Василеостровского района Петербургской организации, а затем участвовавшей в издании органа Северного областного комитета «Голос социалиста-революционера» (конец 1908 — начало 1909 г.), а позже и в издании легальной эсеровской газеты в 1913—1914 гг. Оказавшись в феврале 1922 г. в Бутырской тюрьме вместе со многими видными эсеровскими лидерами, она восклицала: «<...> а ведь я их совсем мало знаю. Когда мое поколение пришло на подпольную работу, они все были кто уже в эмиграции, кто на каторге<...>»³⁸.

Конечно, нельзя абсолютизировать степень разорванности и обособленности старой и новой, растущей и объединяющейся партийной организации, но нельзя не видеть и того факта, что старая партия фактически рассыпалась, а ее вожди потеряли львиную долю своего авторитета и влияния. Конечно, в новых организациях работала и небольшая часть старых партийных работников, символизировавшая и осуществлявшая на практике преемственность идей и поколений, продолжали функционировать центральные органы партии, которые пытались координировать деятельность новых организаций и связать их воедино под своей эгидой. И тем не менее к 1913—1914 гг. ни для кого в партии не было секретом, что в России растет новая партийная организация, почти сплошь состоящая из новой генерации партийных работников, довольно скептически относящихся к авторитету и тактическим построениям эмигрантских лидеров партии.

Но самое важное, что подобное повторилось и в 1923—1925 гг., когда студенческая молодежь, начав борьбу с властью за свои права и «университетскую автономию», судорожно искала социалистов, которые уже были в ссылках и политизоляторах, и очень хотела помощи и ответов на многие вопросы. Вот как описывает это явление эсерка Олицкая, встретившаяся на Соловках с такими студентами: «<...>Мы увидели трех еще совсем молодых девушек. <...>Люся Ионова, Тася Попова, Аня Бахман <...> Привезли их из Ленинграда вместе с большой группой студенческой молодежи. <...>

Кто были эти девушки? Люся Ионова была дочерью старого народовольца, каторжанина. Выросла в каком-то ссыльном городке. Она с трепетом говорила об эсерах. Аня, кажется, сочувствовала с.-д., Тася еще не знала, к какому направлению примкнуть. Они все трое говорили о том, как ждут встречи со старшими товарищами, как мечтают в тюрьме выработать свое мировоззрение (выделено нами. — К. М.).

<...> Юноши производили более серьезное впечатление, но и они были еще неоперившимися птенцами. Мечталось им о всяких идеалах, свободе, справедливости, равенстве, тех идеалах, на которых вырастало их поколение. Все свои силы готовилась молодежь отдать им. Много недоуменных вопросов вставало перед ними, со многим спорным и неясным столкнулись они, попав за решетку. Со всеми этими вопросами обратились они теперь к первым встреченным старым социалистам (выделено нами. — К. М.)»³⁹.

Сломать этот механизм прихода молодежи в революционную среду удалось только в 30—40-е гг., с одной стороны, физическим уничтожением этой самой революционной среды, с другой — вбиванием в голову недопустимости наличия у советской молодежи какой-либо «контркультуры». Но ни страх общественного осуждения, ни страх репрессий не смог прекратить естественного для молодежи процесса — обретения себя хоть в каком-то протесте. С 50-х гг. он выплеснулся и в стилигах, и в увлечении западной музыкой, и, конечно же, в попытках политического протеста, который в 40—50-е гг. шел в русле критики коммунистов с позиций классиков марксизма-ленинизма. Позже, в 60—70-е гг., вспыхивает диссидентское движение и подпольные политические движения молодежи, от монархического до прокоммунистического, но связь поколений к этому времени была уже разорвана.

Еще одна проблема — это вопрос о степени «закрытости» революционной субкультуры и революционной среды как группы с девиантным поведением. Аналогия с другими группами, такими, как религиозные секты и уголовное сообщество, уместны лишь до определенного момента. Прежде всего, представляется, что «революционная субкультура», в отличие, скажем, от религиозных сектантов, действительно старавшихся не выходить из своего, как метко заметил Л. Лурье, «культурного скита», была более открыта для новаций. Другими словами, неистребимая печать «молодежной контркультуры» делала революционную субкультуру очень непохожей на другие замкнутые субкультуры. Кроме того, различны и механизмы прихода в сектантскую и революционную среду. В первом случае почти исключительно работает канал рождения в данной среде и лишь отчасти — приход со стороны. (Правда, это больше характерно для традиционных раскольнических и религиозных сект, насчитывающих за своими плечами десятилетия и столетия типа «адвентистов седьмого дня», баптистов, «пятидесятников» и т. д. «Молодежный протест» и поиск новой «контркультуры» ведет не столько к ним, сколько к разного рода «новым» религиозным сектам, начиная от «сатанистов» и кончая «Аум Сен-

рике».) Но, как представляется, и в «традиционных», и даже в «новых» религиозных сектах действует куда более мощная, чем в революционной среде, система табу, мешающая молодежи разрушить святые для секты идеи и формы. Важно и то, что революционер ищет свободу не только для общества, но и для себя. И революционная среда (по представлениям вступающего в него молодого человека) должна была ее обеспечить. Другое дело, что в реальности вместо ожидаемых свободы и братства молодой революционер мог встретить и деспотизм Нечаева, проводившего в жизнь положения своего «Катехизиса революционера».

Необходимо также отметить, что у революционеров был велик интерес к сектантам самых разных толков и предпринимались попытки использования их в революционных целях. Особо подчеркнем, что революционную и сектантскую среду также объединяло (а вот этого совсем не было в уголовной среде) общее стремление нести в народ проповедь своей «правды», своей «веры».

Уголовная субкультура — и с точки зрения поиска молодежи «контркультуры», и с точки зрения ценности личной свободы (и в легендизированном образе воровской свободы и культе «незарешеченной» воли), в каком-то смысле ближе к революционной. Совершенно не случайно, что в ряде случаев революционеры испытывали неподдельный интерес к уголовному миру. Широко известно, что Бакунин и «бакунисты» 70-х гг. XIX в. считали «разбойников» своеобразным авангардом грядущей революции, да и позже анархисты, выбирая, кто им ближе, тяготели к ним. Так, скажем, эсерка Инна Ракиитникова вспоминала о своем этапном путешествии в Сибирь в 1907 г.: «Было в составе партии и много анархистов разных толков. Отмечу, что они держались обособленно и к нам, „политическим“, т. е. соц.-дем. и соц.-рев., относились весьма недружелюбно, зато с самыми темными личностями из уголовных были за панибрата. Доходило даже до попытки с их стороны восстановить против нас уголовных»⁴⁰. С другой стороны, и сами уголовные элементы, скажем, в стихиях революций 1905—1907 гг. и 1917 г. охотно маскировались под «революционные» экспроприаторские группы, перемешиваясь порой с выходцами из эсеровской, эсдековской, максималистской и анархистской среды. Таких экспроприаторских групп было в это время немало.

В то же время между ними было слишком много различий... Представляется, что «закрытость» революционной среды совершенно иная, чем у уголовной субкультуры и у сектантов, и помимо прочего, о чем уже говорилось, диктовалась еще двумя обстоятельствами. «Уголовная субкультура» не ставила себе задачи глобального преобразования современного мира сверху донизу: от культуры до экономики. Ее носители не собирались идти в народ с проповедью тех или иных идей, и все общение с различными категориями граждан у «уголовного мира» сводилось к оказанию им помощи в освобождении от «лишнего» имущества и денег. Но есть и еще одно обстоятельство. Сектанты тоже несли «веру» и порой не прочь были ее «пропагандировать». Но в отличие от революционеров, сектантам и в голову не приходило учиться чему-то у народа и с помощью понятого и осмысленного испрывать свою «веру» и образ жизни. Социалисты же смотрели на «народ» или на «пролетариат» (в зависимости от партийной окраски) как на «бога», у которого хотели учиться и которому хотели искренне служить, а для этого хотели понять его потребности (что опять же толкало к изучению этого «бога»). «Хождение в народ» и непонятость народом заставили часть революционеров обратить свои взоры на пролетариат, а часть подтолкнули к серьезному изучению своего «бога», которому они собрались

«помогать». Народнические публицисты с 70—80-х гг., а позже и эсеры всерьез принялись за изучение крестьянства, его быта, его экономики, его ментальности и за несколько десятилетий многого добились. Представляется крайне интересным, что весной 1907 г. в инструкции руководства партии эсеровским местным работникам, где рассказывалось о целях, задачах, способах организации, агитации и деятельности Крестьянского союза ПСР, содержалась также «Программа вопросов для ознакомления пропагандистов с местными условиями». По сути дела партийным работникам предлагалось провести своеобразный социологический опрос среди крестьян, состоявший из 60 вопросов, разбитых на 10 блоков. Прежде всего, партработник должен был собрать ответы на 25 вопросов, рисующих социально-экономический портрет данной деревни. Часть из девяти разделов носила названия, говорящие сами за себя: Власть, Попы, Помещики, Кулаки, Борьба, Война, Литература. Вопросы выясняли как фактическое положение, так и мнение крестьян по этим и другим вопросам.

Без сомнения, при подробном ответе на эти вопросы можно было получить очень детальную картину жизни села, различных его социальных групп, их психологии и взглядов, а также об отношении крестьян к местным властям, попам, помещикам, кулакам. Но особенно интересно, что эсеры пытались выяснить у крестьян их мнение и по таким вопросам: «Нужна ли постоянная армия и чем ее можно заменить», «Что думают о Государственной думе и о народных представителях», «Какое нужно законодательное собрание и как в него выбирать уполномоченных», «Кто должен заведовать расходованием казенных денег и как об этом получать отчет», «Что думают и знают о настоящем положении России», «Что может случиться», «Что нужно делать»⁴¹. Такая попытка эсеров наладить «обратную связь» с крестьянством и учитывать его взгляды и мнения представляется весьма характерной и важной. Не менее характерно, что результаты этого своеобразного опроса были опубликованы в центральном партийном органе — газете «Знамя труда». Представляется вовсе не случайностью, что именно эсеры адекватно выразили многие чаяния русского крестьянства, во многом именно крестьянскими голосами они одержали оглушительную победу на выборах в Учредительное собрание в конце 1917 г. Правда, левонароднический публицист и исследователь крестьянской общины К. Р. Кочаровский уже в начале 20-х гг. восклицал: «<...>У ново-народников не возобновилось ни страстного увлечения народом — крестьянством и его миром, ни непосредственного хождения в народ и прямого знания его. Признав „холодным разумом“ его живучесть, изумившись и обрадовавшись его революционным вспышкам, ново-народники стали усердно кормить народ жадно поглощаемой им пропагандой „аграрной программы“, но не уверовали в него, не полюбили его, как родного, не слились с ним жизнью и душой. Оставаясь почти все в городах, вне крестьянской стихии, новые народники, хотя и жаждали полной доктрины так же, как народ, но в сутолоке событий, в напряженной борьбе не успевали ее обрести и не могли ее дать народу. Первая Революция разразилась в момент, когда народничество еще не успело воспрянуть, воскреснуть духом. И это было великим несчастьем для нее. Раскрывшаяся в великом движении народная душа переживала эту первую революцию, как „первую любовь“, как переживания самых первых народников в „хождении в народ“ — и вот она не получила в ответ на это великого творческого вдохновения полного народнического социализма как цельной религии. Народ и народничество не слились целиком

воедино. Остались дружественными, близкими, но отдельными силами. И в эту отдаленность потом проскользнуло упорное негативное антинародничество — проскользнул большевистский демагогизм»⁴².

Эсер Вишняк уже в 50-е гг. XX в. в статье «Оправдание народничества», оспаривая традиционный тезис о том, что центральным ядром народнической (и эсеровской) идеологии является вопрос об «особых путях» развития России, заявлял: «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором — в меньшей степени в прошлом, в возрастающей степени в будущем»⁴³. Не менее важным признаком народнической идеологии он считал подчеркивание ценности человеческой личности и создание демократического общественного устройства. Во многом с ним был солидарен и М. М. Карпович (один из авторов сборника «Судьбы России», изданного в 1957 г. «Объединением российских народников», возглавлявшимся А. Ф. Керенским), который отмечал: «Народничество 70-х годов было „религией социального долга“, но среди его учителей были Лавров, видевший главного двигателя прогресса в „критически-мыслящей личности“, и Михайловский, поднявший знамя „борьбы за индивидуальность“. <...> Свобода личности была для них неразрывно связана с ее ответственностью, с сознанием ее нравственного долга перед каждым из „братий по крови“, как писал Белинский. В народничестве 70-х годов эта связь свободолюбия с народолюбием сказалась с особой напряженностью, и знаменитое „хождение в народ“ при всей его политической неподготовленности и бесплодности навсегда останется примером высокого морального воодушевления и бескорыстной жертвенности. <...> И так же, как в вопросе об отдельной человеческой личности, так и в своем отношении к народу (в условиях того времени это было прежде всего крестьянство) русская интеллигенция видела в нем не средство для достижения своих целей, не опытное поле для произведения социально-политических экспериментов, а своего рода коллективную личность, в которой она уважала ее самобытность и чаяния и нужды которой она стремилась познать. <...> С признанием за народом права на самобытное существование была неразрывно связана идея народной самодеятельности, народного самоуправления. В своем логическом развитии эта идея приводила к мысли о необходимости создания в России правового демократического государства. Не все из свободолюбивых течений русской общественной мысли пришли к этому выводу с надлежащей быстротой, а некоторые из них вообще не сделали»⁴⁴.

Социал-демократы, в отличие от народников, «обожевали» не весь «трудящийся народ», а только часть его, а именно «пролетариат». Но поклонялись они ему в 80—90-е гг. XIX в. не менее истово. Меньшевик Валентинов вспоминал: «Осенью 1898 г., незадолго до моей высылки из Петербурга, я слушал на сходке в Технологическом институте речь одного студента старшего курса.<...> Он желчно говорил о студенческом движении: „Вы устраиваете сходки, протестуете, волнуетесь, думаете сделать что-то большое. Неужели вы не понимаете, что вы не сила? **Вы ничто. Такое же ничто, как болтающая либеральная буржуазия и беспомощное, темное, забитое крестьянство. Единственная сила, способная разрушить современный строй,— это мощный числом, хорошо организованный, познавший свои классовые интересы пролетариат. Научный социализм устами Маркса учт, что ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются скрытые в ней новые производительные силы** (выделено нами. — К. М.).

И с головы самодержавно-крепостнического строя не упадет *ни один волосок* и этот строй не погибнет, пока не разовьется российский капитализм, пока из брошенных на фабрики и заводы крестьян и мещан не сформируется мощный рабочий класс. Этого класса у нас еще нет, а те слои его, которые существуют, удушаются варварскими условиями, свойственными начинающему появляться капитализму. **Если вы действительно хотите делать полезное общественное дело, оставьте ненужную болтовню, идите в рабочую среду, помогайте ей, как можете, чем можете. Делайте все, чтобы улучшить, поднять ее нищенский уровень жизни, избавить ее от каторжного одиннадцатичасового рабочего дня. Помните — только из этой среды придет в будущем освободитель нашей страны**“ (выделено нами. — К. М.).

Но даже социал-демократы, весьма скептически оценивавшие место «народа» (за исключением пролетариата) в будущем обществе и в целом то явно не собиравшиеся у него учиться, в начале XX в. не думали о репрессивных мерах в отношении него. Интересно свидетельство Валентинова об одном разговоре с Лениным и Н. К. Крупской в это время: «Можно с уверенностью сказать, что в партии никто тогда не думал, что социалисты могут прибегать к „щелчкам“ и репрессивным мерам по отношению к народным массам. О щелчках, притом жестоких, весьма думали, но они предназначались не „своим“, а „чужим“ — слугам самодержавия, буржуазии, входя в понятие революции и „диктатуры пролетариата“. Что же касается воздействия на народную массу, оно представлялось исключительно в виде идейного воспитания, внушения, уговаривания, апелляции к разуму, совести, расчету. Я почувствовал, что в этой очень важной области взгляды Ленина далеко отходят от сентиментальной политической „педагогике“, разделяемой всеми социалистами»⁴⁵.

Сильнейший отпечаток на революционную субкультуру наложило то, что она всегда была гонимой, противозаконной, нелегальной. Крайне ценны для нас размышления Л. Дейча о причинах существования именно в России столь мощного слоя «нелегальных», о складывании традиций нелегального существования и о преимуществах нелегального существования (позволим себе обширную цитату): «С переходом после побега на „нелегальное“ положение, для меня началась совершенно новая жизнь. <...> Я должен был впредь избегать всех не социалистов, знавших меня в лицо, чтобы их не скомпрометировать и себе не повредить тем или другим неосторожным поступком. Уже одно это сознание, понятно, не представляло собою решительно ничего утешительного, особенно если принять во внимание, что мне тогда было всего двадцать лет. Впоследствии я, конечно, свылся с этим обстоятельством. Но еще в более сильной степени давал себя чувствовать, особенно на первых порах, разрыв со всеми близкими, родными, старыми друзьями, так как переходом в разряд «нелегальных» я должен был навсегда прервать все связи с прошлым. Правда, в революционной среде я вскоре нашел очень близких и ставших дорогими мне товарищей, с которыми я сошелся на всю мою дальнейшую жизнь, тем не менее ощущение некоторой неприютности, жуткости, вследствие замкнутости в очень тесной революционной среде в сущности никогда не исчезало у меня; временами в особенно сильной степени давала себя чувствовать почти полная моя оторванность от всего остального мира. <...>».

Этот слой революционеров — „нелегальные“ — кажется, присущ был почти исключительно только нашему освободительному движению, по крайней мере в том виде и размахе, какие он у нас принял. <...> Не го-

воря уже о том, что, насколько мне известно, ни в одной из западноевропейских стран „нелегальные“ никогда не достигали такого относительно большого контингента, как у нас, нигде к тому же этот слой не играл такой крупной роли в революционных движениях, как в России. <...>

Способствовала возникновению и долгому существованию „нелегальных людей“, конечно, наша культурная отсталость, а также существовавшая при царизме паспортная система с подкупностью полиции и пр. Проживание в течение многих лет под фальшивыми паспортами или с ведома полиции, без всякого вида на жительство, практиковалось у нас разным преследуемым и разыскиваемым лицом — сектантами, уголовными бродягами — с давних времен. Несомненно, интеллигентная молодежь занимала этот прием еще в 60-х гг. минувшего столетия. Но сначала лишь отдельные лица, да и то только в крайне редких случаях прибегали к проживанию под чужими именами. Затем начавшееся в 70-х годах „хождение в народ“ вызвало необходимость пользоваться фальшивыми паспортами, преимущественно крестьянскими, в сравнительно широких размерах. Отсюда уже недалеко было и до появления специального типа — „нелегального революционера“.

Когда, как я уже выше сообщил, после погрома 1874 г. несколько десятков пропагандистов остались не разысканными, то преобладающий контингент их не эмигрировал за границу, а остался в России. Списки их с обозначением их примет были Третьим отделением разосланы повсюду; разыскиваемым, понятно, пришлось поэтому прибегнуть к самодельным паспортам, с которыми нетрудно было свободно проживать, вращаясь как среди учащейся молодежи, так даже и в обществе. Вскоре затем практика показала, что „нелегальное“ существование не только не стеснительно, но при господствовавших в России порядках представляет много удобств и даже преимуществ: **легальным** революционерам легче было скомпрометироваться и попасть в руки властей, так как их имена и адреса скорее становились известными полиции. **Легальный** был всегда менее настороже, чем нелегальный; так, например, последний только самым близким товарищам сообщал свой адрес и фамилию, под которой он проживал, для большей безопасности он среди знакомых фигурировал под какой-нибудь кличкой, а на квартире жил под фамилией, известной только немногим посещавшим его друзьям. Сверх того, у „нелегального“ имелся всегда про запас еще второй, а то и третий фальшивый паспорт: скомпрометировав один, он без всякого труда и риска переезжал в другой город, а то лишь на другую квартиру, где прописывался уже под иной фамилией. Благодаря такой легкости перемены документов, а следовательно и местожительства, звания, профессии и пр., некоторым «нелегальным» удавалось продержаться на воле, несмотря на энергичнейшие розыски их полицией, по 4—5, а то и больше лет. Мих. Фроленко, например, не уезжая ни разу за границу, просуществовал на нелегальном положении больше **шести** лет, что решительно не случалось ни с кем из легально проживавших революционеров.

Неверно затем предположение, будто „нелегальный“ всегда тщательно скрывался от посторонних лиц, от общества, что он никуда не показывался, таился в подполье и т. п. Наоборот, с истечением времени „нелегальный“ всюду, куда считал нужным, являлся, завязывая сношения в обществе, выступая на сходках и пр. Многим из встречавшимся с ним лиц было известно, что он „нелегальный“, и одно уже это обстоятельство импонировало, поднимало его фонды и значение.

Когда к концу 70-х гг. контингент „нелегальных“ сильно разросся, причем нередко целые кружки, общества и обширные организации состояли почти сплошь из одних лишь „нелегальных“, то создалась даже особая психология этого разряда революционеров. Так, нелегальное существование приучало к вполне равнодушному отношению ко всему будничному, материальному. „Нелегальный“, часто не знавший, где проведет он ближайшую ночь, в буквальном смысле слова не имел никакой собственности, кроме бывшей на нем и в его карманах, да и эти вещи нередко были взяты у товарищей. Поэтому он не мог даже говорить „omnia mea mecum porto“.

Бродячий образ жизни, неопределенность существования и постоянное ожидание ареста — это и многое другое развивали в „нелегальном“ постоянную привычку к опасностям, полное равнодушие к своему будущему, готовность в любой момент расстаться со свободой, а то и с самой жизнью и пр. Отсюда также вытекало его стремление сделать что-нибудь заметное, крупное, громкое. Эти же условия жизни вызывали у него жажду сильных ощущений, рискованных и опасных предприятий. В огромном большинстве случаев „нелегальный“ являлся поэтому смелым, отважным борцом, готовым в любой момент прикнудить к самому отчаянному предприятию, в котором ему нетрудно было сложить свою буйную голову. Само собою разумеется, что также и в возникновении этой психологии равнодушия к материальным удобствам, с одной стороны, и удали — с другой, немалую роль сыграл вообще господствовавший в стране строй, с крайним его произволом, злоупотреблениями, с ужасными тюремными порядками и пр.

Начиная с 19-го февраля 1876 г., т. е. со дня моего побега из гауптвахты, мне самому пришлось в течение многих последовавших затем лет испытать все прелести „нелегального“ существования. И теперь на склоне лет я совсем без удовольствия вспоминаю о многих эпизодах из этого периода, занимаящего, однако, больше трети моей сравнительно довольно длинной жизни...»⁴⁶.

К началу XX в., и особенно после революции 1905—1907 гг., квалификация полиции (и сеть ее секретных сотрудников) выросла настолько, что ни о каком многолетнем нахождении в качестве нелегального и речи уже не было⁴⁷, но традиции «нелегального» были уже весьма крепки, да и само положение имело свои плюсы, не говоря уже о тех ситуациях, когда оно было абсолютно необходимым или вынужденным.

Как и 30—40 лет назад, нелегальная работа накладывала свой отпечаток на привычки и ментальность людей. Так, например, большевичка Е. Д. Стасова вспоминала: «Какие черты должен был воспитывать в себе партийный работник в нелегальное время? Во-первых, точность. Не всегда можно было встретиться с товарищами на квартире, иногда приходилось встречаться на улице, где-нибудь на углу, и тут нужна была исключительная точность. Если вы придете с опозданием, товарищу придется в ожидании вас прохаживаться. Этим он обратит на себя внимание городского, шпика, дворника. Следовательно, вы ставите под наблюдение полиции и товарища, и себя. Надо было минута в минуту сойтись и идти дальше. Тогда ваша явка проходила незамеченной.

Явки часто бывали на квартирах у врачей, у адвокатов. Приемные часы у них были определенные. Значит, нужно было вовремя прийти и вовремя уйти.

Затем требовалась наблюдательность, внимание к окружающему. Эти черты мы воспитывали в себе так: например, я вхожу в комнату, и товарищ мне говорит: „Отвернись и скажи, что ты видела?“ И я должна была перечислить все, что заметила в комнате.

Кроме того, мы должны были вырабатывать умение владеть своим лицом. Когда нас брали на допрос, допрашивающие садились спиной к свету, а нас сажали против света и наблюдали за выражением лица. Значит, надо было владеть им, чтобы ничем не выдать своих мыслей и чувств.

У нас не принято было спрашивать друг у друга о том, что тебя не касается. Когда я заведовала техникой, я, конечно, знала товарищей, занимавшихся агитацией и пропагандой, но их подшефных, то есть тех, кто посещал их кружки, я не знала. Они могли мне дать поручение: отнести на такую-то квартиру литературу для рабочих. Но какой это кружок, кто руководил им, этого я никогда не знала и не спрашивала об этом»⁴⁸.

Разоблачение провокаторства Е. Ф. Азефа вызвало в эсеровской партии паранойю провокаторофобии, в результате которой многие революционеры теряли веру в людей, становились излишне подозрительными. По словам Зензинова, «измена Азефа на многих произвела ошеломляющее впечатление, многие разуверились в жизни, в людях, в партии — было даже несколько случаев самоубийства в связи именно с этим событием (выделено нами. — К. М.)»⁴⁹. Много лет спустя, задаваясь вопросом, какой стороне Азеф «нанес наибольший вред», М. М. Чернавский считал, что «придется признать, что печальное преимущество несомненно на стороне партии. Достаточно оценить эффект его разоблачения для правительства и для партии, чтобы убедиться в правильности нашей мысли. Для правительства разоблачение сошло — можно сказать — „как с гуся вода“, тогда как в партии оно нанесло сокрушительный удар по всей ее организации сверху донизу, и — что еще хуже — внесло смуту в души ее работников, подорвало взаимное доверие»⁵⁰.

Конспиративная жизнь диктовала и такие вещи, как привычка к расхождению между словами о внутрипартийной демократии и реальной практикой, где процветали кооптации, конспирирования друг от друга, и недемократичность партийных комитетов. Меньшевик Б. И. Горев, вспоминая о 1896 г., констатировал: «Мы ведь не только мало развитых рабочих, но даже близких к нам интеллигентов-пропагандистов никогда не посвящали в важнейшие дела „центра“, и это продолжалось еще год после моего ареста, когда выборы на первый съезд партии были произведены 3—4 лицами, ближайшими к С. И. Радченко, а вся „периферия“ по „конспиративным“ соображениям о съезде и не подозревала»⁵¹.

Конспиративность и недемократичность партийных комитетов вообще стала притчей во языцех. Так, например, вспоминая о своей работе в Харьковской организации РСДРП в 1899—1900 гг., Ц. Бобровская писала: «Несмотря на подъем настроения среди рабочих, Харьковский комитет продолжал упорно конспирироваться. Даже нас, работников, выполнявших сложную работу, не подпускали к комитету, что называется, на расстояние пушечного выстрела. Это конспирирование сверх меры не только больно задевало самолюбие рядовых работников, но и вредно отзывалось на работе в целом, так как нам, проводившим в жизнь решения комитета, приходилось принимать их в готовом виде, без всякого обсуждения. Такая ультраконспиративная постановка дела рождала сильное недовольство.

<...>точно регламентированных форм организации тогда еще не было не только в Харькове, но и по всей России. Комитеты на местах и выбирались и назначались из центра, пополнялись путем кооптации. Чаще всего наши комитеты строились так: очутившийся в каком-либо городе активный революционер связывался с рабочими и подбирал несколько человек для руководящей работы. Затем объявлялось о создании комитета»⁵².

«Карьерный рост» революционеров также строился совершенно по другим принципам, чем в «нормальной» жизни. Так, Горев, вспоминая о работе в 1896 г., отмечал: «Вообще же обыкновенно после каждого „провала“ члены организации, находившиеся на „периферии“, автоматически приближались к „центру“, т. е. занимали более ответственные посты и принимали на свой страх более важные решения»⁵³. Такая ротация отчасти формировала и то отношение, на основе которого родилось знаменитое сталинское «незаменимых у нас нет» и отношение к людям как к винтикам. Да и вообще, рождаются какие-то аналогии с тем, как позже коммунисты в 30—40-е гг. занимали опустевшие после арестов кабинеты своих начальников, часть которых спровадили не без помощи савдвшихся (очень часто ненадолго) в это кресло.

Не было строго прописанных процедур и правил и у эсеров. Говоря о предреволюционном периоде, И. А. Рубанович в 1910 г. отмечал: «<...> Я тогда смотрел так, что вообще в партии совершенно не выяснены были организационные и функциональные отношения: Кто такой Центральный Комитет? Кто такие эти заправилы официальными органами? и почему они являются заправилы? Вот хотя бы Гоц и Чернов: дают ли им директивы из России или же Россия получает директивы от них? <...> Я констатировал отсутствие определенных организационных отношений»⁵⁴. Вспоминая I съезд партии, И. А. Рубанович восклицал: «<...> Вот начинаются выборы в Центральный Комитет, по рукам циркулирует неизвестно кем составленный список кандидатов, и во время выборов все, как бараны, подают свои голоса за этих пять намеченных человек. И я говорю: этот Центральный Комитет назначается из Нишцы, назначается большим, лежащим человеком (М. Р. Гоцем. — *К. М.*), и если сейчас в Финляндии происходят выборы, то это только формальное „быть по сему“. Я и никого не обвиняю: тут нет ни кружковщины, ничего такого, этот человек безупречной нравственности, но политического такта у него ни на грош. Если бы они это понимали, то они никогда не взяли бы в Центральный Комитет этого человека (Е. Ф. Азефа. — *К. М.*), не потому, чтобы они ему не доверяли, а просто потому, что как же брать в Центральный Комитет социалистической партии человека, который вам говорит, что „я не социалист“?»⁵⁵.

Было бы крайним упрощением пытаться свести всю сложность построения социалистической партии, которую хотели базировать на принципах федеративности и выборного начала в нелегальных условиях авторитарного общества, лишь к субъективному фактору. В эсеровской среде всегда были широко представлены стремления к созданию организаций на принципах демократии и федеративности. Они опирались на мирозерцание и идейные взгляды людей, смотревших на себя как на социалистов и демократов. Кроме того, они были укоренены в обычном праве конспиративно-элитарных кружков, члены которых, как правило, были связаны личными, а подчас и дружескими отношениями. Отношения между членами подобных кружков или организаций строились на основе личного статуса и авторитета того или иного его члена при минимальной формализации этих отношений. Даже при объединении в рамках единой партии эти кружки или организации оставались во многом самостоятельными, опираясь на нормы революционного обычного права, строя свои взаимоотношения с центром и другими организациями на федеративных началах. Организации даже низового уровня принимали свои собственные уставы, а в работе опирались, как правило, только на свои собственные силы. Связь и помощь со стороны центра партии носили нерегулярный и недостаточный характер.

Для предреволюционного периода существования ПСР характерно странное переплетение формально не очерченных принципов и форм федеративного и централистического устройства. Само создание партии носило характер федеративного договора представителей различных организаций. Но руководящий центр составлялся достаточно стихийно, даже случайно, не имел четко очерченных полномочий и четких механизмов их организационной реализации. Мнение о том, что российские партии создавались сверху, применительно к эсеровской партии требует существенных оговорок. Она не создавалась из одного центра, по одному плану. Скорее, центр возник для объединения уже существующих, весьма разнородных и изолированных друг от друга групп, опиравшихся на традиционное революционное право.

Несомненно, центр пытался регламентировать партийную жизнь, стремился к созданию властной вертикали, к централизации партии. Но так же несомненно, что эти попытки сдерживались и неизжитым обычным правом, которое приходилось учитывать членам ЦК, и слабостью самого центра, и отсутствием необходимых возможностей, сил и средств для превращения малочисленных, почти автономных, глубоко законспирированных организаций в централизованную, дисциплинированную партию. Да и сама степень приверженности идеям централизации у эсеровского руководства была в целом неизмеримо слабее, чем, скажем, у большевиков и Ленина. В последнем большевики видели харизматического лидера и, по свидетельству Валентинова, даже такие «партийные генералы», как Богданов, первоначально не заступали ему дороги, заботясь об укреплении силы и мощи большевистских организаций.

В феврале 1904 г. Богданов заявлял Валентинову: «<...> В предстоящей борьбе [с меньшевиками] мы все, как один человек, должны дружно сгрудиться около Ленина, всячески помогать ему, оказывать ему максимальную поддержку, хотя для некоторых из нас не все стороны его характера приемлемы. <...> Среди большевиков должно быть больше почтения к Ленину, нам нужно его защищать, а не вести против него критику, да еще вдобавок дерзкую»⁵⁶. Несколько сомневаясь в точности передачи Валентиновым слов Богданова, тем не менее можно согласиться с ним, что подобные настроения были весьма характерны для большевиков-ленинцев, особенно в более позднее время.

Сам же Богданов кардинально разошелся с Лениным и по политическим, и по философским вопросам в 1909 г. И хотя на поверхности лежала их философская дискуссия, олицетворенная ленинским «Материализмом и эмпириокритицизмом», истинные причины их расхождений были значительно глубже. Не вдаваясь здесь в подробности, отметим лишь, что, на наш взгляд, речь шла не только и не столько о политических разногласиях по тактическим вопросам, но и о стратегии дальнейшей борьбы. Богданов, сформулировавший к этому времени основные положения теории «пролетарской культуры», исходил прежде всего из того, что перевороту политическому, в ходе которого рабочий класс со своей партией во главе придет к власти, должен обязательно предшествовать переворот духовный, культурный. С его точки зрения, вначале пролетариат должен был овладеть новой культурой и лишь затем приступить к построению нового мира, основанного на этой новой культуре. Этот взгляд был глубоко чужд Ленину, который считал первоочередной задачей захват власти, после которого, по его мнению, сложатся более благоприятные условия для культурного переворота. Дальнейшие события в России после Октября 1917 г., на наш взгляд, показали глубинную

правоту Богданова, ибо пришедшая к власти партия большевиков, проводя, в том числе, и культурную революцию, способствовала утверждению совсем не той культуры нового мира, о которой мечтал Богданов.

Кроме того, Богданов выступал против того авторитарного стиля руководства и общения, который насаждался в ленинской части большевистской партии. Сам он ратовал за истинно товарищеские отношения, которые были, с его точки зрения, теми зачатками новой культуры, которые социал-демократы могут и должны проводить в жизнь уже сейчас, не дожидаясь политических изменений общества.

Идеал «ордена меченосцев» был чужд и эсерам, скорее ориентировавшимся на эталонную партию II Интернационала — СДПГ, — конечно, с учетом суровой российской специфики. Неслучайно, что у эсеров не было единого лидера-вождя харизматического типа, а существовала группа таких лидеров из 4—5 человек, которых можно обозначить как своеобразного «коллективного лидера». Применительно к отдельным членам эсеровского руководства мы, пожалуй, можем говорить о стремлении к централизации, строительству сверху и т. п. Но говорить об этом можно лишь с учетом, с одной стороны, природы и психологии любого руководящего центра, силою вещей стремящегося усилить свою власть и расширить свои полномочия; с другой стороны, с учетом нелегальных условий России, из которых вытекала невозможность существования открытой, с демократическими, гласными процедурами и системой взаимного контроля организации.

Для многих считалось аксиомой, что жестко централизованная и дисциплинированная организация обладает большей конспиративностью, лучшей «полицейской выживаемостью», имеет больше возможностей для обнаружения и локализации провокации. Кроме того, следует иметь в виду, что, как бы ни был склонен к жестким авторитарным методам управления тот или иной эсеровский деятель, ему приходилось считаться с традициями и вольнолюбием эсеровской среды. В этой связи очень показателен пример Азефа, обладавшего крупным организаторским талантом и склонного к жестким, авторитарным методам работы. Но при всей своей властности Азеф не командовал членами БО, да и не мог бы этого сделать при всем своем желании. По авторитетному свидетельству Савинкова, Азеф напоминал капитана корабля, не выходявшего из своей каюты, общавшегося с командой через старшего офицера — Савинкова, — бывшего членом этой команды и связанного со многими из них дружбой. По его свидетельству, в котором трудно усомниться, ни одно из важных, принципиальных решений не принималось, не будучи обсуждено всеми членами организации, рассматривавшими ее как своего рода «братство» и «семью».

Но если это было применимо к такой организации, как БО, которая по своей дисциплинированности, несомненно, превосходила любую из партийных организаций, то еще более это было применимо к местным организациям, где любые авторитарные устремления любого руководителя встречались в штыки. Нужно всегда иметь в виду, что «партийное общественное мнение» очень бурно реагировало на какие-либо отклонения от соблюдения демократических норм и правил игры, заставляя всех руководителей опасаться отхода от них, чреватого скандалами и импульсивными обвинениями. Подобные нормы были установлены на I съезде партии и корректировались II съездом партии, Советами партии и общепартийной конференцией. Представляется, что можно смело утверждать, что в основу эсеровской организации были заложены принципы демо-

кратизма и федеративности. Попытки централизовать и дисциплинировать партию, преодолеть ее организационную аморфность и недисциплинированность, своеволие местных организаций наталкивались на мощное сопротивление «партийных масс».

Одним из ключевых системообразующих элементов сложившейся субкультуры может считаться система поведенческих норм, регулируемых «общественным мнением» социума, намечающего границы допустимого и недопустимого (и контролирующего соблюдение этих норм). Потребность для российских революционеров в подобном была вопросом выживания социума, что привело к постепенному созданию своеобразного «партийного правосудия». Нормы поведения революционера на следствии, в тюрьме, на суде (помогающие ему проводить грань между допустимым в компромиссах для облегчения своей участи, с одной стороны, и предательством — с другой) и их мотивация, собственно говоря, и стали первым побудительным толчком к созданию того, что можно назвать своеобразным революционным «партийным правом». «Партийное правосудие» же вобрало в себя, помимо правовых норм, также конкретные механизмы и структуры следствия и суда. Кроме этого, важнейшей функцией партийного и внепартийного «товарищеского» следствия и суда являлись восстановление чести и защита достоинства революционера.

Генезис и развитие революционного права отразили в себе общие тенденции и источники генезиса и развития субкультуры российского революционера в целом, причем огромную роль играли и социальные источники их формирования, и общественно-политические условия (взять хотя бы для примера периоды реакций и революций, немедленно накладывавших свой отпечаток на них). Если говорить о социальных источниках формирования революционной субкультуры и революционного права, то с одной стороны, они складывались под сильным и, пожалуй, даже доминантным влиянием дворянской культуры, в том числе и игравших в ней ключевую роль т. н. «законов чести», а с другой — участвовавшие в революционном движении представители самых различных классов и социальных слоев общества также весьма ощутимо влияли на формирование правосознания, норм поведения и практики революционера.

Третейские разбирательства практиковались и до возникновения всевозможных партийных следственных и судебных структур, и после, имея свою собственную нишу, так же, как и особые цели и задачи. Подчеркнем, что третейские разбирательства, в отличие от тех партийных механизмов следствия и суда, о которых пойдет речь ниже, не были придуманы собственно революционерами, а были заимствованы из арсенала российской интеллигенции, решавшей с их помощью конфликты в своей среде. Более того, третейский суд и суд чести революционер мог созывать, пока данное дело не задевало «партийных» интересов, после чего на него, как правило, распространялась «партийная» юрисдикция. Поводы, круг вопросов и даже формы третейских судов были различны, а вот его основная идея или его принцип оставался неизменным. Он был хорошо сформулирован видным эсером И. А. Рубановичем, который в 1904 г. для решения своего конфликта с Черновым и Азефом, строил «маленький третейский суд»: «<...> Вот придет Чернов, придет Азеф, мы возьмем нейтрального уважаемого человека, изложим ему все это дело, и как он решит, так и поступим».

Самое главное, без чего третейский суд был немислим, состояло в том, что стороны давали согласие подчиниться принятому решению. Причем, как правило, это согласие не давалось каким-либо письменным

обязательством, а подразумевалось (иногда, правда, специально оговаривалось в протоколах суда при «конституировании»). Считалось, что любая из сторон, имеющая право отвода любого из судей на стадии конституирования суда, после признания судей и «суперарбитра» теряет моральное право на оспаривание любого решения суда. Третейский суд серьезно отличался от партийных следственных и судебно-следственных комиссий, во-первых, тем, что участие в нем было делом добровольным и любой из участников при желании вполне мог прервать его (если не боялся потерять лицо). Можно сказать, что участник третейского суда являлся одновременно и субъектом, и объектом следственных и судебных действий, а во время работы партийной следственной или судебно-следственной комиссии — фактически лишь объектом. Крайне важно и другое принципиальное отличие. Третейский суд для революционеров являлся прежде всего механизмом восстановления задетой чести, подобно дуэли у дворян, в то время как партийные следственные и судебные структуры прежде всего выполняли защитные функции (и как побочный результат могли восстанавливать репутацию человека).

Постоянно действующие следственные структуры возникают у ПСР в 1909 г., у РСДРП — в 1911 г. До этого и в той и в другой партии с момента их возникновения существовала практика создания следственной комиссии той или иной партийной структурой в России или в эмиграции (ЦК ПСР или ЦК РСДРП, ЗД ЦК ПСР, ОЗК эсеров или ЦБЗГ социал-демократов, эмигрантской группой или местным партийным комитетом или организацией любого уровня — от областной до самой мелкой) под данное конкретное дело. Состав таких комиссий тоже не был постоянен, и выбор в нее зависел и от личного желания, и от знания «фигурантов» и обстоятельств расследуемого дела, и от того, кто из руководящих работников (а требовались достаточно опытные и авторитетные партийные функционеры) достаточно свободен, чтобы взвалить на себя эту весьма кропотливую и отнимающую немало нервных и моральных сил следственную работу.

Участие в следственных и судебных разбирательствах и в качестве членов комиссий, и в качестве свидетелей воспринималось революционерами как их долг, тяжелая, но необходимая работа. Проведенные исследования позволяют говорить о том, что подобная нагрузка рассматривалась как общественный, товарищеский и партийный долг и обязанность и выполнялась бесплатно.

Специализированные постоянно действующие судебные партийные структуры возникают только перед Первой мировой войной. До этого в этой сфере наблюдалась большая пестрота, временами больше похожая на хаос, т. к. судебными функциями обладали (или считали, что они имеют на них право) местные низовые партийные группы (в том числе и гимназические, студенческие, рабочие) и их комитеты, а далее по восходящей от уездной и районной организации и их комитета до ЦК, и в эмиграции — от партийной группы содействия до общего эмигрантского центра.

Для придания большей авторитетности решению суда его могли сдавать на межпартийной основе. Действительно, по праву считалось, что межпартийные суды отличаются большей объективностью, но порой в них начиналась межпартийная или фракционная грызня, мешавшая делу.

Специализированная Судебная комиссия при ЦК ПСР возникает около 1911 г. в Париже. Ее появление через два года после создания постоянно действующей Следственной комиссии при ЦК ПСР (и прекра-

шения весной 1911 г. деятельности Судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа) логично увенчало систему эсеровского партийного правосудия.

«Тематика» дел, рассматривавшихся различными партийными и межпартийными судебными и судебно-следственными структурами, а также третейскими судами, дает представление о том, что считалось допустимым, с точки зрения моральных и этическим норм революционной среды, а что было «из ряда вон выходящим», о бытовавших в этой среде понятиях «что такое хорошо и что такое плохо». Рассмотренные нами дела можно сгруппировать следующим образом: о провокации, «политической неблагонадежности» и «политической нечестности»; о «вступлении в сношения с охранкой в революционных целях»; о «недостойном поведении» на следствии, суде и в тюрьме; о присвоении партийного имущества и денег товарищей; о «нетоварищеском поведении», внутрисемейных и межличностных конфликтах.

Однако в ряде случаев социалисты-эмигранты считали себя вправе обратиться в правоохранительные органы той страны, где они в данный момент находились, с жалобой на своих товарищей по партии (или членов другой социалистической партии). Это было явлением исключительным и вызывало со стороны товарищей неоднозначную реакцию. Фактически каждый такой случай был сигналом того, что жалующийся в полицию не верит в эффективность механизмов и методов, практикующихся в революционной эмигрантской среде, для решения своей проблемы, а сам факт обращения в полицию вызывал бурю кривотолков, протестов и спекуляций даже в случаях явной и неоспориваемой вины «преследуемого». Характерно, что одним из самых весомых аргументов сторонников допустимости в определенных случаях обращения в полицию буржуазного государства (разумеется, речь не шла о России) был тот, что, совершив определенные действия (например, крича в драке «Бей жидов!» или украв детей у отца), человек в глазах своих товарищей переставал считаться товарищем по партии или по социалистическому движению, а потому и в обращении в полицию для его поиска или наказания не было ничего предосудительного⁵⁷.

Появление официального правосудия «социалистического» государства принесло и угрозу существованию старого «революционного правосудия». Под удар попали прежде всего третейские суды и суды чести, их вытесняло государственное правосудие. А что касается революционного правосудия в целом, тут можно говорить о трех направлениях в его эволюции. Часть социалистов, ушедших в оппозицию коммунистам, продолжала бороться с ними и жила по своему старому «революционному праву» (которое, впрочем, развивалось), считая новое государство и его право не менее враждебным по отношению к себе, чем старое. И потому и «революционное правосудие» в целом продолжало существовать без каких-либо серьезных качественных изменений для нескольких тысяч эсеров, меньшевиков и анархистов (в тюрьме и ссылке) на протяжении 20—30-х гг., вплоть до их полного физического уничтожения к началу 40-х гг. Что же касается социалистов, отошедших от политической борьбы (но не вступивших в коммунистическую партию) и превратившихся в обывателей, то они (кто в большей, кто в меньшей степени) «перешли» на государственное правосудие, что, впрочем, было достаточно логично и закономерно. Специальных исследований мы не проводили, но думается, что среди части, скажем, членов Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, старавшихся жить своим мирком, наверняка часть понятий и норм сохранилась.

Но самые серьезные метаморфозы претерпели «революционное правосознание» и «революционное правосудие» в правящей коммунистической партии. С одной стороны, возникла своеобразная двойственность (вытекавшая, впрочем, из самой роли компартии в государстве): в виде наличия двух параллельных следственных и судебных структур — государственной и партийной. До самого падения советского режима считалось, что коммунист прежде всего находится в партийной юрисдикции, и для того чтобы привлечь его к уголовной ответственности (т. е. передать под государственную юрисдикцию), его сначала исключали из партии. Двойная юрисдикция создавала массу коллизий. С другой стороны, главенство принципа «политической целесообразности» и «эксперименты в области морали» (по меткому выражению эсерки Е. Ратнер) чудовищно трансформировали правосознание членов правящей партии. Не вдаваясь в детали, достаточно указать, что в рамках «нового социалистического права» стала отрицаться презумпция невиновности, а признание обвиняемым своей вины было провозглашено «царицей доказательства». Со временем руководство партии и государства стало виртуозно пользоваться и двуединой системой, и этим «изуродованным» правосознанием в своих интересах (особенно в 30—50-е гг. во время разного рода чисток, репрессий, кампаний и процессов, когда, скажем, следователь призывал коммуниста во имя интересов партии признать себя виновным). Результат оказался вполне закономерным: и государственная, и партийная системы оказались дискредитированы, а в современном российском обществе свирепствует правовой нигилизм, охвативший все страты общества сверху донизу.

Как уже отмечалось выше, в отношениях между эсерами и социал-демократами наблюдались две противоположные тенденции: центробежная и центростремительная. В разных ситуациях и в разное время верх одерживала то одна, то другая. Самому раннему этапу формирования этих направлений, когда уже выяснилась весьма серьезная пестрота взглядов, была все же присуща довольно высокая степень толерантности и терпимости к взглядам друг друга. Так, Л. Г. Дейч вспоминал, что к 1884 г. в революционной среде появилось большое количество различных направлений — «молодые народовольцы», «бомбисты», «милитаристы», социал-демократы, но, тем не менее, «между сторонниками всех этих направлений, имевших своих представителей среди заключенных в Бутырки, происходили, конечно, оживленные споры и дебаты, кончавшиеся в большинстве случаев довольно миролюбиво: общие условия заключения и оторванность от практической деятельности заставляли даже самых непримиримых терпимо относиться к людям, придерживавшихся иных, чем они, взглядов»⁵⁸. И в середине—второй половине 90-х гг. отношения в среде народников и марксистов были достаточно спокойны. Будущий эсер Б. Ф. Тарасов вспоминал: «В указанные годы (1897—1898 г. — *К. М.*) я жил у себя на родине в Сибири, поддерживая оживленные сношения со ссыльными, которые в общем дружно жили между собой. Poleмический задор не отражался на их личных отношениях.

Прислушиваясь и к народникам, и к марксистам, я никак не мог определить окончательно свой путь. Главное, что мне мешало примкнуть к народническому течению, это их вера в террор. Марксистское же мирозерцание при всей его стройности оставляло у меня какую-то неудовлетворенность, какой-то осадок при разрешении практических жизненных вопросов. Особенно болезненно реагировал я на отношение марксистов к крестьянству, обреченному ими на гибель в жертву капита-

лизму и безнадежному, с их точки зрения, в деле борьбы за социализм с их „антиколлективистическим черепом“ <...> За интеллигенцией, как таковой, марксистами также не признавалось никакого значения.

Все это меня, интеллигента, идеалистически настроенного и желавшего отдать свои силы на служение народу, главным образом, крестьянству, среди которого я жил и которое знал, отталкивало от марксизма и заставляло искать ответа у народныхников.

Но у последних, казалось, никакой практической работы не было.

Чтобы окончательно разобраться в течениях революционной мысли и примкнуть к одному из них, я решил поехать за границу. Эта поездка состоялась в конце 1898 г. и начале 1899 г.»⁵⁹. Любопытно и свидетельство видной эсерки Ракитниковой, как в 1900 г., приехав в Париж, Ракитниковы (она и ее муж вели в это время огромную эсеровскую работу в Поволжье) нашли приют в семье социал-демократа Лейтейзена, где и прожили до отъезда на родину⁶⁰.

Даже усиливающаяся в 90-е гг. полемика между крепнущими социал-демократами, претендовавшими на монополию обладания истиной, и неонародничеством удивительным образом соседствовала с призывами к объединению, время от времени раздававшимися из обоих лагерей. Вот как вспоминал Чернов о выступлении на студенческом собрании А. Малиновского, будущего известного с.-д. А. Богданова, который обосновывал идею единой партии марксистской трактовкой движения от кустарного производства к созданию крупного производства с разделением труда, приложенной к политической сфере: «Все могут быть объединены в одно „крупное предприятие“. Каждый сохраняет свою область приложения сил. Каждый действует методами, соответственными его сфере. Все фракции, так рассматриваемые, равно законны и необходимы для конечного успеха общего дела. Поэтому они должны слиться в одну общую, всеохватывающую, всеобнимающую, универсальную „партию партий“»⁶¹. В том же духе выступал и другой докладчик — П. Г. Смидович. Конечно же, эти планы были проникнуты идеализмом и наивным рационализмом, столь свойственным революционной молодежи XIX в., но Чернов был прав, когда восклицал: «Все это, конечно, было по-детски наивно. Но в основе была психологически здоровая струя»⁶². Вред ожесточенной полемики между двумя направлениями социалистического движения понимали и сами ее участники. Так, К. Р. Кочаровский отмечал: «Ясно, как уже самый факт этой борьбы негативировал и опустошал революцию. Рабочим и крестьянским массам, едва открывшим глаза на социализм, он предстал в виде двух взаимно исключаящих учений, в пылу злостной полемики, и это сразу отравило их восприятие, не позволило ему стать цельным, религиозным, как к тому душою тянулись массы, ища в нем нового христианства. С другой стороны, силы самой интеллигенции от борьбы с общим врагом и от позитивного теоретического и программно-творчества были отвлечены к отупляющему полемическому буквоедству, аморальной расправе между „друго-врагами“»⁶³.

Впрочем, на первых этапах становления эсеровских организаций взаимоотношения между ними и социал-демократами были сравнительно терпимыми, а объединительные настроения в обеих партиях были весьма сильны, охватывая как ряд лидеров, так и партийных работников на местах. Существовали объединенные эсеровские и социал-демократические организации в различных регионах России. Вспоминая позже об отношении руководства эсеров к этому процессу, Чернов писал: «В России тяга к улучшению наших взаимоотношений с социал-демократами тоже очень

заметна: при нашем горячем одобрении кое-где, особенно в Саратове и на Урале, уже возникают даже объединенные группы социал-демократов и эсеров, и, почем знать, быть может им удастся стать пока еще недостающим связующим звеном для создания в дальнейшем объединенной социалистической партии в России»⁶⁴.

Очень интересно, что основу для сближения с.-д. и с.-р. создавала, помимо прочего, и развернувшаяся внутри социал-демократии борьба между «политиками-искровцами» и «экономистами», принявшая весьма жесткие формы. Как известно, ничто так не сближает, как наличие общего врага. В данном случае для эсеров и «искровцев», бывших «политиками», таким общим врагом стали «экономисты» — социал-демократы. Эсерка Инна Ракитникова так описывала сложившуюся в 1901—1902 гг. ситуацию: «Встречи с социал-демократами, противниками господствовавшего тогда „экономизма“, уже за границей поставили для нас вопрос о совместной деятельности. Вернувшись в Саратов, мы решили попытаться осуществить это, посылая на первых порах по данному нам адресу корреспонденции в с.-д. заграничную „Искру“, созданную Лениным. Позже наши шаги в этом направлении выразились в попытке объединить силы для совместной революционной работы. Так, осенью 1901 г. возникла „Объединенная группа“, имевшая общие связи с рабочими и издававшая „Голос труда“. Совместно же была организована в Саратове в 1902 г. первомайская демонстрация, некоторые из участников которой попали под суд <...>. Но в дальнейшем деятельность обеих групп шла уже обособленно»⁶⁵.

Серьезные разногласия возникли после включения эсерами индивидуального террора в свою тактику и определения «особого отношения к крестьянству». В. М. Зензинов вспоминал: «Два основных вопроса разделяли эти партии: аграрный вопрос и вопрос о терроре. Социалисты-революционеры были не только партией пролетариата, рабочих, но и крестьянства — тех и других они объединяли в одно понятие трудового народа. Социал-демократы (и большевики и меньшевики), как и все марксисты того времени, были исключительно классовой партией одного лишь промышленного пролетариата и смотрели на крестьянство, владевшее землей (как бы ни был мал и ничтожен земельный участок, на котором крестьянин работал) как на мелкую буржуазию. Поэтому и на партию социалистов-революционеров марксисты смотрели как на буржуазную партию и отрицали за ней право называться социалистической. Другой разделявший обе партии вопрос — не менее острый — был вопрос о терроре. Социал-демократы были сторонниками массового рабочего движения и относились отрицательно к индивидуальному террору, видя в этом тоже признак буржуазности и проявление недоверия к массам. В своем отрицании и полемике они доходили до того, что даже усомнились в первом террористическом акте партии социалистов-революционеров, который сделал партию популярной в революционных массах, — в покушении 2 апреля 1902 года на министра внутренних дел Сипягина. Социал-демократы утверждали, что это покушение было индивидуальным актом *студента* Балмашова, мстившего за преследования студентов, и что партия социалистов-революционеров, заявившая официально, что это было делом ее Боевой организации, лишь „примазалась“ (буквальное выражение „Искры“) к нему и что никакой Боевой организации в действительности у партии социалистов-революционеров не существовало; партия социалистов-революционеров, по словам „Искры“, „козыряла мертвым телом Балмашова“»⁶⁶.

С начала XX в. раскол и рост недружественных отношений пошли и вширь, и вглубь, охватывая все слои революционной и сочувствующей среды, ссоря даже прежних приятелей и товарищей. Так, меньшевик Горев вспоминал: «В Иркутске, где я пробыл несколько дней (на пути из ссылки в Европейскую часть России летом 1902 г. — К. М.) и где скопилось много „политиков“ (старых ссыльных, бывших каторжан, и молодых) уже не было товарищеских, благодушных отношений между ссыльными. Они резко делились на с.-д. и эсеров, которым сочувствовали и помогали старые народовольцы (впрочем, некоторые из „стариков“ явно сочувствовали, не скрывая этого в частных разговорах, „Освобождению“ Струве, т. е. склонялись к либерализму, доводя до логического конца настроения бывших „народоуправцев“»⁶⁷. Интересно также замечание В. О. Левицкого, относящееся к лету 1902 г., о причинах охлаждения в его четырехлетних дружеских отношениях с эсером А. Покотиловым: «И причиной тому была не перемена нашего внутреннего отношения друг к другу, а исключительно принадлежность наша к двум различным политическим партиям»⁶⁸. Меньшевик Горев вспоминал о временах 1902 г.: «Посетил я также главу эсеровской женевской эмиграции, О. С. Минора, жившего одно время после каторги и ссылки в Вильне и знакомого с моими братьями и сестрами. Он принял меня приветливо, но все жаловался на „некорректное“ и „нетоварищеское“ отношение „Искры“ к эсерам»⁶⁹.

До каких странностей доходило дело во взаимоотношениях социал-демократов и эсеров, видно из эпизода, рассказанного эсером-крестьянином В. Ф. Гончаровым, относящегося, правда, к чуть более позднему времени (после революции 1905—1907 гг.). В Воронеже В. Ф. Гончаров жил на квартире некой Натальи Ивановны, к которой часто приходил не то знакомый, не то родственник, который просиживал у нее целые вечера, но не произносил ни одного слова. Гончаров уже начал думать, что тот, догадываясь о его фальшивом паспорте, хочет подловить его на чем-нибудь и донести куда следует. На его вопросы Наталья Ивановна сказала, что этот молчун — социал-демократ, видный местный работник по кличке «Борода». Гончаров попытался с ним заговорить, но не добился не только ответа, но даже кивка головы. Вскоре на одной из товарищеских вечеринок его познакомили с еще одним социал-демократом, которому Гончаров и описал в несколько преувеличенном виде повадки угрюмого молчаливника. Этот социал-демократ выступил защитником чернобородого и сказал, что тот «был человек очень умный и деятельный, но чересчур берег чистоту своих убеждений. Он признавал влияние на человека „окружающей среды“ и находил, что хуже всего иметь дело с социалистами-революционерами, взгляды которых против воли проникают в сознание и заставляют человека думать о личности и других вопросах, отброшенных социал-демократической программой. Конечно, я не думаю, чтобы этот „Борода“ боялся, что я совращу его в свою веру. Я был для него слишком неопасный противник. Но мне кажется, что он считал ниже своего достоинства разговаривать с мелкой буржуазией, как тогда называли нас социал-демократы»⁷⁰.

В то же время, по свидетельству Савинкова, члены БО 1904—1905 гг. считали, что они служат «всей российской революции без различия партий и направлений». В 1910 г. Савинков заявлял членам ССК: «В наших глазах это имело большое значение, потому что многие из нас не вполне понимали даже, зачем нужна такая борьба с с.-д., хотя из того, что я сказал, вы видите, что мы меньше всего были с.-д. Но всякие партийные разногласия были нам весьма чужды, до известной степени непонятны, и всегда мы относились к ним с некоторым неодобрением»⁷¹.

Рабочие же вообще с большим трудом разбирались в отличиях этих социалистических партий друг от друга и не понимали причин их вражды. Надо особо подчеркнуть, что последнее непонимание и требования рабочих прекратить вносить межпартийный раздор в рабочую среду были одним из постоянных аргументов в пользу объединения в единую социалистическую партию. Рабочие зачастую становились членами той или иной социалистической партии лишь в силу того что кружки именно этой партии существовали на данном заводе. Массовым в среде рабочих было «различение» этих партий по признаку «боевитости»: более мирной, склонной к пропаганде считалась социал-демократическая, а более боевой, склонной к таким острым формам борьбы, как террор, эсеровская.

Так, например, один из рабочих-боевиков, проходивших по процессу эсеров 1922 г. — С. Е. Кононов вспоминал, что в начале своей революционной деятельности (она проявлялась в том, что он принимал участие в забастовках на заводах), ему было трудно отличать социал-демократов от эсеров, т. к. он знал лишь, что обе партии борются за освобождение рабочего класса и в качестве первого шага на этом пути выступают за Учредительное собрание. По его представлениям основное различие между партиями было в том, что социал-демократы в целом склоняются к более мирному способу достижения цели, а в эсеровскую партию идут более боевито настроенные люди.

В это же время М. А. Натансоном была предпринята попытка сблизить обе партии. Сам он долго не мог определиться в своем выборе и занимал как бы промежуточное положение, будучи вхож в руководящие круги и эсеров и социал-демократов, пользуясь своим авторитетом и связями. В 1910 г. Натансон так вспоминал о событиях 1904 г.: «Затем случился один факт, который дал возможность больше войти в дела партии; это история о том, как мы с Плехановым задумали устроить боевую наступательный и оборонительный союз с.-р. с с.-д... Примирение с с.-д. и заключение с ними союза расстроилось вследствие непримиримой позиции, занятой Даном, Аксельродом и Дейчем»⁷². Все это оттолкнуло Натансона от социал-демократов и повлияло на его решение вступить в ПСР.

Зензинов, приехав в Женеву летом 1905 г., застал там новый пик ожесточенной «братоубийственной войны» между эсдеками и эсерами. «Доклады следовали за докладами — обычно их было теперь по несколько в неделю. <...> Poleмика между социалистами-революционерами и социал-демократами (большевиками и меньшевиками) достигла тогда апогея. Для тех, кто сам не прошел через это, может показаться странным, до какой страстности и взаимной нетерпимости доходили люди — недаром говорят, что самая страшная борьба — борьба братоубийственная, происходящая между близкими. Казалось бы, что могло быть естественнее, чем союз двух революционных и социалистических партий против общего противника — царского самодержавия? А между тем именно взаимная борьба между социалистами-революционерами и социал-демократами — правда, борьба идейная, принципиальная, а не физическая — велась тогда едва ли не с такой же страстью и напряжением, как и борьба обеих этих партий с правительством. <...> Нетрудно понять, какую горечь и какое раздражение вызывала в обеих партиях эта полемика, длившаяся целые годы! Ее отчасти можно объяснить лишь тем, что то была борьба за умы и души всей революционной молодежи того времени. Эта взаимная полемика, отнимавшая так много сил от непосредственной революционной борьбы с правительством, не была украшением ни для той, ни для

другой партии — хотя я и должен признать, что партия социалистов-революционеров несла за нее меньше ответственности, чем социал-демократическая партия в ее обеих фракциях того времени — большевистской и меньшевистской. Социалисты-революционеры в этой полемике занимали большею частью оборонительные позиции — инициатива нападения почти всегда принадлежала социал-демократам; кроме того, эсеры неоднократно предлагали социал-демократам объединить общие усилия в борьбе с правительством и даже пытались в самой России создавать общие организации. Но социал-демократы каждый раз с негодованием отвергали эти предложения („руки прочь!“), по их прямому требованию из центров такие организации в России были ликвидированы. Poleмика между социал-демократами и социалистами-революционерами на устраиваемых в Женеве рефератах часто принимала очень острые формы»⁷³.

Крайне важен его вывод о том, что нетерпимость вообще была характерна для русской интеллигентской среды, в том числе и социалистической: «Нетерпимость, быть может, вообще тогда характеризовала русскую революционную среду. Poleмизировали между собой не только социал-демократы и социалисты-революционеры, но и большевики с меньшевиками <...> Не все благополучно было тогда и в рядах социалистов-революционеров. <...> Революционная мысль бродила тогда во всех направлениях, отражая происходившее в России летом и осенью 1905 года народное неорганизованное революционное движение в самых разнообразных формах.

Для полноты картины не мешает упомянуть еще и об анархистах <...> Собрания, которые они устраивали в женевских кафе, были замечательны тем, что всегда заканчивались драками (дрались главным образом анархисты с социал-демократами), и на поле битвы оставались сломанные столы и стулья»⁷⁴.

Но эти драки анархистов и с.-д. в женевских кафе 1905 г. меркнут по сравнению с «цюрихским погромом» 1912 г., который учинили несколько эсеров-эмигрантов, избивавшие социал-демократов с криками «Бей жидов!». Эта история заслуживает внимания и потому, что на межпартийные взаимоотношения наложились антисемитские настроения, и потому, что не только большая часть эсеровской колонии, но и руководство Заграничной федерации групп содействия ПСР в силу корпоративного мышления и застарелой нелюбви к социал-демократам встали на защиту эсеров-антисемитов (выдвинув встречное обвинение — о недопустимости обращения социалиста в полицию с доносом на другого социалиста), и потому, что один из лидеров Чернов выступил с решительным осуждением антисемитизма и требованием исключением подобных людей из ПСР и через голову эмигрантских эсеровских структур обратился с письмом на эту тему к социал-демократу Крахмальнику⁷⁵.

Противоречивость вообще характерна для взаимоотношений с.-д. и с.-р. Даже в годы революции 1905—1907 гг., когда обе партии были вынуждены тесно сотрудничать в своей борьбе с самодержавием, взаимная осторожность сохранялась, хотя совместная борьба несколько оздоровила отношения. Позже эсеры с улыбкой вспоминали, как во время революции эволюционировал способ обращения друг к другу на митингах ораторов двух партий. Для социал-демократов каждый оратор-эсер «был сначала просто „г. такой-то“. Потом какой-то находчивый человек приискал остроумную формулу „товарищ по революции“. Спасительная формула быстро привилась и пошла в ход. Но потому ли, что язык социал-демократических ораторов уставал и путался в длиннотах этой формулы,

или потому, что à la longue глубокомысленный формализм ее стал, наконец, становиться детским и смешным, — но только „товарищ по революции“ постепенно сменился „товарищем“ tout court»⁷⁶.

На I съезде ПСР М. А. Натансон, делая доклад по вопросу об отношениях к политическим партиям, заявил следующее: «Наша задача — создание в России единой социалистической партии, т. к. только такая партия сможет осуществить в будущем всесторонний социалистический переворот и организовать жизнь общества на новых началах солидарности и равенства»⁷⁷. От имени комиссии он предлагал заключить с РСДРП и родственными ей организациями «боевые соглашения для координирования действий» под контролем ЦК (по крайней мере, в наиболее важных случаях). Во то же время он предупреждал: «Вообще с с.-д. нужна осторожность и еще раз осторожность, т. к. вероломство их достаточно уже нами испытано»⁷⁸.

Очень ценно свидетельство Вишняка о том, какую эволюцию он совершил в своем отношении к с.-д., столкнувшись с их «вероломством». Он вспоминал, что одним из условий (наряду с неприятием им террора) его вступления в ПСР, которые он поставил перед своими приятелями А. Гоцем и Фондаминским было его неучастие в полемике с с.-д.: «Была мне чужда и „братоубийственная“ борьба эсдеков с эсэрами и обратно. Поэтому, предлагая свои услуги партии с.-р., я просил освободить меня от связанности по этим двум пунктам. В крайнем случае я могу отмалчиваться по ним, но положительно защищать террор и неприязнь к эс-декам я по совести не могу, — может быть, потому что еще «не созрел» до эсэрства. К моему удивлению, Гоц с Фондаминским — решающее слово, видимо, принадлежало на год более молодому Гоцу — без особых возражений согласились принять мои услуги с оговорками, которые я сделал. Жребий был брошен, и я примкнул к П.С.-Р. Это было не формальное только включение в организацию, занимавшуюся политикой. Это означало и приобщение к особому рода содружеству, в котором отношения между сочленами покоились на началах товарищества, — давая особые права, они налагали и свои обязанности»⁷⁹.

И хотя вскоре ему пришлось принять участие в диспутах с социал-демократами, это не изменило его «мирного» к ним отношения: «Наряду с нелегальной работой, устной и письменной, „в массах“, приходилось мне выступать и в качестве официального оппонента от эсэров на нелегальных и полулегальных собраниях, которые устраивали другие партии или группы на частных, „буржуазных“ квартирах. Чаще всего попадал я почему-то на собрания, где докладчиком бывал прив.-доц. Рожков, Николай Александрович. Историк по специальности и социал-демократ по политическим взглядам, он обыкновенно защищал марксистское понимание аграрных отношений, а я его опровергал с точки зрения народничества, защищая эсэровское понимание. Эти споры приобрели скоро характер рутины. Завидя меня, краснощекий и упитанный Рожков расплывался широкой улыбкой. Мы добросовестно исполняли каждый свою „пластинку“ и мирно расходились — до следующей встречи»⁸⁰. Но вскоре произошел случай, заставивший М. Вишняка отбросить свои «миролюбивые» настроения: «Приближался праздник труда — 1-е Мая, — который русские социалисты, как социалисты во всех странах, считали обязательным отметить публичной демонстрацией или собраниями рабочих на открытом воздухе, так называемыми, „массовками“. Этот праздник трудящихся почти неизменно сопровождался в России разгоном демонстраций и собраний, избиениями, арестами. И московский комитет эсэров одну из своих массовок назначил

на 5-й версте Ярославской железной дороги, — неподалеку от того места, где в ранней юности мы устраивали свои пикники. Одним из ораторов на этой „массовке“ был назначен я. Пробираясь к назначенному месту, я встретил старого своего знакомого Бориса Лунца, с которым в свое время уезжал вместе учиться за границу. Он уже стал большевиком и тоже шел на „маевку“, — я был убежден — на свою. Но когда собралось достаточно народа, и мы решили начинать, вдруг выступил вперед Лунц еще с каким-то типом и заявил, что собрание открывается. Мы стали протестовать, сначала корректно, а потом с возмущением указывая, что эта массовка организована эсэрами, и посторонние не призваны ею руководить. Самозванцы не обращали на наше возмущение никакого внимания. Собравшись, в большинстве рабочие, были и нашего, и их толка, — соответственно и поддерживали одни нас, другие их. Мы продолжали препираться, как раздался крик: „Казаки!.. Казаки!..“ Вдоль пролеска, где мы укрылись под деревьями, на рысях замелькали казаки. „Массовка“ мгновенно растаяла: в дружном бегстве большевистские пятки обгоняли эсэровские и наоборот. Кое-кто из настигнутых получил нагайкой по спине или голове. Но арестов не было. Очевидно, был приказ: разгонять, но не задерживать.

Мое миротворческое воздержание от публичной борьбы с социал-демократами получило наглядное опровержение. Если даже Лунц, воспитанный, культурный, находившийся в личных отношениях со мной, не постеснялся покуситься на „захват“, чего ждать от других, ему подобных?! От „квакерского“ отношения к „братоубийственной“ борьбе я был сразу исцелен и — навсегда⁸¹.

Для того, чтобы лучше понять противоречивые «друго-вражеские» взаимоотношения эсеров и социал-демократов, когда при разногласиях между партиями сплошь и рядом устанавливались особые личные отношения, обратимся к воспоминаниям, которые дают возможность, спустившись с «официального» уровня на «бытовую», увидеть те нюансы, которые и позволяют лучше понять явление. Любопытен эпизод о диспутах группы с.-д. и с.-р. по дороге на каторгу, рассказанный с.-д. С. Васильченко: «<...> Однажды я похвастал ему (А. Браиловскому. — К. М.) тем, что после одного спора с эсером о мелкобуржуазности требований этой партии, помогающей поддержке за счет государства мелиоративных товариществ, я согласился с ним во взглядах, Браиловский махнул рукой. — „Знаю, как вы сходитесь, — заявил он, — ты ему немножечко уступишь, он тебе немножечко, а в результате от спорного вопроса останется один пшик. Впрочем, упражняйтесь“. И мы „упражнялись“ до Красноярска. Так как в партии были и женщины, то двое каторжан из нашей группы унесли при разлуке даже нежные чувства к эсеркам и не прочь были хлопотать о разрешении жениться»⁸².

Живописную картину дружеских отношений эсера Н. Д. Шишмарева с меньшевиком К. Быковым-Адамовичем нарисовал их товарищ по одесской тюрьме П. Витязев. Оба принадлежали к наиболее влиятельным фигурам среди политических заключенных. Меньшевик Карл Быков-Адамович являлся тюремным старостой и «был огромного роста и большой физической силы. Галя (Н. Д. Шишмарев. — К. М.) пред ним казался прямо карликом. Быков относился к Гале прямо с отеческой любовью. Тот ему платил тем же. Нельзя было без смеха глядеть, как Галя дразнил своего добродушного „Карлу“ и как тот отшучивался в свою большую бороду. Обычно они резались по аграрному вопросу. Или же Галя прокатывался насчет „пролетариев“ и их „классового сознания“», чем особенно

досаждал Быкову. Но эти, чисто теоретические разногласия, не мешали их тесной дружбе, которую какой-то досужий тюремный шутник определил как «неестественную помесь эсдека с эсером»⁸³.

Зензинов вспоминал о том, как предубежденно относились сначала с.-д. в Таганской тюрьме к жене И. И. Фондаминского Амалии — дочери частровнца-миллионера, арестованной за помощь эсерке-террористке З. Коноплянниковой: «Несмотря на всю свою избалованность, держала она себя в тюрьме замечательно — с администрацией была очень горда, с товарищами — мила, и поэтому все в тюрьме ее уважали и любили. <...> Амалия получала огромные передачи, среди которых было много конфет и цветов — то и другое она рассылала по всей тюрьме. В камере ее пахло духами — духами, как мне потом передавали сидевшие с ней одновременно в Таганской тюрьме, пахло даже в коридоре, куда выходила ее одиночка. И принципиальные марксисты, наблюдая все это и нюхая в коридоре — вероятно, не без тайного удовольствия — воздух, неодобрительно крутили головами. Амалия была арестована по делу социалистов-революционеров, и, наблюдая все это, социал-демократы еще больше убеждались в том, что партия социалистов-революционеров — партия мелкобуржуазная. Но Амалия была так очаровательна и так мила со всеми, что и их завоевала. Они долгими часами простаивали в коридоре около ее камеры, разговаривая с ней через форточку (тогда в тюрьме, как и всюду, были отвоены свободы). А уголовные называли ее „наша Ималия“»⁸⁴. М. Вишняк вспоминал о приятельских отношениях с большевиком И. И. Смирновым («будущим свирепым председателем сибирского ревкома и наркомпочтелем, а в заключение — одной из первых жертв сталинской расправы со старыми большевиками»), сложившихся у него в сибирской ссылке, в которой он находился вместе с женой: «Он был ловок и смел, интересен в беседе и корректен в споре даже на фракционные темы. Отличный товарищ, он в мое время был чуток к вопросам совести и чести. Словом, никак не походил на тип большевика, ставшего всем нам хорошо известным за последние 37 лет. Он вел аккуратную переписку с секретаршей Ленина — Крупской, и это, как ни удивительно, никак не отражалось на том, каким я знал Смирнова в Колпашеве»⁸⁵.

В высшей степени любопытно свидетельство Инны Ракитниковой, шедшей в 1907 г. этапом в Сибирь, о том, как разговоры анархистов с уголовными на тему о том, что социал-демократы и эсеры «только прикрываются всякими красивыми кличками», а на самом деле «у них в программе стоит — власть забрать в свои руки. Ну, а тогда вашему брату, вора и убийцам, будет еще похуже, чем теперь...», «заставляли партийных представителей дорогой теснее держаться друг за друга, на время забывая свои политические разногласия»⁸⁶.

Очень интересно свидетельство народовольца и эсера С. А. Никонова, лично знавшего старшего брата Ленина, об установившихся дружественных отношениях с семейством непримиримого к эсерам лидера большевиков. В самом конце срока ссылки в Архангельск, в 1909 г., против Никонова и его жены планировалось возбудить новое дело по обвинению их в организации помощи ссыльным и организации побегов. Губернатор, хорошо относившийся к Никонову, посоветовал ему уехать из города (хотя Никоновы планировали жить здесь и после окончания ссылки), а сам обещал сделать все возможное для прекращения дела. Уехали Никоновы в Саратов, где жил тогда его брат. «Встретили мы в Саратове и М. Т. Елизарова, с которым и я, и жена были хорошо знакомы еще со студенческих

времен, с 1885—86 г. <...> Теперь семья Ульяновых, кроме Влад. Ильича и младшего брата, собралась в Саратове и жила вместе с Елизаровыми. <...> Анна Ильинична знала, что я и Нина Васильевна были близко знакомы с ее покойным братом, и, хотя теперь наши политические пути разошлись, это не помешало хорошим отношениям вскоре наладиться между нами. И М. Т., и Анна Ильинична оба были очень мягкими и чуткими людьми, не говоря уже о Марии Александровне, и все полгода, что мы прожили с Н. В. в Саратове, мы часто виделись с Елизаровыми и бывали друг у друга. Вопросы принципиальные, программные и тактические, между нами почти не поднимались, и главным цементом наших отношений было прошлое, впрочем, мы мало расходились также в общих суждениях о делах и людях того времени <...>.

Обе сестры и М. Т. состояли в местной с.-д. организации и можно было думать, что они ведут активную партийную работу. Но, само собой разумеется, об этой работе разговоров не было, равно как и я, говоря об Александре Ильиче, почти не касался своего участия в его деле и не рассказывал никаких подробностей о нем. Только революция 1917 года развязала мой язык в этом отношении⁸⁷.

Вместе с тем многие мемуаристы отмечают, что даже в тюрьмах, как только у политических заключенных появлялась свобода выбора, они селились по партийной принадлежности. Так, по замечанию В. Плескова, в Горно-Зерентуйском центральном «каждая фракция, по причинам практического и идейного характера, желала быть в одном месте и жить сплоченной семьей»⁸⁸. По воспоминаниям с.-д. Г. Крамарова, Нерчинская каторга в 1908 г. резко делилась на партийных и беспартийных, а «среди партийных, в свою очередь, обособленно держались группы эсдеков, эсеров, пепезов (членов ППС. — К. М.) и анархистов, имевших свои организации, но живших в общем довольно мирно, не пытаясь заострять свои теоретические расхождения. И, наконец, во фракции эсдеков совсем уже сплетались большевики и меньшевики»⁸⁹.

Характерно, что эта идиллия длилась лишь до появления на каторге «непримиримого большевика» А. В. Попова. По словам Г. Крамарова, «вступив в отчаянную схватку с эсерами и обрував их и мелкобуржуазными социалистами, и социал-реакционерами, и вспышкочускателями и т. д. и т. п., он не оставил в стороне и находившихся там же меньшевиков, которых он не называл иначе, как „мягкотелыми“. Попов готов был спорить в любой час дня и ночи. Его аргументы поражали всегда наличием серьезного багажа, остротой и язвительностью, а главное, глубокой искренностью. Он никогда не считал себя побежденным, да по существу, никогда и не был побежден. Если ему не удавалось убедить других в правоте своих слов, то он выходил из себя, разносил противников на чем свет стоит и никогда не умолкал первым»⁹⁰.

В этой связи важно тонкое замечание В. М. Зензинова о том, чем Троцкий как оратор отличался от выдающихся эсеровских ораторов 1905 г.: «Он был замечательным оратором — но в то время, как Авксентьев, Фондаминский и Мякотин в своих выступлениях завоевывали сердца слушателей и вызывали к себе симпатии, Троцкий действовал своими отточенными чеканными фразами, язвительностью и находчивостью. Он апеллировал не к сердцу, а к ненависти и к разуму. Скрестить с ним шпаги было очень опасно, он мог своей едкостью растереть противника в порошок. Мы, его идейные противники, его терпеть не могли, нам все в нем казалось ходульным, театральным и напыщенным, но считали его очень опасным — в полемике он был неотразим»⁹¹.

Замечание большевика В. Виленского об Якутской ссылке в 1912 г. позволяет понять, что, собственно говоря, связывало эсеров и социал-демократов: «Нельзя сказать, чтобы в этот первый период нашей ссыльной жизни между нами и эсерами существовали какие-нибудь острые разногласия или столкновения. Каждая группа жила своей жизнью, своими интересами, но между ними было живое общение, объяснявшееся, может быть, в значительной степени тем, что большинство было связано совместным сидением в Нерчинской каторге. Позднее, когда подошла новая публика, из новых тюрем, личные связи ослабли, и обе фракции Якутской ссылки больше обособились»⁹².

Примечательно, что побег эсерки-террористки М. Школьник из больницы Иркутской тюрьмы в 1911 г. был осуществлен силами иркутских социал-демократов⁹³. Общеизвестен факт, относящийся к 1912 г., когда большевик В. В. Куйбышев, чувствуя, что его арестуют со дня на день, собрался эмигрировать. Но, узнав от знакомого эсера, что одному из его товарищей, за которым числилось участие в террористическом акте, грозит неминуемый арест с последующей каторгой или виселицей, отдал свой заграничный паспорт и вскоре сам отправился в ссылку в Туруханский край. Любопытно, что даже весной 1910 г., когда отношения между эсерами и социал-демократами были еще весьма прохладными, секретарь «Парижской группы содействия РСДРП, Бунду и СДПиЛ» обратился к Чернову с просьбой „пожертвовать“ в библиотеку группы его произведения, вышедшие в России за последние три-четыре года⁹⁴.

Какой вред революционному движению наносила вражда и несогласованность действий с.-р. и с.-д., ярко показала революция 1905—1907 гг. на массе мелких и крупных примеров. Весьма показателен, например, эпизод, произошедший в Екатеринославе в ноябре 1906 г., когда пять членов украинской боевой группы ПСР напали на шестерых конвоиров, вешших в суд их товарищей. Конвой оказал упорное сопротивление, ранив одного нападавшего и двух заключенных (принявших участие в стычке) и ретировался только тогда, когда была брошена бомба (почти все солдаты были ранены). Каково же было удивление трех схваченных боевиков, когда чуть позже на очной ставке все конвоиры «не опознали» их, так как принадлежали к военной организации социал-демократов⁹⁵. Любопытно также объяснение В. Н. Фигнер о том, почему в 1910 г. в создаваемый ею комитет Общества помощи политкаторжанам она и ее единомышленники не включили представителей ПСР и РСДРП: «Политические партии с.-д. и с.-р. хотели ввести в наш комитет своих представителей — мы единодушно отказались от этого. На основании опыта в Нижнем Новгороде я опасалась недоверия, подозрения в лицепрятности и споров. Благодаря этой мере у нас не было разногласий, бесполезной траты времени и разбрасывания сил»⁹⁶.

Но самую яркую картину взаимоотношений эсеров и с.-д. мы находим в воспоминаниях эсерки Ю. Зубелевич, одной из организаторов Кронштадтского восстания в 1906 г. Она красочно рисует собрание эсеров и с.-д. накануне восстания: «Но разве это спор? Это просто попытка в запальчивости и раздражении наговорить друг другу возможно больше неприятностей. И это революционеры! Накануне выступления! Может накануне своей ли, чужой ли смерти!

И вдруг стихли. Со стороны эсдеков заговорила девушка, молодое существо лет 18. Заговорила, и все молчки и внезапно затихшие слушали ее короткие отрывочные фразы. Видно волновалась, но тем тщательнее, тем толковее старалась выразить свои мысли: говорила степенно и веско,

убеждая своих в наши убеждения вдуматься, а наших... тоже быть не так нетерпимыми. С нерусским акцентом, мягко выговаривая букву „л“, от чего казалась еще более молодой и наивной ее детская головка в ореоле коротких кудрей, эта девушка, ясная и выдержанная, резко выделялась на фоне рассерженных лиц и недобрых взглядов. И только она одна казалась здесь и доброй, и умной, и вдумчивой.

И только отошли было нервы, только облегченно вздохнула душа, — и опять новый каскад взаимных недоразумений, обвинений, страстных слов, и непозволительной ругани<...>

За дверями между тем слышался шум отодвигаемых стульев. — С вами одной только и можно разговаривать! — слышался голос Яна, показавшегося в дверях рядом с эсдечкой. Старик и ребенок выходили вместе. Они поладили друг с другом»⁹⁷.

В этом эпизоде, рассказанном Ю. Зубелевич, нельзя не увидеть тех общих черт, которые были характерны для взаимоотношений эсеров и социал-демократов в целом. Общая картина крайне противоречива: здесь и предубежденность, и непримиримость обеих сторон, нарушаемая попытками отдельных, наиболее непредвзятых и терпимых, услышать другую сторону, и бурный темперамент, и неумение держать себя в руках, и застарелые обиды, и понимание того, что договариваться все-таки надо, и бессилие от того, что найти общий язык крайне трудно, и понимание того, что за все это придется расплачиваться и своей кровью, и кровью тех, кого они поведут за собой. К сожалению, подобные вещи были скорее нормой, чем исключением. И все-таки время революции было лучшим временем для взаимоотношений двух партий. В конце 1909 г. в передовой статье «Знамени труда» отмечалось: «В эпоху революционного кризиса разногласий было не меньше, чем теперь, а практическое значение этих разногласий было посерьезнее, ибо за словами тогда тотчас же следовало дело. И тем не менее атмосфера междупартийных отношений тогда начинала заметно улучшаться. Иное дело теперь, когда половодье схлынуло, когда русло партийной организационной жизни обмелело. Повсюду мы видим рецидивы старой, дореволюционной психологии. Из праха времен грозит подняться сырая мгла заграничной междупартийной грызни, с ее лучшими приемами хлестаковской развязности, выдаваемой за остроумие, и топорной бранчивости, выдаваемой за резкую принципиальность... Как бы мы, социалисты-революционеры, ни относились к программе и тактике наших „друго-врагов“, мы должны признать, что распадение русского социализма на два основных направления, социал-демократическое и социально-революционное, есть не случайность, а явление, имеющее свои глубокие социально-психологические основы. С двумя течениями придется считаться еще долго, ибо ранее того времени, как сделается возможным открытое существование их на широкой арене политической свободы, не может идти серьезно и речи о создании в России, согласно принципиальным требованиям Интернационала, единой социалистической партии»⁹⁸.

Вновь возникают дебаты на эту тему в легальной и нелегальной прессе обеих партий, а также возникают единичные объединенные группы в России. Представляется, что в основе этих настроений лежало понимание слабости революционных организаций, необходимость объединения своих весьма скромных сил для противостояния несоциалистическим влияниям на пролетариат и крестьянство. Постоянно действующим фактором являлось и то, что рабочие-эсеры и рабочие-эсдеки с трудом понимали суть непрекращающейся распри между своими партиями

и очень часто стремились к координации и объединению своих усилий. Кроме того, борьба партий отталкивала от них рабочих, дезорганизовала как профсоюзную, так и партийную работу. Крайне примечательно, что еще в августе 1908 г. представитель Бакинской организации, выступая на I Общепартийной конференции ПСР в Лондоне, заявил: «Ненормальное положение в союзах, вечные дискуссии, переходящие в стычки, свары и отчаянная свалка между различными партиями создают самую вредную атмосферу, вносят деморализацию в рабочую среду. Отсюда — индифферентное отношение рабочей массы к рабочим союзам и даже к партиям. Необходимо обсудить это и найти выход из невозможного положения — прекратить эту взаимную вражду партий»⁹⁹.

С оживлением рабочего движения в годы нового подъема и деятельности эсеровских и эсдековских организаций в Петербурге стихийно начался процесс совместной деятельности эсеров и меньшевиков-ликвидаторов в страховых, кооперативных обществах и профсоюзах. Весной 1914 г. видный эсер Б. Н. Лебедев отмечал: «Мы уже наблюдаем любопытный факт союза левонародников с „лучистами“ на почве взаимной борьбы с фракционной нетерпимостью „правдивост“»¹⁰⁰. В. И. Ленин тогда же писал: «И вот, перед нами налицо вполне уже определившийся теперь союз ликвидаторов и народников против рабочего класса и оставшихся верными этому классу большевиков»¹⁰¹. Характеризуя это явление, Ленин отмечал: «Союз мелкобуржуазной интеллигенции, ликвидаторской и народнической, против рабочих рос и растет стихийно. Сначала на него толкнула „практика“ — недаром говорят, что практика идет впереди теории (особенно у тех, кто руководится фальшивой теорией)»¹⁰². Отражая упреки «Правды» в том, что эсеры, прикрываясь «левыми» фразами, идут вместе с ликвидаторами, левонародническая газета «Стойкая мысль» заявляла: «Да, мы идем с ликвидаторами, но лишь постольку, поскольку мы защищаем внефракционность рабочих организаций от попользований правдивости сделать их фракционными, правдивистскими»¹⁰³.

Глашатаем идеи объединения двух партий выступил Н. Н. Гиммер (Суханов), дебютировавший ранее как подающий надежды молодой эсеровский публицист и экономист. Начав свою революционную работу в рядах ПСР, как он сам позднее писал, «больше в силу личных связей, чем в силу научных убеждений»¹⁰⁴, позже он начинает эволюционировать к марксизму. Сам Н. Н. Суханов отмечал: «Начиная с 1906—1907 гг. я не был связан формально ни с одной из партий и организаций. Мое положение „дикого“, конечно, исключало возможность непосредственной, а тем более какой-либо руководящей работы в практическом социализме. Я был литератором по преимуществу»¹⁰⁵.

Получив карт-бланш от политического редактора легального левонароднического журнала «Заветы» В. М. Чернова, Суханов буквально заполнил страницы журнала своими статьями, что вызывало массу нареканий в эсеровской среде. Отметим сразу, что, на наш взгляд, ничего принципиально нового в споре между народничеством и марксизмом, который длился уже три десятилетия, Суханов не сказал. Резонанс его статей, шедших в «Заветах» без редакционных примечаний и сдававших марксизму принципиальные положения народничества, объяснялся скорее всего тем, что эти мысли высказывались из народнического лагеря.

В эсеровской среде по вопросу объединения партий единомыслия не было, но взгляды Н. Н. Суханова были восприняты в штыки. Будучи сторонниками потенциального объединения социалистических партий, эсеры, тем не менее, не желали проводить его за счет лишь собственных

уступок в теории и тактике, как к этому призывал Н. Н. Суханов. С критическими статьями по поводу его теоретизирований выступили Н. И. Ракитников, Б. Н. Лебедев, В. М. Чернов и другие¹⁰⁶.

Хорошо передает позицию по вопросу о единой социалистической партии, близкую многим эсерам, передовица левонароднической газеты: «Преобладание интеллигентских влияний и невозможность вынести наши разногласия на простор открытого обсуждения их массой создали догматические споры, которые привели к существованию у нас в России двух социалистических партий — социал-демократической и социально-революционной — при наличности меньших разногласий, чем внутри единых партий европейского рабочего движения». Вместе с тем в статье отмечалась неприемлемость позиции Суханова: «И пусть некоторые из нашей среды, как т. Суханов в „Заветах“, выражают готовность поступиться некоторыми программными требованиями, лишь бы достигнуть возможности объединения нашего течения с русской социал-демократией. Мы знаем, что его призыв останется гласом вопиющего в пустыне, пока сам рабочий класс не станет руководителем своих политических представителей»¹⁰⁷.

Еще весной 1912 г. Чернов отмечал «первые признаки эволюции» в сторону объединения между ликвидаторским, примиренческими крылами марксизма и народничества и их «центрами» и ставил следующую задачу: «<...> как бы ни было далеко полное осуществление идеала единства, всегда можно работать, по крайней мере, для приближения, для подготовки его реализации. И что здесь крайне важно — это создание прочного общественного мнения в пользу грядущего единства, общественного мнения, которое могло бы сдерживать вредные эксцессы фракционности, пережитки слепой нетерпимости, рецидивы озлобленно-враждебного отношения друг к другу». Лидерами по части расколов и мастерами на «крепкое словцо», по мнению Чернова, являлись Ленин и Л. Б. Каменев, которых он характеризовал как «главных актеров <...> пошлого фарса»¹⁰⁸. Вместе с тем, анализируя взгляды двух фракций РСДРП, эсеры отдавали предпочтение большевикам, которых считали «<...> левою, революционную половиною русской социал-демократии».

Идея объединения двух крупнейших социалистических партий России была горячо поддержана таким крупным авторитетом российской социал-демократии, как Г. В. Плеханов, который принял участие в неудачной попытке Савинкова издавать внепартийную газету, задумывавшуюся как трибуна для пропаганды идеи объединения. Знакомство Плеханова с Савинковым произошло при довольно драматичных обстоятельствах. В момент самороспуска БО ПСР, произошедшего в начале 1911 г. в деревушке недалеко от Канн, ее члены были потрясены и заинтригованы неожиданным приездом из Италии Плеханова, потребовавшего конфиденциального разговора с Савинковым. Выяснилось, что Плеханов «из очень солидного источника» узнал о том, что под энергичным давлением русского правительства французские власти будто бы намерены произвести в ближайшее время обыск и арест Савинкова, жившего в то время вполне открыто. Поступок Плеханова, известного принципиального противника террора, нарушившего свой санаторный режим, проходивший под строгим надзором жены и дочери (обе они были врачами) и лично помчавшегося предупреждать незнакомых ему членов БО чужой партии, о существовании которой он знал по эмигрантским слухам, произвел сильное впечатление на боевиков. Чернавский отмечал, что хотя ничего радостного в сообщении Плеханова не было,

«тем не менее его приезд, его забота о судьбе незнакомых ему людей, как будто разрядила немного то тяжелое, угрюмое настроение, которое создалось в Теуле перед его приездом»¹⁰⁹.

Плеханов предложил забрать с собой «что-нибудь такое, что может не понравиться предполагаемым визитерам», и увез с собой письма Е. С. Созонова к М. А. Прокофьевой, не желавшей, чтобы они попали в руки полиции. Несмотря на то, что мрачная весть, принесенная Плехановым, не нашла подтверждения на практике, контакты Савинкова и Плеханова продолжались. Этому способствовало и то обстоятельство, что по просьбе Плеханова его жена и дочь установили шефство над больной Прокофьевой, жившей в семье Савинкова, и попеременно наезжали к ней. Через три месяца Плеханов и Савинков снова встретились, уже в доме Плеханова в Сан-Ремо. Появившись снова у Савинкова, Чернавский увидел, что «мысль, возникшая в беседе с Плехановым в Сан-Ремо, о необходимости сближения русских революционных партий, — получила практическое осуществление. Была сделана попытка здесь в Ницце (туда перебрался Савинков после смерти Прокофьевой. — К. М.) издать на русском языке внепартийный или надпартийный революционный орган»¹¹⁰. Савинков убедил русского эмигранта Туманова, владельца небольшой типографии, издать «Коня Бледного» и взять на себя издательство задуманного органа. Сам Савинков взял на себя функции редактора новой газеты.

Первый (и, судя по всему, единственный) номер общественно-политической и литературной газеты «Юг» вышел в июле 1913 г. в Ницце. Состав редакции и издатель газеты не были названы. Программная редакционная статья была достаточно бесцветной и расплывчатой: «Мы не будем вести в газете никакой фракционной политики. И кроме тех вопросов, которые существенно разделяют друг от друга отдельные разветвления нашего освободительного движения, есть слишком много иных, являющихся для них бесспорной общей почвой. Она-то прежде всего и явится базисом нашей литературной деятельности. Мы не будем, однако, себя урезать. Мы не будем избегать касаться ни одного вопроса, волнующего общественную совесть... Мы лишь будем практиковать политику открытия **свободной трибуны** для представителей разных мнений в вопросах, являющихся яблоком раздора для различных сталкивающихся, но родственных друг другу направлений передовой демократической мысли. Иными словами, наш орган не делается чьим-либо фракционным оружием в междоусобных распрях лагеря борцов за новую Россию. Он будет пытаться отразить лишь основное идейное существо лежащих в их основе разногласий, — но обязательно вырвав из них всякое жало личной полемики и связанного с ней искусственного обострения. Давая в первом же номере, в интервью Г. В. Плеханова и В. М. Чернова, слово представителям двух различных направлений русской социально-политической мысли, мы хотели бы на деле испробовать тот метод информирования наших читателей, которому всецело отданы наши предпочтения: метод параллельного освещения самых важных и больших вопросов русской жизни с разных точек зрения, не отвлекающегося от существа вопроса никакими непосредственными столкновениями»¹¹¹.

Любопытна оценка Чернавского, говорившего, что журнал «яркого впечатления» не него не произвел. «Видно русские интеллигенты гораздо более склонны к расколу, чем к объединению. Потому-то у них полемические перепалки выходят талантливее, чем статьи примирительного характера»¹¹². По его же свидетельству, в начале 1914 г. Савинков назвал

Плеханова в Ниццу посмотреть карнавал, но вместо этого они провели все время за беседой в каком-то ресторане. Ценно замечание Чернавского: «Помню, что в этот вечер о мертворожденном детище „Голосе Юга“ (ошибка мемуариста. — *К. М.*) речи уже не было. Оба, по-видимому, поняли, что сближение русских революционных партий дело безнадежное»¹¹³. А само издание журнала вскоре прекратилось за недостатком средств¹¹⁴.

Но, помимо обсуждения этого вопроса, в партийной и легальной прессе в декабре 1913 г. эсерами был совершен крайне важный шаг в сторону объединения. Голосую на заседании Международного социалистического Бюро 14(1) декабря 1913 г., занимавшегося восстановлением единства внутри РСДРП, за резолюцию К. Каутского об объединении фракций в РСДРП, представитель ПСР И. А. Рубанович сделал поясняющее заявление: «<...> Я в полном согласии с центральными учреждениями моей партии заявляю, что мы готовы сделать все возможное для устранения причин расхождения обеих партий (ПСР и РСДРП. — *К. М.*). Конечно, только глубокая перемена общих политических условий в России позволит лояльно обеим партиям понести на суд организованного пролетариата и организованного трудового крестьянства свои разногласия. Но когда это станет возможным, наша партия заранее заявляет, что она вдохновится волей организованных масс, на которых она смотрит, как на единственного судью для установления единства. Это единство не может быть декретировано одним вотумом МСБ. Но мы полагаем, что авторитет последнего достаточно велик, чтобы уже теперь, с сегодняшнего дня, заставить все российские социалистические партии, вошедшие в Интернационал, относиться друг к другу в своих разногласиях с большим взаимным уважением и вниманием»¹¹⁵.

Эсеровские верхи сделали верный ход: они решили воспользоваться авторитетом МСБ, сделав его третейским судьей в своих взаимоотношениях с РСДРП. Выступая в качестве инициаторов объединения в тот момент, когда МСБ вызывало на ковер погрязших в своих фракционных дразгах лидеров РСДРП, лидеры ПСР надеялись использовать эту ситуацию также и в своих интересах.

Ленин предпринимал все меры, чтобы блокировать попытки организации «объединительной» конференции по восстановлению единства в РСДРП. Впрочем, по словам Г. А. Алексинского, Плеханов считал, что «если бы не вспыхнула война, то вопрос о его (В. И. Ленина. — *К. М.*) дезорганизаторской роли в русском рабочем движении был бы поставлен на Междунар[одном] социалистическом конгрессе, который, наверное, осуществил бы Ленина и исключил бы его из Социалистического Интернационала, как в свое время были исключены Бакунин и К^о. Война помешала созыву Конгресса и спасла Ленина от исключения из рядов Соц. Интернационала»¹¹⁶. Исключение Ленина создало бы принципиально иную ситуацию, весьма благоприятную для будущих объединительных планов. Впрочем, достаточно очевидно, что и объединение РСДРП, и объединение РСДРП и ПСР действительно могло быть лишь «музыкой будущего», хотя даже движение по этому пути было бы большим благом.

Но несмотря на уверенность руководства партии, что «...многие рабочие с.-р. организации уже откликнулись на наш зов и в общем присоединились к его тенденции», в эсеровской среде единодушия не было¹¹⁷.

Начиная с 1912 г. меньшевики-ликвидаторы внимательно анализировали процессы, происходившие в эсеровской среде, и постепенно корректировали свою прежнюю оценку. Так, например, по мысли П. П. Маслова,

«европеизация» крестьянства «...поведет к расколу народничества на два лагеря. Но пока и то и другое крыло не подозревают, что между ними растет пропасть гораздо глубже, чем между левым крылом (группа „крайне правых“, или „марксистствующих“. — *К. М.*) и марксистами, с одной стороны, между правым крылом (ортодоксальные эсеры. — *К. М.*) и чистыми демократами — с другой». Вывод П. Маслова был однозначен: «Часть левых народников будет продолжать держаться за крестьян, другая часть войдет в пролетарскую партию, как бы она ни называлась»¹¹⁸.

Внимательно наблюдал за процессами, происходившими в эсеровской среде, и другой меньшевистский публицист Л. Седов (под этим псевдонимом скрывался Б. А. Гинзбург, начинавший свою революционную деятельность в народовольческих кружках)¹¹⁹. Крайне важно, что он определял «левое крыло» в партии эсеров как «новаторское, или пролетарское»¹²⁰. Позиция меньшевистской «Нашей Зари» находилась в строгом соответствии с данной установкой: критика ортодоксального «правого» крыла эсеровской партии и поддержка представителей «левого» — «в лице г. Суханова, Савина, Алексеевского и др., считающих необходимым перейти на сторону пролетариата, не покидая еще окончательно народнических позиций»¹²¹. Необходимо отметить, что подобная поддержка только накаляла страсти в эсеровской среде, не без оснований видевшей в названных «господах» своеобразного троянского коня.

Резко отрицательную позицию к идее объединения заняли ленинцы, подвергавшие критике как эсеров, так и меньшевиков, и более заинтересованно относившихся к этой идее. В. И. Ленин едко замечал по этому поводу: «Бедные ликвидаторы, как зло подшутила над ними история! ...Ликвидаторы не успели даже отречься от своих собственных, формальнейших заявлений и резолюций 1903 и других годов, где левонародники объявлялись буржуазной демократией»¹²².

В апреле 1914 г. произошло событие, беспрецедентное в истории российского социалистического движения: седьмой номер легального общественно-политического журнала «Современник» был украшен новым списком сотрудников, в который вошли многие крупные фигуры эсеровского и социал-демократического лагерей. По сути дела, в списке не было только В. И. Ленина и его единомышленников. Сотрудничать с журналом дали свое согласие Н. Д. Авксентьев, А. Н. Бах, А. А. Богданов, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. Я. Быховский, Б. Н. Лебедев, Ф. Дан, Б. Корень, Н. Лазаркевич, А. В. Луначарский, Ю. О. Мартов, П. П. Маслов, С. Н. Слетов, Г. В. Плеханов, М. Б. Ратнер, И. А. Рубанович, Ю. М. Стеклов, Л. Д. Троцкий, В. М. Чернов. И хотя никакого программного заявления не было сделано, редакторство Н. Н. Суханова позволяло догадываться, в каком направлении сделан этот шаг. Любопытно, что еще накануне создания «Заветов» К. Р. Кочаровский, обговаривая принципы, на которых должен базироваться журнал, писал В. М. Чернову: «Журнал д.б. **общесоциалистическим** (за исключением лишь **ортодоксальных с.-д.**)»¹²³. Важно, что идея создания единой партии витала в воздухе, что доказывается отнюдь не только неудачным дебютом газеты «Юг». В одной из своих статей в «Современнике» Н. Н. Суханов следующим образом обозначил «объединительную» позицию «нашего органа, где представители всех течений и фракций являются дорогими гостями, желанными слугами общего дела»: «<...> Мы ставим себе задачей объединение и сотрудничество литературных сил всех направлений (марксизма и народничества), [выработку] взаимного понимания и самоограничения, необходимых для действительного практического единства»¹²⁴.

Чересчур резкая позиция редактора органа, провозгласившего своей целью объединение социалистических партий, противоречия внутри эсеровского лагеря, неприемлемость для эсеров односторонних уступок, отмалчивание социал-демократов, предпочитавших тянуть время, — все это мешало «Современнику» в разрешении его главной задачи. Даже тот факт, что участники этого грандиозного предприятия не смогли или не сочли необходимым выработать единое программное заявление, свидетельствовало о серьезных противоречиях среди них и опасениях «подставиться» критике товарищей по партии. Тем не менее можно согласиться с Лениным, что речь шла о первых шагах по пути «соединения направлений». Он писал: «Невиданное в нашем демократическом журнальном мире явление представляет собой этот «Современник». Рядом с случайными именами сотрудников ...мы видим **явно демонстративное** соединение имен, долженствующее знаменовать соединение направлений. ...И в полном соответствии с этим, гвоздем направления журнала является проповедь (народниками) союза народников и «марксистов» (не шутите!)»¹²⁵.

Сам Ленин, получив приглашение войти в состав сотрудников «Современника» от члена его редакции В. Б. Станкевича, ответил вежливым отказом: «Не разделяя в основном изложенной Вами программы Вашего журнала, — писал он в марте 1914 г., — я должен отказаться от сотрудничества»¹²⁶. О его отношении к журналу можно судить по строкам из его письма большевику В. А. Карпинскому, где он восклицал: «**Очень** рад, что Вы не сочувствуете „Современнику“: это поганое предприятие блока двух сволочей, ликвидаторов и народников, мы будем ругать жестоко. ...Конечно, из-за заработка иногда приходится всем нам работать в буржуазных изданиях! Но гг. Мартов и Дан учинили „демонстрацию“!! И Плеханов в этом позорном месте!»¹²⁷.

Любопытно, что проблема объединения двух социалистических партий получила и своего рода художественное воплощение. В черновиках Чернова, хранящихся в его личном фонде в ГАРФ, имеется неоконченная шуточная пьеса, написанная двумя почерками, один из которых принадлежит В. М. Чернову. Главный герой пьесы, лидер некоей партии, пребывает в плохом настроении, терзаемый посетителями и женой-большевичкой. На разные догадки «дяди», что с ним стряслось, он отвечает: «Хуже! Объединение!». «Какое объединение?» — спрашивает дядя. — «Какое! Одно у нас объединение все время идет. Объединяемся с большевиками». Дядя: «Совет да любовь!». — «Да, уж, действительно, любовь. Не было печали, так черти накачали... Пока не объединялись, жили себе каждый по-своему, но хорошо, да и не больно плохо. А теперь после объединения такая катавезия пошла... Каждый день собрания, полуночные бдения, дебаты, инциденты... Вчера, когда я кончал речь, я, может быть, немножко увлекся, разоблачая заднюю мысль большевистского проекта объединения, одна большевичка в обморок упала... Да что! Жена... ты ведь знаешь, она у меня как раз большевичка, и самая ярая, и та так на меня посмотрела, так посмотрела... ведь вот 4 года живем вместе, друг в друге души не чаем, а каждый раз, как возобновляются переговоры об объединении, между нами черная кошка пробегает. Всего на две минутки задержала меня товарищ Бетя, поздравляя меня по поводу моей речи, а жена шмыгнула в дверь, ушла домой. А я уж знаю, что это за признак...». Дядя: «Навсегда конец, не так ли?» — «Да то-то и беда, что процессу объединения нашего, кажется, никогда конца не будет! (Звонок). Ну, опять, кто-то идет! Ни минутой свободной! Так одолели, что я, кажется, скоро начну бросаться на людей и кусаться, черт возьми!»¹²⁸.

Сотрудничество между партиями в годы войны пошло другими путями, когда эсеры-оборонцы сближались с меньшевиками-оборонцами, а эсеры-интернационалисты — с большевиками. Подобное же направление было характерно и для событий 1917 г., когда правые эсеры и эсеры центра блокировались с меньшевиками, а левые эсеры с большевиками.

В этих условиях голоса тех, кто призывал к единой социалистической партии, не находили отклика. М. Вишняк, которому пришлось в марте 1917 г. ставить в Москве эсеровскую газету «Труд», позже вспоминал: «В одном из первых же номеров „Труда“ я поместил фельетон в защиту старого своего убеждения, что „мировоззренческая“ установка — пережиток начальной истории социализма, когда социализм собирався выдать себя за новую философию истории, за систему этики и чуть ли не религию. Между тем на самом деле он представляет собой лишь систему социально-политических мер или технику улучшения строя жизни, и, потому для согласных в программе и тактике нет достаточных оснований пребывать в разных партиях по мотивам разного толкования процессов русского прошлого или первых и последних вопросов бытия. Я ждал сочувственных откликов и поддержки. Но отозвался лишь мой друг Орлов, причислявший себя к меньшевикам и давший мне статью о целесообразности образования общей и единой социалистической партии. Его мнение осталось столь же одиноким в его среде, как мое в моей. Текущее и неотложное тяготело над всеми и не оставляло времени задуматься над тем, что не сегодня возникло и, просуществовав уже два десятка лет, может и в дальнейшем затянуться на неопределенный срок»¹²⁹.

1917 г. стал переломным годом и во взаимоотношениях, и в судьбах всех социалистов, да и страны в целом. К лету—осени 1917 г. эсеры и меньшевики не только входили в правительственную коалицию и имели ряд важнейших министерских портфелей, но и контролировали систему Советов, в руках которых находилась львиная доля реальной власти. С другой стороны, Ленин и большевики, взяв курс на захват власти, бросали вызов всем политическим силам и партиям, в том числе и социалистическим. Желая большего, чем долевое участие в коалиционном социалистическом правительстве вместе с эсерами и меньшевиками, большевики (и особенно их лидеры — Ленин и Троцкий), были готовы и на свертывание реальных институтов демократии и ограничение политических свобод.

Уже к июльским событиям 1917 г. для ряда социалистов было ясно, что безудержная демагогия и авантюристическая целеустремленность большевиков, стремящихся к захвату власти любой ценой, губят страну, толкают ее к гражданской войне. И в эсеровской и в меньшевистской партиях были лидеры, понимавшие угрозу большевизма и готовые к самым решительным действиям. После 5 июля 1917 г. такие деятели, как Керенский, Савинков, Авксентьев, Церетели, нанесли ряд ударов по большевистской партии, в результате чего ряд ее деятелей оказался за решеткой. Интересны воспоминания А. М. Колонтай, оказавшейся в их числе: «Тюремный инспектор Исаев приехал меня навестить, бывший фабричный инспектор, кадет, из левых. Встречались не раз в былые годы еще на политических банкетах 1904 года, в эпоху „политической весны“ Святополк-Мирского, в литературных клубах, на лекции.

Исаеву явно неловко, что это я вдруг „заключенная“. И что посадили меня его друзья и приятели, что меньшевики и эсеры держат меня на особом положении, что не дают даже свиданий. Он старается „оправдаться“ и критикует „власть имущих“. Уверяет меня, что мой

„старый знакомый“ — министр юстиции Зарудный — очень склонен заменить меру пресечения залогом, что об этом шли переговоры, но есть „лица“ (Керенский), которые решительно против проявления такой слабости. Главное препятствие в том, что боятся, как бы я вновь не стала „выступать“.

Ваши речи и без того много народу „перепортили“... Это не мое мнение, это говорят другие... Вообще, все это очень странно и нелепо, ведь вы же все социалисты, и вы, и Керенский, и Авксентьев, и Церетели... Очень странно!»¹³⁰.

Отпустили Коллонтай под залог в 5 тысяч руб. по приказу министра Зарудного — постарались, по словам начальника тюрьмы, Горький и Красин. Узнав об этом, Керенский рассвирепел и отдал приказ о наложении домашнего ареста, который был подписан Керенским, Савинковым и Авксентьевым¹³¹.

Отчасти уже в этом отрывке содержится ответ на крайне интересный вопрос, почему эсеры и меньшевики после июльских событий 1917 г. не довели до конца начатого и не перешли от бутафорского преследования большевистской партии и ее лидера Ленина, не пожелавшего явиться на суд, к реальному. Другая часть ответа заключается в том, что подавляющая часть эсеров и меньшевиков оказалась не в состоянии «перестроиться» и увидеть злейших врагов во вчерашних «друго-врагах». Самое парадоксальное, что многие социалисты видели главного врага в «угрозе справа» — в реставраторски настроенных офицерах и генералах, кадетах, казаках и т. д., не только в 1917 г., когда не все еще было ясно, не все маски сорваны, но и в 1918—1920 гг., когда коммунисты продемонстрировали многое из того, что не могло присниться и в самом страшном сне: разгон Учредительного собрания (созыв которого стоял в программе РСДРП), уничтожение самых элементарных политических свобод и прав, раскол крестьянства с помощью «комбедов» и продотрядов, изуверский «военный коммунизм», ставший подлинным образчиком «казарменного коммунизма» (против которого с.-д., вслед за Марксом, всегда протестовали), кровавые преступления ВЧК и ужасы «красного террора», расправы с тысячами восставших крестьян, залитых кровью и т. д. и т. п. Справедливости ради, впрочем, надо сказать, что некоторые старые большевики, проводя в жизнь террористическую политику своей партии, испытывали серьезный дискомфорт. В этом плане весьма показателен эпизод, рассказанный Т. И. Вулих, в годы первой русской революции работавшей в социал-демократических организациях, которая в 1918 г. встретила в Тифлисе, находившемся тогда под властью меньшевиков, своего старого знакомого по партийной работе Буду Мдивани, с которым не виделась 10 лет. Он рассказал ей, что живет нелегально, что подавленное недавно меньшевистским правительством душетское восстание по поручению Москвы организовывал он, и стал уговаривать вернуться в партию, соблазняя «всякими блестящими перспективами», от которых она отказалась. «Последними его словами были — после рассказа всей его жизни за 10 лет: „Да, все хорошо, но уверяю Вас, что я был более счастлив, когда нас сажали и ссылали, а не когда это делаем мы“»¹³².

Подводя итог, отметим, что не только идеология и единая общая цель питала центристремительные тенденции, но и общность судьбы, конкретизировавшаяся и общей борьбой на баррикадах, и общим сидением в тюрьмах, и могилами товарищей. Центристремительные тенденции питал и, так сказать, общий «культурный код» российского интеллигентно-революционера, читавшего примерно одинаковые книги, думавшего

и спорившего об одних «проклятых вопросах» современности, но по-разному отвечавшему на них в зависимости уже от своего темперамента и склада ума. Центристские тенденции питала общность многих поведенческих норм, регулировавших жизнь и поведение революционера — от вопроса посещения публичного дома до поведения в тюрьме. Впрочем, в последнем вопросе были и достаточные различия в выборе тактики борьбы за политережим, что позднее приводило к трениям на Соловках между меньшевиками и всеми остальными социалистами и анархистами.

Исследование норм и практики «партийного правосудия» российских с.-р. и с.-д. позволяет говорить, с одной стороны, о том, что, несмотря на все различия, весь понятийный аппарат и механизмы отправления правосудия были общими, а с другой стороны, — что столь развитая система «социумного» правосудия является признаком развитой субкультуры (безусловно, далеко не все ее составные части были развиты столь серьезно, что и естественно).

Трещина между коммунистами и вставшими к ним в оппозицию социалистами и анархистами к 1922 г. уже превратилась в пропасть, которая стремительно росла. И хотя «родимые пятна» общего происхождения и общей этики российского революционера часть старых коммунистов еще не изжила, но отсутствие общности судеб и мутация этики коммунистов, отказывавшихся от ключевых норм и понятий субкультуры российского революционера, становятся все ощутимее и ощутимее. Более подробно об этом мы поговорим в другом параграфе данной главы, а здесь в качестве иллюстрации к этому тезису приведем свидетельство корреспондента меньшевистского «Социалистического вестника», скрывшего свое имя под псевдонимом «Каторжанин». Касаясь вопроса о поведении и мероприятиях большевистской власти по дискредитации эсеров летом 1922 г., он восклицал: «Мне кажется, что нет тех красок, которые описали бы то, что проделала власть до процесса, на самом процессе и вне стен суда. Изумительно все же не это, а то **перерождение вчерашних тюремных сидельцев, а ныне правителей, к которому я никак не могу привыкнуть** (выделено нами. — К. М.). Большевики негодуют, как это подсудимые смеют сидеть, когда „суд идет“, как они, „эти убийцы“, смеют заявлять (не они, правда, а защита в 1-й день), что их не кормят, почему они выбриты и т. д. и т. д. <...> А все эти „гвардейский офицер Кашин (это — наш Ваня Кашин, бывший восьмилетний каторжанин!), а „кавалерист“ Утоф, а „дворянин“ Тимофеев и пр. и пр. прелесть, которая печатается в „Известиях“ и в центральном органе РКП, рядом с отчетом о лошадях, „показавших (на бегах) столько-то секунд“. Есть от чего с ума сойти и выть от злости...»¹³³.

Б. В. Савинков, как сообщало Иностранное отделение Информационного отдела ГПУ, подводя итог процессу с.-р., когда двенадцать «смертников» фактически были объявлены заложниками, восклицал на страницах своей газеты «За Свободу»: «Когда эсеры были у власти, Временное правительство отменило смертную казнь. Люди, вошедшие в соглашение с противником во время войны, люди, прибывшие в Россию в „запломбированном вагоне“, не только не были поставлены к „стенке“, не только не были преданы суду за государственную измену, но свободно разгуливали по Петрограду и на глазах у всех подготавливали июльские дни. А после июльских дней благополучно скрылись в Финляндии. Их Временное правительство не искало, ибо не собиралось ни судить, ни казнить. Теперь ясно, что это сентиментальное попустительство было ошибкой, не только

ошибкой, но и преступлением. Коммунисты оказались умнее эсеров. Пока речь шла о смертной казни для них, они, как некогда Чернов в „Революционной России“, негодовали, возмущались, кричали все о том же „насилии и произволе“. Но когда они оказались у власти, протесты и крики их смолкли. Началась апология „стенки“. „Стенка“ стала регулятором человеческих отношений. „Стенка“ сделалась омегой и альфой бытия российского гражданина. Никогда и нигде смертная казнь не царилась с такой разнузданностью и с таким спокойным цинизмом, как в эти черные годы владычества Совнаркома <...> Эсеров, Гоца, Тимофеева, Гендельмана, Донского, коммунисты не решились вывести без суда „в расход“. Они их боятся. Боятся западноевропейских социалистов, боятся своих рабочих, боятся призрака ПСР. Трус обыкновенно жесток, ибо жестокость скрытая форма боязни. Для эсеров Крыленки придумали утонченную пытку, ту пытку, которую выразить словами нельзя, — не пытку голодом, не пытку жаждой, не пытку бессоницей, не кровавую пытку пилой и ножом, а ту, о которой не смела мечтать даже и Великая инквизиция: пытку угрозой смерти. Люди знают, что их могут убить, люди знают, что их убьют. Но когда... Сейчас, через полчаса. Сегодня. Завтра. Через неделю.

Все перевернулось вверх дном, и на земле не осталось правды. Изменники родины обвиняют в измене людей, отдавших жизнь за отечество. Обвинив, их везут казнить те самые негодяи, которые просто вопияли, когда дело касалось их. Но их не казнят, а мучат — мучат медленно, долго, неслышанно, невообразимо. Мучат, чтобы убить... Где мы? Кто мы? И кто вершитель и хозяин нашей судьбы?»¹³⁴.

§ 2. «МЫ НЕ ПРИНАДЛЕЖИМ К ЧИСЛУ ВАШИХ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ. ...НО И ВЫ И МЫ — ДЕМОКРАТЫ»: УЧАСТИЕ МЕНЬШЕВИКОВ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ КАМПАНИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПРОЦЕССА С.-Р. В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭСЕРОВ И МЕНЬШЕВИКОВ

Деятельное участие меньшевиков в развертывании антибольшевистской пропагандистской кампании в России и особенно за рубежом, их попытка делегировать троих видных меньшевиков для участия в защите 1-й группы, их солидарность с подсудимыми эсерами — все это стало неожиданностью для большевиков, ожидавших, что они будут отмежевываться от эсеров и «их кровавых преступлений» (в своей пропагандистской кампании большевики старательно смешивали эсеров и меньшевиков, очень часто греша против истины). Позиция меньшевиков была последней каплей, переполнившей чашу терпения чекистов, обрушившихся на них масштабными репрессиями.

Но солидарность и участие в контрпропагандистской антибольшевистской кампании означали новый этап в весьма непростых отношениях совсем еще недавних друго-врагов. А эти отношения непросто складывались и после Октября 1917 г. После захвата большевиками власти в оппозиции к ним оказались обе общероссийские социалистические партии — ПСР и РСДРП. Степень этой оппозиции (да и само понимание ее сущности) была весьма различна у этих партий. Даже внутри каждой из них существовал ряд течений и групп, которые занимали диаметрально противоположные позиции: от проповеди необходимости

вооруженной борьбы с большевиками до совместного с большевиками противостояния «угрозе справа». Надо отметить, что в руководстве обеих партий победили центристские и левоцентристские силы, фактически вытеснившие из ЦК своих партий более правых своих товарищей.

В этом смысле показателен IV съезд ПСР, состоявшийся вскоре после Октября 1917 г. и избравший новый состав ЦК, в котором ни Е. К. Брешко-Брешковская (примечательно, что она отказалась от членства в ЦК, избранном на III съезде, из-за того, что был забаллотирован А. Ф. Керенский), ни Н. Д. Авксентьев, ни И. И. Фондоминский, ни А. А. Аргунов, ни другие видные «правые».

Похожая ситуация сложилась в это время и в руководстве меньшевистской партии, и ряд видных меньшевиков, выступающих за более решительные формы борьбы с большевиками (в том числе и в коалиции с «несоциалистическими оппозиционными силами»), оказался вытеснен из ее руководства, где тон стало задавать «левое крыло партии, определявшее тактику РСДРП в послеоктябрьский период»¹³⁵.

Прав был «правый» эсер Вишняк, когда, анализируя настроения социалистов первых месяцев после Октября 1917 г., так характеризовал позицию многих эсеров и меньшевиков в их отношении к большевикам: «Большевики подняли гражданскую войну, но поставили ее на счет своим противникам. В антибольшевистском лагере усилия большинства меньшевиков и эсэров сосредоточились не столько на оказании активного сопротивления зачинщикам войны, сколько на ее ликвидации. Большевистская затея казалась столь антиисторичной и объективно обреченной на провал не сегодня, так завтра, что, задумываясь о завтрашнем, мысль парализовала волю сегодняшнего дня. Создавалась в психике некая „линия Мажино“, предоставлявшая событиям идти своим чередом в предрешенном историей направлении»¹³⁶.

Очень интересно свидетельство н.-с. Игнатьева на процессе с.-р. о том, какую позицию заняли некоторые меньшевики в вопросе о защите Учредительного собрания и его роли в начавшейся гражданской войне: «После разгона Учредительного собрания, вопросы о дальнейшей борьбе во имя его рассматривались так называемым межфракционным совещанием Учредительного собрания, в состав которого входили, помимо Президиума Учредительного собрания, представители фракций, входящих в состав Учредительного собрания, а также и представители Центральных Комитетов соответствующих партий. Мне пришлось на этом совещании быть всего один только раз, но оно слишком характерно, чтобы я о нем не мог не упомянуть. В этом совещании ставился вопрос о поддержке вооруженной силой Учредительного собрания от имени самого Учредительного собрания. Как раз на этом совещании должны были быть заслушаны сообщения о том, какова в настоящий момент фактическая подготовка вооруженных сил для защиты Учредительного собрания. Когда этот вопрос был поставлен на обсуждение совещания, то выступавший меньшевик Трояновский заявил, что Учредительному собранию неуместно принимать и даже выслушивать представителей той организации, которая занята вопросом вооруженной подготовки, ибо Учредительное собрание является представителем всего народа, и поэтому оно не может взять на себя защиту интересов одних групп населения против других... <...> В том смысле, что Учредительное собрание не может взять на себя руководство гражданской войной, выступал Церетели, который заявил, что пусть лучше Учредительное собрание умрет спокойно, не принимая участия в гражданской войне, но это будет смерть достойная»¹³⁷.

Впрочем, в меньшевистской среде так думали далеко не все. Как пишут авторы предисловия к сборнику документов «Меньшевики в 1918 г.», «по вопросам же природы и степени оппозиции к большевикам и к их режиму, а также по поводу того, стоит ли РСДРП во имя свержения „большевистской диктатуры“ входить в соглашение с несоциалистическими оппозиционными силами, <...> позиции некоторых меньшевиков были диаметрально противоположны. Партия и раньше не представляла из себя монолит. Ее „организационные рамки“, как отмечали впоследствии, Г. Я. Аронсон, „всегда отличались чрезвычайной гибкостью. Элемент принудительный в меньшевизме (так называемая партийная дисциплина и пр.) даже в полосу легальности почти не имел реальной силы. Понятие иерархии, субординации, тем более авторитарности и вождизма, ни в какой мере не были характерны для меньшевизма“. И действительно, наряду с левым течением, получившим большинство в руководящих органах РСДРП, как показали итоги Чрезвычайного декабрьского съезда 1917 г., на всем протяжении 1918 г. в партии продолжало действовать правое крыло с центром в Петрограде, по традиции именовавшееся „оборонческим“»¹³⁸.

В оппозиции большевикам меньшевики оказались совершенно естественным образом. И для этого были глубинные причины. В этом смысле заслуживает внимания интересное умозаключение, сделанное много лет спустя Аронсоном: «Но, в сущности говоря, ни одна политическая группировка не посвятила борьбе с большевизмом столько усилий, как меньшевики, в течение ряда лет давая решительный отпор большевизму в рабочем движении, его диктаторским домогательствам внутри русского социализма, а затем уже после Октября, — борясь за душу народных масс, за высвобождение их от большевистского гипноза, ведя с большевиками непримиримую борьбу, когда они уже захватили власть в великой стране. Может быть, это достойно сожаления, — но такова была судьба меньшевиков (как после Октября она стала и судьбой всей мыслящей России): все усилия были безраздельно отданы на „анти“: на противопоставление большевизму, на антибольшевизм»¹³⁹.

Несмотря на, казалось бы, наличие «общего врага», общий язык левонастроенное руководство меньшевистской партии и эсеры в своем противостоянии большевикам после Октября 1917 г. находили с трудом, во многом из-за того что в чем-то одинаково, но в чем-то весьма поразному подходили в своих оценках к нему и к тому, что он нес стране и нации. Союзническими отношения ПСР и РСДРП в годы гражданской войны трудно назвать, во многом из-за того что меньшевистское руководство хотя и стало в оппозицию к бывшим своим сопартийцам, но занимало отрицательную позицию в вопросе о вооруженной борьбе с большевистской диктатурой. Оно многократно подчеркивало, что не является стороной в гражданской войне (но нельзя забывать, что ряд меньшевиков, придерживавшихся более правых позиций, принимал куда более активное участие в борьбе с большевиками, вплоть до вхождения в Союз возрождения и Самарский Комуч (член ЦК РСДРП И. М. Майский, входивший в последний, подвергся за это партийным репрессиям)).

Эсеровское руководство стремилось к сближению с меньшевистским, но последние предпочитали дистанцироваться от них. Так, например, 14 августа 1919 г. Бюро ЦК ПСР отправило «всем организациям» ПСР директивное письмо, в котором говорилось о том, что «согласно решению IX Совета партии о необходимости более тесного сближения последней со всеми подлинно социалистическими группами и партиями России, ЦК

предложил ЦК РСДРП создать постоянное информационное бюро и созвать совместное заседание пленумов обоих ЦК. ЦК РСДРП ответил отказом на это предложение, мотивируя его сильным расхождением тактических позиций обеих партий. Вместе с тем, отказываясь от постоянной информации, он признал желательным информацию от случая к случаю и обмен резолюциями и другими изданиями». Критикуя меньшевиков за «межеумочную» позицию и за беспочвенные надежды на создание «в России единого революционного фронта с большевиками», ЦК ПСР подчеркивал важность «той кампании в пользу социалистического объединения, которое он предлагал провести на местах среди рабочих кругов. Ибо только действия низов, их нажим на центр заставят руководителей РСДРП изменить свою политику и бросить делять несбыточную мечту, оставаясь социалистами, объединить фронт революции под гегемонией большевизма или же уйти в сторону и предоставить руководство партией более близким к ним элементам социал-демократии»¹⁴⁰.

Логика событий, травля большевистской властью подталкивала «местных» меньшевиков к сотрудничеству с эсерами (чаще, правда, ограниченного легальными рамками). Вот примечательная зарисовка взаимоотношений воронежских эсеров и меньшевиков из гущи событий, данная в отчете «прифронтового» Воронежского губкома ПСР в ЦК ПСР за период с 1 июля по 15 августа 1919 г. в ответ на требования IX Совета партии и циркуляров ЦК и его Бюро: «<...> Делались и делаются попытки войти в прямые сношения с имеющимися здесь меньшевиками. Организация принадлежит к типу т. н. „плекхановцев“, жила совершенно легально и поэтому последние разгромы социалистических организаций тяжело отозвались на ней. <...> Губернским комитетом было послано К[омите]ту меньшевиков предложение — создать постоянно действующее межпартийное информационное бюро. До сих пор никакого ответа от них не получено. Провести какую-нибудь, а не только „широкую“, кампанию в рабочих кругах по вопросу о социалистическом единстве не удастся ввиду указанных выше особенностей положения нашей организации (губерния была расчленена фронтом — 8 уездов было в руках белых, 4 уезда — у красных, на территории которых и оставался губком и горком ПСР, и где свирепствовали чекисты и „особисты“. — К. М.) — совершенной нелегальности, невозможности обсуждать что-либо, кроме мобилизаций, на собрании проф. союзов и рабочих организаций и т. п. <...>

Нами все время велась совместная с м[еньшеви]ками работа в союзах, кооперативах и б[ольничных] к[ассах]. В этом же направлении ведется она и теперь. Был организован общими усилиями Красный Крест, продолжающий свою работу и в настоящее время. Отношение м[еньшеви]ков к нам несколько опасливее, как к партии, работающей в подполье и зарекомендовавшей себя „слишком решительной“. Местные м[еньшеви]ки, в качестве „ликвидаторов“ (до революции их руководители пребывали в этом почетном звании) и легалистов, большие противники всякой „нелегальной“ борьбы и „авантюристических“ выступлений — черта, общая всем м[еньшеви]кам. Но все же в пределах „легальной“ работы совместные выступления возможны, желательны и они уже были и есть.

Рабочие круги в массе своей относятся безусловно положительно к идее объединения социалистов. К сожалению, подтвердить это резолюциями не сможем.

Говорить о соглашении с **местными** м[еньшеви]ками можно лишь в узких пределах „легальной“ деятельности, но такое соглашение уже установлено самой жизнью. Для закрепления его нами предпринимается ряд шагов»¹⁴¹.

Но не только в рамках легальной деятельности сама жизнь толкала рядовых эсеров и меньшевиков к сотрудничеству. Так, например, брянские эсеры, отчитываясь перед ЦК ПСР за свою работу летом 1919 г., писали, что крайне необходимые для них чертежи типографской машины составил бежицкий меньшевик¹⁴². Составление меньшевиком чертежей типографской машины для подпольной эсеровской типографии явно выходило за рамки легальной деятельности и вряд ли было санкционировано меньшевистской организацией. Скорее всего, мы имеем дело с починим самого меньшевика. Вообще подобных случаев в годы гражданской войны и сразу после нее, когда типографские рабочие-меньшевики помогали с печатанием листовок (или со шрифтом и т. п.) эсерам и даже анархистам, было немало. Но это лишь частный случай того, как сама логика жизни толкала оппозиционные большевистскому режиму организации к объединению своих усилий. Впрочем, как отмечалось выше, этому препятствовала все еще не угасшая надежда немалой части меньшевиков на установление единого фронта революционных сил против белогвардейщины и возможность мирной трансформации большевистского режима в сторону большей демократичности.

Но далеко не все меньшевики питали иллюзии по поводу большевиков. Именно на то, что рано или поздно в РСДРП возобладает их точка зрения, и рассчитывало эсеровское руководство.

В письме из Бутырской тюрьмы члены ЦК ПСР М. А. Веденяпин, М. Я. Гендельман, А. Р. Гоц, Д. Д. Донской, М. А. Лихач, С. В. Морозов, Д. Ф. Раков, Е. М. Ратнер, Е. М. Тимофеев, М. С. Цейтлин (фактически это была директива Заграничной Делегации ПСР, которая была вынуждена учитывать ее в своей деятельности) писали за границу осенью 1921 г. по поводу участия ряда видных эсеров в парижском совещании совместно с кадетами: «Не коалиция или блок с „осколками партии“ (так заграничные эсеры характеризовали группу Милюкова. — *К. М.*), <...>, а **соглашение с социал-демократами-меньшевиками с целью координации политической борьбы и установления единого развернутого демократическо-социалистического фронта — вот что стоит реально в порядке сегодняшнего дня. Несмотря на ряд значительных расхождений в позиции нашей партии с партией с.-д.-меньшевиков объединенное выступление по отдельным вопросам двух делегаций перед лицом международного рабочего класса мы считали бы наиболее целесообразной защитой интересов русской революции на Западе** (выделено нами. — *К. М.*). Подобное более тесное координирование с Заграничной Делегацией с.-д.-меньшевиков приобретает тем большую реальность, чем быстрее происходит среди с.-д.-меньшевиков процесс изживания под ударами „упрямых“ фактов русской действительности и большевистской практики утопических представлений о социалистическом характере русской революции в данной ее большевистской стадии и о возможности мирного перерождения «кремлевской диктатуры» в рабоче-крестьянскую демократию»¹⁴³.

Как оценивало руководство РСДРП тактику ПСР в гражданской войне, в чем оно видело разницу между собой и эсерами, видно из передовой статьи сентябрьского номера «Социалистического вестника» за 1922 г.: <...>Вместе с партией с.-р. боролась социал-демократия против наступающего октября; боролась во имя **р а з у м а** представляемого ею

пролетарского движения против все сильнее одолевавших его утопических предрасудков. Но вскоре после переворота пути с.-р. и с.-д. стали расходиться. Определяющим политикой социал-демократии являлся тот факт, что она была и стремилась оставаться классовой партией пролетариата. <...> Это значило, что от непосредственной борьбы за власть, от свержения данной большевистской власти, она отказывалась, дабы не вступать в гражданскую войну с той значительной частью пролетариата, которая эту власть поддерживала. <...>

Партия с.-р. была в другом положении. Стремясь искони объединить в своих рядах крестьянство, пролетариат и интеллигенцию, она в течение 1917 года превратилась в массовую партию, поддерживаемую громадным большинством крестьянства, значительной частью городской демократии и некоторыми слоями пролетариата, преимущественно связанными с деревней. <...> Перед партией с.-р. открывалась поэтому возможность продолжения после 25-го октября непосредственной борьбы с большевиками за власть. Но с самого начала эта борьба принимала характер борьбы двух из трех социальных элементов, которые партия стремилась объединить против третьей (против большевистски настроенных в то время рабочих и солдатских масс). <...>

Отсюда следовала для партии с.-р., с ее собственной точки зрения, необходимость длительной работы в народе для преодоления большевизма, необходимость отказа от „активизма“. Однако, вторая и наиболее активная, социальная опора партии — городская демократия — не мирилась с таким выводом. <...> Именно настроения городской демократии толкали партию с.-р. к „активизму“. Если же эти настроения одержали верх над другими тенденциями внутри самой партии, то причины этого надо искать в ее крайней идейной разношерстности, отражавшей разнообразие представляемых ею социальных слоев. <...>

<...> При всей ненависти народных масс к большевикам, к восстанию, ставящему целью возобновление войны, они примкнуть не могли. <...> По мере того как новый восточный фронт превращался в фронт военной диктатуры, интервенции и помещичьей реставрации, оборвалось столь успешно развивавшееся народное движение против большевизма. <...> Вместо изоляции коммунистов получилось сплочение народа вокруг них против контрреволюции¹⁴⁴.

Особо подчеркнем, что целый ряд меньшевиков, придерживавшихся более правых позиций, принимал куда более активное участие в борьбе с большевиками, вплоть до вхождения в Союз Возрождения и Самарский Комуч (член ЦК РСДРП И. М. Майский, входивший в последний, был изгнан из ЦК). Но он был далеко не единственным из меньшевиков, для которых непримиримое отношение к большевикам эсеровских IV съезда ПСР и V Совета партии было более приемлемым, чем позиция руководства собственной партии. Как отмечают авторы предисловия к сборнику документов «Меньшевики в 1921–1922 гг.» постепенно «оппозиционно настроенная по отношению к линии ЦК часть партии становилась все более сплоченной. В немалой степени ее консолидации способствовало знаменитое сентябрьское 1920 г. письмо П. Б. Аксельрода Ю. О. Мартову. <...>Теперь оппозиция имела не только прекрасно фундированную платформу, но и лидера — одного из основоположников российской социал-демократии<...> Оценки Аксельрода аккумулировали мнение многих партийцев, поддерживавших с ним контакты. В письме от 3 января 1921 г. С. М. Ингерман, близкий ему еще по группе «Освобождения труда», подчеркивал: «Одно из двух: либо большевизм — передовой отряд социализ-

ма, тогда нам всем необходимо войти в его ряды, либо он исчадие социального бандитизма и контрреволюции, тогда зачем кривить душой и обманывать пролетариат». Таких же или близких к ним взглядов придерживались и бывший центрист И. Г. Церетели, декларировавший свою приверженность к оценкам «правых», но не входивший ни в какие фракции и группы В. С. Войтинский, С. Д. Щупак, член ЦК Д. Ю. Далин, руководители ряда крупнейших партийных организаций — Донской (Б. С. Васильев), Харьковской, Московской, Киевской, правые (В. О. Левицкий, В. Н. Розанов, С. О. Португейс) и др.»¹⁴⁵.

Зримое сближение эсеров и меньшевиков против нападающего на них врага происходит в 1922 г., когда коммунисты вынашивают замысел проведения целой серии показательных процессов — над социал-демократами, анархистами, «меньшинством» с.-р. и т. д., который нашел отражение даже в первоначальном «рабочем» названии «центральной тройки» — «Комиссия по реорганизации ВЧК и по эсерам и меньшевикам». Из документов Политбюро ЦК РКП(б) следует, что, несмотря на высылку из России в начале 1922 г. группы лидеров РСДРП во главе с Ф. И. Даном, большевики вплоть до весны 1922 г. прорабатывали репрессивные и политические составляющие предполагаемого суда над представителями молодежного «крыла» РСДРП, пока специально созданная для рассмотрения этого вопроса комиссия под руководством Н. И. Бухарина не признала нецелесообразность организации еще одного, аналогичного эсеровскому, процесса. В сущности об этом же, но в более широком контексте говорил Д. Б. Рязанов на IX Московской губернской конференции РКП(б), — «убить партию с.-р. и меньшевиков <...> в международном мнении пролетариата»¹⁴⁶.

Насколько можно судить, вопрос о проведении вслед за эсеровским процессом и меньшевистского не был окончательно решен и имел в руководстве РКП(б) как сторонников, так и противников. Уже летом 1922 г., как мы увидим чуть позже, среди эсеров-заключенных ходили слухи о решенности меньшевистского процесса. Но куда более весомым в этом плане представляется пункт резолюции от 15 сентября 1922 г. комиссии по проведению кампании дискредитации партии эсеров при Агитпропе ЦК РКП(б), опиравшейся на аппарат ГПУ и Агитпропа. Вопреки тому, что многие наблюдатели, даже из числа высокопоставленных коммунистов, считали, что процесс с.-р. нанес большой урон престижу коммунистического режима за рубежом (это констатировала даже агентура ИНО ГПУ), вывод членов комиссии, в которую входили К. Б. Радек, А. С. Бубнов, Н. Н. Попов, В. Р. Менжинский, Т. Д. Дерибас и Ашмарин, был абсолютно противоположен: «4. Признать постановку процессов принципиально целесообразной; поручить ГПУ представить к следующему заседанию комиссии свои соображения по отдельным делам»¹⁴⁷.

Хотя отдельного меньшевистского процесса организовано не было, в рамках эсеровского процесса власти предъявили обвинение не только эсерам, но и нескольким видным меньшевиками, энесам и кадетам, явно преследуя политически и пропагандистски выгодную цель — связать всех воедино как «слуг» отечественной и мировой буржуазии. Но властей, желавших перессорить эсеров с другими российскими и национальными социалистическими партиями, прежде всего с меньшевиками, ждал неприятный сюрприз. Предъявив обвинение некоторым меньшевикам, власти, помимо желания связать в глазах общества эсеров и меньшевиков воедино, явно пытались спровоцировать последних на отрешивание от эсеровской тактики в годы гражданской войны, что явно повлекло бы обострение отношений между эсерами и меньшевиками.

РСДРП же (как заграничное руководство, так и российские меньшевики) не только не обошлась выражением формального сочувствия и поддержки (такие заявления сделал ряд партий — социалисты Белоруссии, Украины, бундовцы, социалисты-сионисты¹⁴⁸), но и приняла весьма деятельное участие в контрпропаганде.

Позиция меньшевистского руководства в отношении процесса с.-р. была сформулирована в статье лидера партии Ю. О. Мартова «Кровавый фарс», опубликованной в начале лета 1922 г. в журнале «Социалистический вестник»: «Инсценируя судебный процесс против социалистов-революционеров, большевистская партия грозилась, что этот процесс раскроет весьма неприглядную картину деятельности партии с.-р. за время революции как явно контрреволюционной. Насколько это удастся правящей партии, мы еще не знаем, как не знаем, насколько удастся обвиняемым с.-р. раскрыть перед судом картину того сплошного террора, под которым Россия жила в 1918 г. и который один мог бы, если не оправдать, то политически объяснить самые худшие из преступлений, приписываемых обвинителями обвиняемым. Но одно мы уже знаем: еще не начавшись, процесс вскрыл перед всем миром, что представляет собой, с позволения сказать, правосудие и суд в большевистской России»¹⁴⁹.

Особо подчеркнем, что заграничные делегации эсеров и меньшевиков проводили совместные заседания для координации усилий по организации общественного мнения Европы и социалистических ее кругов. Ряд видных меньшевиков помогал эсерам своими консультациями и связями. Так, например, 31 марта 1922 г. Иностранный отдел ГПУ, ссылаясь на резидентуру в Берлине, сообщал: «20-3 Чернов имел длительное свидание с Церетели»¹⁵⁰.

Заграничные эсеры и меньшевики вместе принимали участие в устройстве всевозможных митингов. Так, например, уже после процесса эсеров В. О. Фабрикант сообщал из Парижа своим друзьям в письме от 30 сентября 1922 г.: «Вчера вечером состоялось предварительное совещание представителей групп бывш. Рос[сийских] социалист[ических] партий в Париже по вопросу об устройстве митинга протеста против москов[ского] приговора. Решено созвать представителей всех социалистических групп **иностранн**ых партий в Париже (англ., итал., американ., испанской, всех российских партий и т. д.) и устроить митинг коллективными усилиями»¹⁵¹. Особо подчеркнем, что инициатива этого митинга, по его же словам, принадлежала меньшевикам.

В сводке ИНО ГПУ от 21 октября 1922 г. со ссылкой на «берлинского резидента» (источник «заслуживает доверия») сообщалось: «С.-д. Шупак в сообществе Чхеидзе и Церетели устраивают по просьбе эсеров большой митинг протеста против смертной казни»¹⁵².

Видный меньшевик В. С. Войтинский, придерживавшийся более «правых» взглядов, чем руководство партии, написал брошюру, посвященную процессу над эсерами, которая была издана ЗД ПСР¹⁵³ (что само по себе не может не обратить на себя внимания). Более того, из его письма от 22 августа 1922 г. секретарю Заграничной Делегации ПСР Б. Н. Рабиновичу явствует, что он не только сообщал план брошюры, но согласно первоначальному замыслу часть брошюры должна была быть написана видным эсером В. В. Сухомлиным, да и при работе над ней Войтинский советовался с эсерами: «Дорогой Борис Николаевич! Получил Ваше письмо. Передайте Вас.Вас., что на нем лежит, между прочим, и освещение всей истории с выкраденными документами. <...>

Если будете еще говорить с Вас. Вас., передайте ему мое мнение о его части задачи. Мне кажется, что было бы хорошо, если бы он мог привести текст постановлений партийных центров с точными датами и, вообще, выдержать статью в стиле документальной справки, своего рода делового досье. Это очень трудно, гораздо труднее, чем лирические излияния против большевистской сволочи»¹⁵⁴.

Не менее симптоматично, что эта брошюра была опубликована с предисловием одного из лидеров немецкой социал-демократии Карла Каутского.

8 июня 1922 г. из берлинской резидентуры ОГПУ в Москву переслали копию письма к В. М. Зензинову «от неустановленного эсера» Бори. Судя по надписи «Берлин. Голос России. 20 мая 1922 г.» и контекста, оно было написано Зензинову, уехавшему в командировку, кем-то из его берлинских товарищей. Письмо начиналось с сетования на черствость части товарищей, обремененных высокими постами: «В тысячу и первый раз меня поражает безответственность у ответственных людей, не могу понять их психологии, конструкции их ума, сердца, души. А может, этих элементов у них нет. Полное какое-то равнодушие к этому делу. Ну хотя бы ради приличия поинтересовались, справились по телефону, проявили хотя бы маленький интерес. Ну, да господь с ними».

Эти сетования о «безответственности у ответственных людей» явно относились к товарищам по эсеровской партии, и на их фоне та роль, которую сыграли меньшевики при совместной встрече в Берлине верхушки эсеров, меньшевиков и немецких социалистов, ехавших на процесс в качестве защитников, выглядит еще более важной: «В два часа собрались все. Присутствовали Мартов и Дан. <...>

На заседании была прочтена новая прокламация Коминтерна, заявляющая, что процесс должен быть процессом политическим, что на этом процессе нужно выяснить и заклеить роль с.-р. и меньшевиков в их попытке сорвать мировую революцию. Влияния и метания большевиков все больше и больше подзадоривают наших половинчатых немцев. Сейчас они очень хорошо настроены, хотя и боятся и не хотят разбирательства в политической плоскости в глубинах, несомненно чувствуя, что от этого им не убежать, несмотря на все их намерения и категорические заявления, что защита должна протестовать против такой постановки вопроса. Я очень был доволен присутствием меньшевиков, им немцы как будто-то более верят, а Мартов дал много разъяснений, предупреждая от всяких большевистских козней, от лишней доверчивости с большевиками и т. д. Розенфельд очень внимательно слушал и все время говорил — дас ист зеер рихтиг»¹⁵⁵.

Весьма примечательна реакция чекистов, отразившаяся в резолюции начальника СО ГПУ Дерibasа: «3 Отделение. т. Кузьмину

1. Известен ли автор.

2) Необходимо дать дополнительное задание о выяснение роли меньшевиков в этом деле»¹⁵⁶.

Обращает на себя внимание, что в качестве кандидатуры в состав защитников-социалистов и эсеры, и меньшевики выдвинули кандидатуру Мартова, которую иностранные социалисты отклонили, не желая с первых же шагов вступать в конфронтацию с большевиками. Нетрудно себе представить, какой эффект произвело бы появление на процессе эсеров Мартова в качестве защитника подсудимых 1-й группы!

Но, отказавшись в угоду иностранным социалистам от кандидатуры Мартова, меньшевики вполне твердо пытались отстоять перед большевистскими властями трех других своих защитников — известных меньшевиков

И. И. Рубина, Б. Н. Гуревича (Бера) и С. Л. Вайнштейна. Почти одновременно об этом написали заявление в Верхтриб подсудимые эсеры 1-й группы и ЦК РСДРП. ЦК РСДРП адресовал свое заявление также и в газету «Правда». В не увидевшем света в советской прессе документе освещалась позиция меньшевистской партии в связи с процессом над эсерами: «<...> Режим террора, политическое бесправие, отсутствие свободы печати и слова и фальсификация общественного мнения трудящихся побуждают Ц.К.Р.С.Д.Р.П. принять участие в процессе — в единственно возможной в настоящих условиях форме делегирования защитников, — для того, чтобы публично, перед лицом всей трудящейся России вывить свою позицию, радикально расходящуюся с позицией как большевиков, так и с.р., этих двух партий, борьба которых представляет основной фон процесса.

<...> Делегирование защитников не означает, таким образом, солидаризацию с деятельностью с.р., которая сделана сейчас предметом судебного разбирательства. Наша партия решительно расходилась и расходится с учением и программой, с тактикой и методами борьбы с.р. партии, в частности, с ее ролью в гражданской войне. Но наша партия решительно возражает против того, чтобы факты пережитой и уже ликвидированной взаимной вооруженной борьбы послужили ныне основанием — как для расправы одной стороны с другой, так и для осуществления тех губительных для революции целей, которые большевистская партия преследует этим процессом.

<...> Своим участием в процессе Ц. К. считает необходимым еще раз показать<...>, что каковы бы ни были грехи и ошибки отдельных социалистических групп, боровшихся между собою в гражданской войне, политика террора должна быть ныне ликвидирована во имя интересов русской революции и международного социализма.<...>¹⁵⁷.

Настойчивое желание меньшевиков направить своих защитников на процесс вызвало ярость властей. Не обращать внимания на ходатайство подсудимых — членов ЦК ПСР Е. М. Тимофеева, Е. М. Ратнер и Ф. Ф. Федоровича — о допущении в качестве их защитников трех известных меньшевиков власти не могли, но они воспользовались заявлением ЦК РСДРП о своей солидарности с ПСР, дабы отклонить ходатайство под предлогом того, что эта организация — контрреволюционная. Особенно большевиков задела заключительные слова из отправленного в «Правду» заявления ЦК РСДРП о том, что партия «выполняет свой социалистический долг вмешаться в процесс, означющий расправу над политическим противником, закрепляющий гибельную для русской революции политику террора»¹⁵⁸. За этим последовал не только отвод предлагаемых защитников, но и решение Распорядительного заседания Верхтриба оба заявления указанной организации (в Верхтриб и в «Правду». — К. М.) направить в ГПУ на предмет соответствующего расследования¹⁵⁹.

Любопытно, что выписка из протокола № 2 от 2 июня 1922 г. Распорядительного заседания Верхтриба была опубликована в № 5 эсеровского журнала «Труд», изданного в подпольной типографии Московского бюро ПСР. Сей документ достоин полного цитирования: «Слушали: — Ходатайство граждан Гоца, Тимофеева, Ратнер и Федоровича о допущении в качестве защитников Рубина, Гуревича-Бера и Ванштейна.

Постановили: — принимая во внимание, что одновременно с заявлением обвиняемых о допущении защитниками Рубина, Гуревича и Ванштейна в Верховный трибунал поступило анонимное (без подписи и адреса) заявление от контрреволюционной организации Центрального

Комитета РСДРП о допущении тех же граждан в качестве защитников, а также препровожденное из редакции газеты „Правда“ второе заявление той же организации, из коего явствует, что те же граждане уполномачиваются названной организацией на выступление контрреволюционного характера, Верховный трибунал постановил: 1) в ходатайстве подсудимым отказать и 2) оба заявления указанной организации направить в ГПУ на предмет соответствующего расследования»¹⁶⁰.

ГПУ не заставило долго ждать: через неделю в Верхтриб поступило письмо руководства этой организации с сообщением, что «Гуревич-Бер привлечен к ответственности по обвинению в антисоветской деятельности, а поэтому в отношении его как состоящего под следствием СО ГПУ заявляет отвод»¹⁶¹.

7 июня 1922 г. рукой И. И. Рубина было написано заявление в Верховный революционный трибунал с протестом против отказа Распорядительным заседанием Верхтриба защитникам-меньшевикам в праве участвовать в защите подсудимых 1-й группы на основании того, что «одновременно с заявлением подсудимых о назначении защитниками тов. Бера, Ванштейна и Рубина поступило заявление ЦК РСДРП о назначении тех же лиц защитниками» и что заявление ЦК РСДРП с изложением его позиции относительно предстоящего процесса было им направлено для опубликования в «Правду»: «Этот отказ юридически не обоснован, нарушает право подсудимых на защиту, противоречит всем прежним заявлениям представителей власти и господствующей партии и извращает постановку дела, привнося в него с самого начала политическое пристрастие и лицепрятая.

<...> Мимоходом заявление квалифицируется как „анонимное“, а ЦК РСДРП — как „контрреволюционная организация“. ЦК мог бы пройти мимо подобной квалификации, и если он считает необходимым остановиться на ней, то только потому, что она характеризует тот путь, на который вступило Распорядительное заседание и который вряд ли может увеличить авторитет и достоинство суда. Заявление подписано „Центральный Комитет РСДРП“ и имеет соответствующую печать. В течение 25 лет с момента своего возникновения ЦК подписывал свои заявления, и последние до сих пор как анонимные не квалифицировались. Таким же образом ЦК подписывал свои обращения к большевистской партии с момента раскола РСДРП и к советской власти — с момента ее возникновения, причем подписанные таким образом заявления всегда принимались как официальные. Так, например, еще недавно такая подпись не помешала правительственным органам передать Западной Европе по радио воззвание ЦК РСДРП о признании Советской власти.

Квалификация ЦК РСДРП как „контрреволюционной организации“ является столь же мало обоснованной и вряд ли более уместной в устах суда. Суду должно быть известно, что с момента легализации нашей партии и официального приглашения ее на Съезд Советов в 1920 и 1921 гг. не было ни одного постановления законодательных или судебных органов, отменяющего легальность нашей партии, которая при всех административных преследованиях открыто выступает и официально сносится с органами власти. Лишенная всякого юридического основания, указанная квалификация представляет только полемический выпад, перенесенный в резолюцию суда со столбцов большевистских газет. <...>

<...> Вряд ли можно сомневаться в том, что Бухарин, Зорин, Знаменский и другие выступают на процессе как представители РКП. Более того. Не только в качестве защитников, но и в качестве государственных

обвинителей допущены лица, которые одновременно уполномочены для участия в процессе политическими организациями. <...> Недопущение представителей РСДРП представляет одностороннее и необоснованное изъятие из общего порядка данного суда и может быть объяснено только как политический акт, ставящий стороны и разные группы обвиняемых в вопиюще неравное положение на суде и препятствующий объективному и всестороннему освещению дела.

<...> заявление ЦК РСДРП, обращенное им к общественному мнению трудящихся<...>, не было опубликовано, что не помешало правительственным „Известиям“ полемизировать с ими же не опубликованным заявлением, а редакции „Правды“ — переслать его в Ревтрибунал. <...> ЦК РСДРП напоминает, что официальная правительственная и партийная коммунистическая печать, в том числе в статье Троцкого, неоднократно возражали против подхода к процессу и к защите только с юридической точки зрения. Они настаивали, что процесс и защита должны носить характер политический. Между тем, именно желание ЦК РСДРП поставить вопрос политически квалифицируется Распорядительным заседанием суда как намерение сделать „контрреволюционное выступление“. <...> Не означает ли это, что суд, что все его политическое значение сводится к утверждению политической монополии господствующей партии, к недопущению какой бы то ни было политической постановки, расходящейся с официальной коммунистической?

ЦК РСДРП констатирует, что указанное выше одностороннее изъятие из общего порядка данного суда, сделанное распорядительным заседанием в отношении к делегированным ЦК лицам, не может быть понято иначе, как стремление избегнуть на суде по мотивам политического характера той постановки вопроса, которая дается в заявлении ЦК РСДРП. Ввиду изложенного ЦК РСДРП настаивает на отмене постановления Распорядительного заседания суда и на допущении тов. Б. Н. Гуревича (Бера), С. Л. Вайнштейна (Звездина) и И. И. Рубина к участию в процессе с.-р. в качестве защитников»¹⁶².

Это заявление было меньшевиками размножено в виде гектографированной листовки с незначительной стилистической правкой, а также переслано эсерам с сопроводительным письмом, в котором указывалось, что «ЦК [РСДРП] считал, что это делегирование (трех меньшевиков в качестве защитников подсудимых первой группы. — К. М.) должно носить официально-партийный характер, и подал соответствующее решение в Ревтрибунал», что о мотивах отказа Ревтрибунала и об отношении ЦК РСДРП к нему можно узнать из «прилагаемого нового заявления ЦК в Ревтрибунал». «Мы считаем необходимым прибавить, — говорилось в заключение, — что этот акт является первым шагом к извращению характера суда, к нарушению обязательств и обещаний, к нарушению интересов подсудимых и защиты и воспрепятствованию всестороннему раскрытию истины. Этот акт насилия является крайне характерным и знаменательным, и мы считаем, что ответ на наше новое заявление и исход возникающего на этой почве конфликта в значительной мере предопределят обстановку процесса»¹⁶³.

Параллельно с этой развивалась еще одна коллизия. Как раз накануне отказа в допущении на процесс в качестве защитников Гуревича, Вайнштейна и Рубина Распорядительное заседание Верхтриба утвердило в качестве одного из защитников более известного меньшевика М. И. Либера (это было одним из многих свидетельств того хаоса и спешки, в условиях которых готовился процесс). Но на заявление «защитника по делу

с.-р. М. И. Либера» в Верхтриб от 31 мая 1922 г.: «Прошу предоставить мне пять входных билетов на право посещения заседаний суда по делу с.-р. для лиц, фамилии коих будут мною вследствие надобности указаны» Самсонов наложил резолюцию «Отказать», вложив в этот отказ столько экспрессии, что резолюция по величине букв оказалась раз в пять больше обычных¹⁶⁴. Причину отказа, впрочем, достаточно сомнительную, чекисты и верхтрибовцы подыскали уже задним числом. ГПУ отправило в адрес Распорядительного заседания Верхтриба подписанную Я. С. Аграновым (он почти в одиночку провел предварительное следствие ГПУ) «Выписку из заключения по делу М. И. Либера-Гольцмана» (так в тексте чекистского документа. — К. М.), заведенного на него в Саратове за год до описываемых событий, гласившую: «Либер в своем письменном объяснении от 7/V (1921 г. — К. М.) заявил о своем согласии работать исключительно в хозяйственных и культурно-просветительских областях. В своем устном объяснении со мной дал слово не заниматься никакой политической деятельностью в ближайший период, подразумеваемая под последним все время диктатуры коммунистической партии»¹⁶⁵.

Обращает на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, Либер не давал никакой письменной подписки, а голословные утверждения чекистского следователя о том, что «подразумевалось» арестованным, были бы более чем легковесны для любого более или менее объективного человека. Во-вторых, говорить о юридической обоснованности решения верхтрибовцев о лишении Либера права выступить в качестве адвоката только потому, что он устно дал слово не заниматься политической деятельностью, совершенно не приходится. Только с очень большой натяжкой возможно (если это вообще возможно) отождествлять профессиональную адвокатскую деятельность с деятельностью политической. По большому счету, выписка Агранова не имела никакого значения — ни юридического, ни морально-политического, но, естественно, так как Крыленко со товарищи нужен был хоть какой-нибудь повод, чтобы исправить собственный промах, грозивший им лично неприятностями, они на основании этой «выписки» Агранова лишили М. И. Либера права быть защитником¹⁶⁶.

Почему же власти не допустили меньшевиков до участия в процессе? При кажущейся простоте ответ не так однозначен. Безусловно, допустить меньшевиков к защите означало дать им возможность продемонстрировать свою солидарность с эсерами и словом и делом укрепить свои отношения с ними. А именно этого большевики и не хотели. Но, с другой стороны, участие иностранных защитников-социалистов дало власти хороший повод для развертывания настоящей широкомасштабной пропагандистской атаки против них и против II Интернационала и Венского Интернационала. Участие трех видных меньшевиков, официально делегированных ЦК РСДРП в качестве защитников подсудимых I-й группы, позволило бы многократно усилить силу пропагандистского удара по меньшевикам. И хотя в агитационных тезисах, написанных Бухариным, Крыленко и Луначарским и потом тысячеголосо повторенных в газетных статьях, на митингах, в петициях и резолюциях, усиленно проводилась мысль, что меньшевики — это почти то же самое, что и эсеры, все же возможность ежедневного информационного повода для ударов по меньшевикам-защитникам и их партии была утеряна.

Так что еще вопрос, что в конечном счете перевесило бы в глазах большевиков: ущерб от демонстрации солидарности или выигрыш от куда более наглядной, более предметной и более интенсивной пропаганды и агитации против меньшевистской партии.

Наконец, власти опасались усиления защиты участием в ней таких политических тяжеловесов и сильных полемистов, какими были все трое меньшевиков. Но эту задачу властям все равно приходилось решать — ярких и убедительных ораторов хватало и среди эсеров и среди защитников-иностранцев. Правда, информация о процессе поступала в советские газеты (а других в России уже не было) в весьма откорректированном виде и дозированной. Зал же битком был набит коммунистами...

Не получив доступа в зал суда, меньшевики не отступились и продолжали участвовать в кампании солидарности с подсудимыми эсерами. Еще 27 мая 1922 г. российский ЦК РСДРП обратился к немецкому с.-д. К. Розенфельду, одному из трех защитников, с просьбой передать всем приехавшим в Россию представителям европейских социалистических партий следующее обращение: «РСДРП не принадлежит к числу партий и групп, солидарных с позицией и тактикой Партии социалистов-революционеров. Ведя борьбу с террористическим режимом русских коммунистов, нашей партии приходилось и приходится не раз публично выступать против тактики ПСР и подвергать ее резкой критике перед широкими массами пролетариата.

Но, когда русские коммунисты, преследуя безумную задачу — забарикадировать от критики международного пролетариата свой террор против русских социалистов и сохранить на будущие времена свое „священное право“ на него — занялись перетряхиванием уже пыльных архивов русской революции и, вытащив из них эпизоды и акты, связанные с в а м н о й гражданской войной 1917—1918 гг., намеревались сделать их поводом для жестокой расправы со своими пленниками с.-р., — Российская Социал-Демократическая Рабочая партия считала долгом совести сознательных рабочих всего мира без различия направлений выступить с решительным протестом против инсценируемого процесса с.-р. Наша партия к этому протесту призывала и мы рады констатировать, что в этом протесте мы оказались солидарны с подавляющим большинством мирового пролетариата»¹⁶⁷.

Особенно ценно для эсеров было то, что российские меньшевики под угрозой арестов выступали на митингах и рабочих собраниях, устроенных властями, с протестами против процесса, а также боролись печатным словом (по чекистским данным, меньшевистских «контрреволюционных проявлений» в связи с процессом было даже несколько больше, чем эсеровских, так как последние были ослаблены волнами арестов, приуроченных к процессу). О масштабах эсеровской и меньшевистской контрпропаганды в России (в отличие от подобной же кампании их заграничных товарищей) известно крайне мало, и поэтому особенно интересны свидетельства чекистов. Вот лишь несколько случаев распространения эсеровской и меньшевистской прессы, зафиксированных чекистами. 14 июня они сообщали о листовке меньшевиков, в которой содержалось требование допустить их защитников на процесс, обнаруженной на заводах «Мотор», «Дукс», «Динамо» и на Мытищинском вагоностроительном заводе¹⁶⁸. 19 июня на Миусской площади были разбросаны экземпляры эсеровской газеты «Труд» (издание Московской организации ПСР) от 13 и 19 июня¹⁶⁹. 15 июня на доске объявлений во дворе Уваровского трамвайного парка были обнаружены эсеровская прокламация «Кто победит?» за подписью ЦБ ПСР и № 2 газеты «Труд»¹⁷⁰. 19 июня в Богородском уезде Московской области завкомом Снаржательного завода (на ст. «Затишье») были получены две меньшевистские прокламации¹⁷¹. В этот же день накануне организуемой большевиками

демонстрации в Замоскворецком районе было обнаружено 11 прокламаций ЦК РСДРП с призывом не ходить на демонстрацию. Такого же рода листовки были обнаружены в Трамвайном парке, и в Городском районе в 5-й типографии. Еще 11 таких же прокламаций было обнаружено на улицах и заводах Краснопресненского района (фабрика «Оборона», «Госзнак», «Мюр и Мерелиз», в 20-й типографии, на 1-м Государственном тормозном заводе, на заводе Ильина). Кроме того, были обнаружены листовки с идентичным призывом, подписанные московской группой меньшевиков, на 2-й Государственной табачной фабрике, на заводе бывш. ВЭК, в Миусском трамвайном парке и на заводе бывш. Грачева. Бюллетень эсеровской газеты «Труд» № 2 был обнаружен 19 июня во всех отделениях завода бывш. Качук. Утром 20 июня по улице Хамовнического района и у фабрики бывш. Широ было снято 10 прокламаций ЦК РСДРП. В Сокольническом районе были обнаружены меньшевистские листовки — на заводе резиновой промышленности № 2 и на Богородской улице¹⁷². 26 июня на Озерковской набережной, где располагался авторемонтный завод бывш. Гантер и Озерковская суконная фабрика, были обнаружены разбросанные шесть экземпляров эсеровского бюллетеня «Труд» № 2¹⁷³. На авиазавод № 2 «Гном и Рон» листовку ЦК РСДРП переслали 13 июня по почте¹⁷⁴. Любопытно, что на одном из сообщений об эсеровских бюллетенях, разбросанных 20 июня на Миусской площади, где был назначен сбор всех колонн демонстрантов, имеется примечательная резолюция Дерибаса, обращенная к одному из чекистов: «Тов. Уншлихт вполне серьезно предлагает устыдиться нашей неосведомленности и усиленно поискать типографию»¹⁷⁵.

Приносили свои плоды и устная агитация и выступления меньшевиков и эсеров на многочисленных собраниях, устраивавшихся большевиками в это время. Так, например, в сводном суточном рапорте МГПО за 29 мая 1922 г. помимо дословного повтора уже цитированных донесений сообщалось: «Городской район. Настроение рабочих 39-й типографии в связи с процессом эсеров пассивное. Большевики молчат. Общее политическое настроение преобладает меньшевистское. Замоскворецкий район. <...> Состоялось общее собрание рабочих трамвайного парка по вопросу о процессе эсеров. Выявились, что настроение рабочих пассивное, хотя и принята наша резолюция. Присутствовало около 400 человек. Сокольнический район. Среди рабочих Алексеевской водокачки идут неодобрительные толки по поводу встречи заграничных защитников эсеров, устроенной московскими рабочими, причем говорится, что такое поведение недостойно коммунистов»¹⁷⁶.

2 июня 1922 г. были отмечены следующие «к.-р. выступления»: «Сокольнический район. Фармазавод № 2. Зафиксировано выступление меньшевика против процесса над партией с.-ров. Выступление особого успеха не имело. Хамовнический район. На общем собрании рабочих 7 типографии выступила местная группа меньшевиков в защиту эсеров. В результате чего собрание никакой резолюции по докладу не приняло. <...> Красно-Пресненский район. Среди курсантов Свердловского университета наблюдается перелом в отношении настроения к защитникам эсеров и до некоторой степени сожаление о плохой встрече приготовленной для них, критическое отношение к статьям по вопросам о встрече защитников и пр. Высшие курсы по сельскохозяйственной кооперации. Двумя слушателями с.-р. ведется против процесса и в защиту Вандервельде и К агитация, но она особого влияния на слушателей не оказывает»¹⁷⁷.

Общий фон глухого недовольства, пассивности и «правильного» голосования взрывается иногда очень резкими действиями рабочих. Так, например, 6 июня 1922 г. забастовало 600 рабочих ткацкого отделения Прохоровской Трехгорной мануфактуры — «...в связи с арестом шестерых рабочих этого же отделения за с.-р. агитацию. Созывается сегодня в 4 часа дня собрание рабочих для обсуждения этого вопроса и, кроме того, рабочими выдвинут вопрос о тарифе, несмотря на то, что этот вопрос уж на днях разрешен, который является вероятно фикцией для скртия настоящих причин созыва собрания»¹⁷⁸. Впрочем, уже на следующий день чекисты докладывали, что забастовка «ликвидирована»¹⁷⁹. 7 июня на пленуме Моссовета после доклада К. Б. Радека с критикой «на неправильности тактики Сов. власти в отношении с.-р. и проч.» выступил левый эсер Штейнберг, что, впрочем, не помешало принятию резолюции единогласно при двух воздержавшихся¹⁸⁰. Тогда же в Замоскворецком районе в Литографии картографического отдела после доклада о процессе с.-р. «выступила группа меньшевиков», но все же была принята резолюция, предложенная коммунистами (36-ю голосами против семи)¹⁸¹. Но самым примечательным в этот день было волнение рабочих фабрики бывш. Бутикова (в Хамовническом районе) как реакция на арест шести рабочих Прохоровской трехгорной мануфактуры¹⁸². 9 июня 1922 г. на собрании рабочих завода «Динамо» в защиту эсеров выступил рабочий-меньшевик, но большинством голосов была принята резолюция партячейки (при трех воздержавшихся).

Впрочем, ясно, что масштабы контрпропаганды эсеров и меньшевиков были совершенно несопоставимы с масштабами официальной государственной пропагандистской машины. И если российские эсеры и меньшевики, чьи организации и типографии беспрерывно громились чекистами, в лучшем случае могли влиять отдельными листовками и устной пропагандой на тысячи людей, то власть подвергла систематической и очень интенсивной пропагандистской обработке миллионы и десятки миллионов (в силу понятных причин пропаганда менее интенсивно велась в деревенской глубинке).

Говоря о поддержке меньшевиками подсудимых эсеров, нельзя не обратить внимания на тот факт, что отношение к эсерам вовсе не было одинаковым у различных групп меньшевиков. Это становится очевидным при сравнении совместного обращения Московской и Петроградской групп социал-демократов к подсудимым эсерам, написанного ими в июне 1922 г. и опубликованного в подпольном меньшевистском журнале «Наша жизнь», издававшемся Московской группой с.-д., и заявленный ЦК, ЗД и МК РСДРП, в которых акценты были расставлены совсем по-другому.

В обращении московских и петроградских с.-д. уже само приветствие и обращение к подсудимым-эсерам говорило о куда большей степени единения, чем это было до революции: «Привет борцам. Дорогие товарищи» и — в заключение — «Привет мученикам-борцам». Кроме того, вероятно, впервые за многолетнюю практику взвешивания «наших разногласий» общее перевесило. Раньше в глазах социал-демократических «взвешивателей» расхождения всегда перевешивали то общее, что было между ними и социалистами-революционерами, а здесь впервые сказано мельком о факте расхождений («Мы не принадлежим к числу Ваших единомышленников. Мы часто расходились с Вами как на практике, так и в области идей, особенно в понимании характера и хода русской революции») и подробно об общем. Впервые, говоря об предшественниках эсеров, социал-демократы поставили их в один ряд со своими предшественниками,

а не стали рассуждать о ошибочности всего народнического и эсеровского направления. И тут тоже выделили самое главное, что сближало в их глазах эти два направления, народническое и марксистское — борьба «за политическую свободу в России». Ранее с.-д. всегда заявляли, что демократия — это не фетиш, и благо революции и интересы пролетариата выше нее. Здесь же впервые было заявлено — «и вы, и мы — демократы»¹⁸³.

Раньше социал-демократы любили цитировать знаменитые фразы Плеханова и Троцкого эпохи 1902—1903 гг. о том, что социализм эсеров не социалистичен, а революционность мелкобуржуазна и что более уместным для них названием было бы — социалисты-реакционеры. Теперь же слова «не революционеры и не социалисты» применили к общему врагу — большевикам — бывшим социал-демократам, а ныне коммунистам, подразумевая этим, что меньшевики и эсеры, в отличие от большевиков, как раз и являются подлинными социалистами и революционерами. Рискнем предположить, что весь этот пассаж о социалистах и революционерах был вовсе не случаен и, похоже, имел, помимо прямого (характеристика большевиков), и второй смысл. И меньшевики и эсеры очень хорошо помнили социал-демократические формулы о социалистах-реакционерах, так что можно считать, что эти слова были своеобразным завуалированным извинением за прежние оценки.

Прочие эпитеты в адрес большевиков («в жалком страхе и подлой мести коммунисты готовят простое уничтожение своих политических противников»; «большевистская Россия является огромным препятствием на пути развития социалистической революции во всем мире»; «мы не находим слов, чтобы заклеймить презрением предателей, взятых под защиту провокаторским III-м Интернационалом. Долой похитителей народной власти, грабителей и палачей России») сильно отличались от тех, которыми пользовалось меньшевистское руководство. Оценка эсеров («вас судят не за преступления и грехи, даже не за ошибки, а за борьбу против злодейства, совершенного над нацией¹⁸⁴») также принципиально отличалась от официальной оценки меньшевистского руководства.

Насколько известно, в эмигрантской социал-демократической прессе это обращение не перепубликовывалось. Оно попало за границу, (и осело в фонде «правого» меньшевика С. О. Португейса в МИСИ). Мы не знаем, предлагал ли Португейс его в «Социалистический вестник», но весьма велика вероятность того, что левонастроенному заграничному меньшевистскому руководству обращение московских и петроградских меньшевиков показалось неприемлемым в связи с весьма заметной разницей в оценках процесса и иной трактовкой того общего и различного, что имелося у эсеров и меньшевиков в оценках большевистского режима и методах борьбы с ним.

Руководящие круги ЦК и МК РСДРП, а также заграничные левосторонние круги меньшевистской партии, в частности контролировавшие «Социалистический вестник», несмотря на свою практическую работу по организации кампании солидарности с подсудимыми эсерами и контрпропагандистской кампании, явно придерживались принципиально иных взглядов, чем Петроградская и Московская группы с.-д.

В обращении ЦК и МК РСДРП к рабочим накануне демонстрации 20 июня говорилось: «<...> Товарищи, к вам обращается партия, которая не участвовала в этой войне с.-р. и большевиков, которая не является стеной (выделено нами. — К. М.). Мы обращаемся к вам не во имя интересов той или иной партии, а во имя чести и интересов революции. <...> Те из вас, кто дорожит этой честью, кто дорожит интересами революции

и социализма, кто дорожит сочувствием и поддержкой международного пролетариата, те не пойдут на улицу, не примут участия в позорной демонстрации 20 июня»¹⁸⁵.

Фактически в этой позиции ЦК и МК РСДРП достаточно четко просматриваются, во-первых, отстраненность меньшевиков от эсеров, во-вторых, постановка большевиков и эсеров на равную плоскость «участников взаимной гражданской войны» и на равную плоскость ответственности за способы, использовавшиеся в ней. Себя же «левые» меньшевики объявляют вне «войны с.-р. и большевиков», т. к. не считают себя «стороной» в ней.

В отличие от обращения «правых» московских и питерских с.-д., здесь нет и намека на общие демократические ценности и совпадение позиций, совершенно явно преследуются собственные партийные интересы, и эсеры — только объект критики, а вовсе не союзник в противостоянии с большевиками. Обращает на себя внимание и то, что авторы этой прокламации многократно повторяют про честь революции и международную солидарность пролетариата, а реальные угрозы, нависшие над нацией, в их оценке ситуации отсутствуют. Более того, «левые» с.-д. верны себе — они апеллируют только к рабочим, а не (хотя бы) к трудовым слоям нации. Разумеется, прокламация обращена к участникам предстоящей 20 июня демонстрации, среди которых нет крестьян, но ведь много студентов, служащих, красноармейцев.

Иллюстрацией реальности развития событий по пути обострения отношений между РСДРП и ПСР (чего и добивались власти), как и того, что эсеры отнюдь не забыли относительно мягкой тактической линии, занятой меньшевиками по отношению к большевикам в разгар гражданской войны, служит фактически уже начавшийся конфликт между В. М. Черновым и руководством «Социалистического вестника» (об этом конфликте речь пойдет чуть ниже). Нападки на В. М. Чернова и сентябрьская редакционная статья в «Социалистическом вестнике», подводящая итоги процесса, и, наконец, письмо Ю. О. Мартова от 31 июня 1922 г. (которое было обнаружено чекистами при обыске у российских большевиков), создают ощущение, что руководящая меньшевистская верхушка, не желая признать провал своей стратегии и тактики, срывает зло на эсерах, к которым вновь испытывает чувства конкуренции и зависти к той известности в социалистическом и рабочем движении, которые им создали большевики процессом.

На подобные мысли наводят строчки из письма Мартова (по мнению чекистов, письмо было написано именно им и распространялась в копиях среди московских меньшевиков для ознакомления), попавшее в руки чекистов при обыске у Баси Гуревич, сестры члена ЦК РСДРП Бера-Гуревича. Большая его часть была посвящена анализу ситуации в Германии, но первый его абзац представляет для нас огромный интерес: «Дорогие друзья. Пишу, не зная, кого письмо найдет на воле и не дойдет ли оно к Вам в момент полного разгрома. Неужели мы подошли уже к моменту, когда большевикам остается еще соорудить процесс против нас, чтобы не осталось ни единой глупости, которой бы они не сделали. Пусть попробуют. После незаслуженной рекламы с-рам, которую они им сделали во всем мире, нам бы тоже очень не помешало это искусственное возбуждение симпатий к нашей партии».

Не исключено, что именно этими чувствами и настроениями и была вызвана «публичная порка», устроенная Чернову именно в это время на страницах «Социалистического вестника». 2 августа 1922 г. в журнале

появилось «Вынужденное заявление» от редакции следующего содержания: «В № 20 „Революционной России“ В. М. Чернов счел уместным, в связи с обсуждением процесса эсеров, „пройтись“ относительно РСДРП, которая-де за „чечевичную похлебку благ, приносимых легальностью» в советском строе, уклоняется от последовательно-демократической позиции, как ее понимает сам В. М. Чернов. По соображениям, которые, мы думаем, будут понятны в с е м политическим деятелям, за исключением В. М. Чернова, редакция „Социалистического вестника“ вынуждена свой ответ на это заподозривание политики РСДРП в самом низменном оппортунизме отложить до более подходящего времени. В данный момент мы должны уделять большую часть своей энергии делу защиты той партии, к которой принадлежит также и В. М. Чернов»¹⁸⁶.

Публичного ответа Чернова редакции «Революционной России» не последовало. Обещанный меньшевиками «отложенный ответ» Чернову также не появился. Для читателей «Социалистического вестника» ситуация таковой и осталась, как ее обрисовала редакция журнала — Чернов допустил весьма нетактичный упрек партии, защищавшей его партию, получил резкую отповедь, но в полемику вступить не решился, а потому и редакция не стала раздувать скандал.

Письмо Чернова редакции «Социалистического вестника» от 2 августа 1922 г. заставляет посмотреть на весь этот инцидент иначе. Это письмо не было опубликовано и хранится ныне в фонде Б. Николаевского в архиве Гуверовского института, среди других документов, связанных с процессом с.-р. К сожалению, мы не знаем, было ли оно вообще отправлено Черновым или сразу легло в архив. Но все же представляется, что оно было отправлено, а среди эсеровских бумаг оказалось позже, при разборе меньшевистских и эсеровских материалов Николаевским. Но как бы там ни было, читали это письмо или не читали редакторы «Социалистического вестника», и само письмо, и тот факт, что Чернов не опубликовал его и не вступил в публичную полемику с редакцией (хотя, как это видно из его письма, вполне имел для этого основания), весьма показательны.

Свое письмо Чернов адресовал «тов. редактору «Социалистического вестника» (не назвав, впрочем, прямо имени Мартова). Приведя текст заметки в свой адрес, он выражал надежду, что его адресат не откажется поместить на страницах «Социалистического вестника» его заявление. Чернов отмечал, что «ЕДИНСТВЕННОЕ место в упомянутой выше статье, непосредственно относящееся к РСДРП, гласит: „Наконец, более устойчивой является партия с.д. (меньшевиков): теоретически непримиримая в защите марксизма против большевистских его искажений. П р а к т и ч е с к и она, однако (если отвлечься от временных уклонов), упорно цепляется за роль лояльной легальной оппозиции в основном вопросе большевистской политической системы: в вопросе о „советизме против демократии“». Он также подчеркивал, что им не было высказано «ровно никакого „заподозривания“ или обвинения „в самом низменном оппортунизме“», и притом «и не подразумевалось», поскольку он «очень хорошо» знает, что «предпочтение позиций „лояльной легальной советской оппозиции“ позициям непримиримой борьбы в рядах народа (когда народ восстает — то в рядах вооруженного народа) обусловлено для РСДРП целым рядом чисто принципиальных соображений, а отнюдь не низменными соображениями персонального сорта. Точно также с р е д и н н а я позиция РСДРП в вопросе „советизм или демократия“ обуславливается своеобразным политическим

р е л я т и в и з м о м этой партии», для которого «демократические принципы не абсолютны, а потому нарушения их при известных условиях могут быть приемлемы»¹⁸⁷.

Далее Чернов полагал, что о «разногласиях», к каковым относятся эти вопросы, «всегда можно упоминать, не возбуждая ни в себе, ни в других никакого чувства раздражения или обидчивости». Предположив, что в его статье можно вычитать что-либо косвенно обидное для РСДРП (ибо «прямо и непосредственно ровно ничего обидного о РСДРП» он «не сказал (и не хотел сказать)»), Чернов приводил фразу о ПСР как партии, которая «одна ни разу не склонила своего боевого социалистического знамени перед победоносным большевизмом, не только теоретически, но и практически ни разу не изменила аннибаловой клятве непримиримой вражды к насилвателям народной воли и ни разу за чечевичную похлебку благ, приносимых властью или легальностью, ни приняла роли ни соучастника, ни пассивного попустителя большевистских преступлений», и отмечает: «Из этого, конечно, следует, что всякая другая партия л и б о склонила свое знамя перед победоносным большевизмом, либо не выполнила „аннибаловой клятвы непримиримой вражды“ к нему, либо была соучастницей большевистских преступлений, либо пассивной попустительницей их, либо поддалась на соблазн участия во власти, либо на соблазн легального положения. Но ни в коем случае не следует, будто во всем этом я подозреваю русских социал-демократов-меньшевиков».

«Чтобы не оставить места ни для каких сомнений и недоразумений, чтобы не давать повода ни для какого произвольного „чтения в сердцах“, Чернов предлагает «поставить все точки над і», — сказать, какие же именно из перечисленных им черт партии с.-р. не присущи партии с.-д. — «Партия с.-р. дала сама себе „аннибалову клятву“ непримиримой вражды к большевикам как насилвателям народной воли, и клятву эту держит: между нами и большевиками разверзлась пропасть, через которую моста нет.

Вот почему даже тогда, когда Деникин подходил к Орлу, мы не пошли против него под знаменем большевиков. <...> Мы непримиримо враждебны обеим диктатурам и не можем защищать одну от другой.

Соц.-дем.-меньшевики такой аннибаловой клятвы непримиримой вражды к большевистским диктаторам не давали и не исполняли. Для них в известные моменты было приемлемо организовано встать под большевистские знамена.

Я далек от заподозривания при этом их мотивов. Я знаю, что разница между их поведением и нашим производное различия взглядов: для центральной группы с.-д.-меньшевиков советская Россия, несмотря на все ошибки большевиков, была „выдвинутым вперед авангардом мировой революции“; для нас же большевизм был по объективному своему смыслу не революцией, но контрреволюцией, а „советская Россия“ мифом, пустым словом, лживой вывеской, прикрывающей олигархию бюрократически выродившихся, „пристроившихся революционеров“. <...>

Но я несколько не сомневаюсь, что РСДРП, если бы стояла на иной точке зрения, не менее нашей партии была бы способна и произнести такую же „аннибалову клятву“, и сдержать ее».

«После этого объяснения по существу, — писал в заключение Чернов, — разрешите мне ни словом не ответить на то, что в анонимной заметке „Социалистического вестника“ заключается одиозного по моему личному адресу»¹⁸⁸.

Содержание этого письма фактически свидетельствовало о том, что огромные усилия большевистской агитпроповской машины, провоцировавшей меньшевиков на отмежевание от эсеров постоянным смешиванием двух партий и их позиций, не пропали даром. «Вынужденное заявление» «левых» меньшевиков и письмо Чернова (будь оно опубликовано) фактически начинали публичную полемику и перечеркивали ту совместную борьбу против власти, которую вели в последние месяцы эсеры и меньшевики (и «левые» и «правые»).

Но обе партии удержались от последнего шага — ни письмо Чернова, ни обещанная ответная статья меньшевиков так и не увидели свет. Таким образом, они погасили пожар конфликта. Но это вовсе не значило, что обе стороны изменили свои взгляды. Интересные выводы напрашиваются из циркулярного письма Бюро РСДРП № 2 от 8 августа 1922 г., написанного на следующий день после вынесения приговора на процессе с.-р. и обращенного «Ко всем партийным организациям, ко всем членам партии». Привлекает внимание тот факт, что в этом письме, посвященном оценке положения РСДРП, которую коммунистическая власть пытается, с одной стороны, расколоть изнутри, с другой — пересажать ее членов, ни слова не упоминалось о процессе с.-р. Понять эту странность можно, посмотрев на те задачи, которые продолжали ставиться руководством перед меньшевистскими организациями: «<...> Угроза ликвидации полностью должна заставить нас удвоить нашу бдительность и осторожность, принять все меры к СОХРАНЕНИЮ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА И СОХРАНЕНИЮ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ ОТ НАПРАСНЫХ ЖЕРТВ.

Товарищи, ПЕРЕСТРАИВАЙТЕ СВОИ РЯДЫ, БОДРО И СМЕЛО ИДИТЕ ВПЕРЕД НА РАБОТУ, НА БОРЬБУ ЗА РЕВОЛЮЦИЮ И СОЦИАЛИЗМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЛИДАРНОСТИ. ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И СОЗНАТЕЛЬНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА НЕ УМРЕТ, БУДУЩЕЕ ЗА НАМИ.

Эти старые, традиционные задачи абсолютно не вязались с курсом большевиков на полное уничтожение социалистических партий, курсом, который после процесса над с.-р. стало невозможно не только не замечать, но и трактовать как-либо иначе. В статье «Кровавая пошлость (Письмо из Москвы)», меньшевик С. Двинов (под этим псевдонимом скрывался Б. Л. Гуревич), описывая антиэсеровскую демонстрацию в Москве 20 мая 1922 г., констатировал: «Конечно, были и знамена с надписями: „Смерть соц.-демократам!“». Это аванс, по-видимому, наиболее ретивых»¹⁸⁹. Меншевистское руководство в России, кстати, и не пыталось это отрицать, говоря о курсе коммунистов на полное уничтожение социалистических конкурентов, но анализ итогов процесса с.-р. неминуемо должен был привести к необходимости пересмотра прежней тактики и установок, которые давались организациям. Действительно, в ситуации, когда даже руководители меньшевиков не сомневались в неизбежности повальных арестов и полного уничтожения меньшевистских организаций, печати и массового «переселения» меньшевиков в политизоляторы и концлагеря (опыт массовых арестов эсеров 1921—1922 гг. ни у кого уже не оставлял иллюзий в том, что власти и чекисты работают с перестраховкой, памятуя о ставшем уже крылатым выражении — «лучше расстрелять десять невинных, чем отпустить одного врага»), и что не покающимися и не отошедшим от политической деятельности социалистам не дадут остаться на свободе), меньшевистское руководство можно было, как минимум, упрекнуть в нежелании посмотреть на реальность широко

открытыми глазами. Ожидая тотального уничтожения партийных организаций и повальных арестов, вместо призывов «удвоить бдительность и осторожность» было бы логичнее давать директиву о немедленном уходе на нелегальное положение всех активных меньшевиков и всех организаций в глубокое подполье. Конечно же, слова «принять меры к сохранению партийного аппарата и сохранению членов партии от напрасных жертв» — завуалированное и политически более безопасное выражение (нетрудно догадаться, как большевистская пропаганда трактовала бы более прямые слова об уходе на полное нелегальное положение), но все же они не были вполне адекватны ситуации, в которой требовалась уже иная тактика — максимального сохранения кадров, прежде всего, уводом их на нелегальное положение.

В этой связи уместно процитировать меньшевика Б. С. Двинова (Б. Л. Гуревича), который вспоминал, что однажды М. Л. Винавер передал ему слова Дзержинского, с которым когда-то учился вместе в гимназии: «Меньшевиков можно арестовать по телефону, — и они явятся к нам». Далее Двинов пишет: «Это была ирония Чеки по поводу нашего нежелания уходить в подполье».

Грядущая судьба меньшевиков была вполне понятна, по крайней мере, эсерам, составившим проект шуточного договора между ПСР и РСДРП. Этот договор, попавший по агентурным каналам к чекистам, был написан в тюрьме и адресован меньшевикам, сидящим вместе с эсерами. Договор не датирован, но, судя по контексту, это лето 1922 г., после июньского номера «Социалистического вестника», т. к. имеется ссылка на статью Мартова «Кровавый фарс». Это письмо с договором представляет огромный интерес не только ожиданием процесса меньшевиков и других репрессий в их адрес, но — главное — изменением к лучшему отношений между бывшими друго-врагами. Цитируем часть этого интересного документа: «Дорогие товарищи. Посылаю Вам проект договора — думаю Вы его подпишете безошибочно. Увы, ваш процесс решен, и он будет хуже нашего. Нас обвиняли во всем, вплоть до убийства революции в лице Ильича, а Вас будут обвинять в еврейских погромах. Мартов написал статью против Петровского и добавил к его фамилии „Липец“, а это погром, нас развезут, как говорит ГОСПУП (ГПУ. — К. М.), чтобы разсеять, как прах, по лицу земли. Верховный трибунал установил, что мы ведем работу из тюрем. А что именно случилось в „Бутырках“, мы не знаем. Вчера газет не было»¹⁹⁰.

Описав ситуацию в Германии, авторы продолжали: «Ввиду разбивки нас после нашей волюнки связь с вашими временно порвалась. Установим — сообщим. Кто сидит рядом с вами, под вами, над вами? Пролетарии всех партий, объединяйтесь. Побеждали царские тюрьмы — и неужели нас сломит коммунистическая. Привет.

Мы нижеподписавшиеся, от имени партии социалистов-революционеров заключили настоящий договор с представителями Российской Социал-Демократической партии о следующем:

1. Мы, с. -р., ввиду систематического нашего переселения в тюрьмы Наркомюста передаем на основании НЭП и в хозяйственную аренду РСДРП тюрьмы общего порядка и ГОСПУПА, как то — Внутреннюю, Ярославскую, Бутырскую и Кисельную.

2. РСДРП обязуется честно блюсти принцип „место — пусто да не будет“ и исправно населять данные ей в аренду тюрьмы, дабы слухачам и женскому элементу не пришлось идти на биржу труда и быть безработными.

3. Кроме того, РСДРП обязуется организовать Всероссийские курсы тюремной связи и обучить своих членов радиотивной работе перестукивания и телефонной — по ниткам через окна.

4. При исполнении этого пункта ПСР обязуется по миновании для нее надобности, но не позднее 1-го февраля 1923 года, передать РСДРП в безвозмездное пользование Верховный трибунал с пятаками, галками, крыленками и богоискателями (имеются в виду некоторые члены суда и государственные обвинители: Пятаков, Галкин, Крыленко, Луначарский. — К. М.), со всем штатом хлопальщиков, свистунов, кинематографическим съемщиком и с приспособлениями Известиями, Правдами и Рабской Москвой.

Договор сей хранить свято и нерушимо.

От партии социалистов-революционеров:

Подписали: Антон Цекист, Демьян Цебист¹⁹¹.

На документе, как это часто встречается на других документах данного тома, стоит цифра «3» (т. е. «эсеровское» 3-е отделение ГПУ) и адресация «т. Кузьмину»¹⁹².

Вскоре над меньшевиками разразилась гроза. 15-й номер «Социалистического вестника» обидел не только Чернова. Он категорически не понравился и начальнику СО ГПУ Самсонову, который решил покарать меньшевиков за защиту эсеров и яростные нападки на большевистский режим. Дело в том, что интенсивность пропагандистской кампании и жесткость тона меньшевистских материалов достигли своего апогея к окончанию процесса, о чем и свидетельствовал номер журнала от 2 августа 1922 г. Справедливости ради, следует отметить, что все статьи, написанные российскими меньшевиками, а они задавали тон в подборке материалов¹⁹³, были написаны за месяц с лишним до выхода журнала в свет, т. е. в двадцатых числах июня, но, тем не менее, они были крайне жесткими в свои характеристики власти и всего происходящего на процессе и вокруг него. Так, например, С. Двинов, описывавший, как принимали резолюции на заводах, как организовывали петиционную кампанию и демонстрацию 20 июня с оплатой участникам рабочего дня, заявлял: «До этого небывалого позора могли дойти только люди, окончательно потерявшие весь свой идейный багаж, люди, не стесняющиеся в своем падении демонстрировать всю срамоту свою»¹⁹⁴.

Конечно, власти раздражали и совместные обращения заграничных делегаций российских партий (в том числе и РСДРП) к европейским социалистическим партиям, и совместные заявления Делегаций ПСР и РСДРП в Берлине, и активность российских меньшевиков, устным и печатным словом разоблачавших цели и задачи процесса и клеймивших их устройств, и попытка ЦК РСДРП послать на процесс в качестве защитников виднейших меньшевиков и т. д. Но все же последней каплей, переполнившей чашу терпения властей, оказался именно № 15 «Социалистического вестника».

К такому выводу приводит докладная записка начальника СО ГПУ Самсонова от 9 августа, адресованная сразу Дзержинскому и Уншлихту: «№15 „Социалистического вестника“ от 2/8—22 г., как никогда раньше, наполнен массой клеветнических измышлений и инсинуаций. В журнале ведется бешеная к.-р. агитация против Соввласти, более упорная даже, чем это делают правые с.-р. Исходя из этого я и полагал, что против меньшевиков нужно значительно усилить репрессии не только в центре, но и в провинции Республики. С этой целью я полагаю, что нам нужно произвести массовую операцию по меньшевикам по всей территории Республики, в особенности в рабочих районах». К докладной записке

Самсонов приложил и текст телеграммы за двумя подписями — Уншлихта и своей (и сразу расписался), следующего содержания: «Всем Губотделам ГПУ, ОКТОГПУ, ДТГГПУ, РОВТОГПУ, ВОКТОГПУ. Копия ППГПУ. Получением настоящего предлагаем. Первое немедленно произвести обыски и по результатам аресты всех активных меньшевиков вашего района. Второе. Исключением должны быть рабочие физического труда кои могут быть обысканы исключительно с согласия и ведома губисполкомов и губкомов. Третье. Ликвидации не подлежат дела находящиеся [в] агентурных разработках кои по условиям разработки ликвидации подлежать не должны зпт на отсрочку ликвидации испрашивать разрешение СО ГПУ. Четвертое. Вместо подлежащих изъятию через губкомы и губисполкомы подготовить соответствующих заместителей зпт дабы не создавать осложнений работе совучреждений. Пятое. Дела арестованных закончить двухнедельный срок. Одних подготовить для ссылки зпт а других на коих будут веские уличительные данные передать трибуналы тчк На посылаемых в ссылку должно быть запрошено разрешение СО ГПУ. Шестое. На третий день после ликвидации нарочным прислать СО ГПУ доклад и список арестованных подлежащих высылке лиц по единой системе тчк Настоящее принять к неуклонному исполнению тчк».

Это еще одно свидетельство того, до какой степени левоцентристки настроенные меньшевики не понимали степени перерождения большевистского режима, не понимали, что назад для большевиков дороги нет, что принципиально все уже решено, и вопреки их представлениям решение о массовых ликвидации меньшевиков будут принимать не вожди коммунистической партии Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев или Сталин, а чекисты Дзержинский и Уншлихт, «с подачи» бывшего анархиста, а ныне начальника СО ГПУ Самсонова.

Но признаваться в этом верхушка РСДРП не спешила, что видно по цитированной выше передовой статье «Некоторые итоги», появившейся в сентябрьском номере «Социалистического вестника» за 1922 год. Впрочем, несмотря на то, что был дан достаточно интересный и глубокий анализ процессов, происходивших в эсеровской партии, и причин их неудач, анализ статьи позволяет говорить, что заграничное меньшевистское левоцентристское руководство не столько анализировало судебный процесс с.-р., сколько пыталась оправдать верность своей собственной тактики после 25 октября 1917 г.

С чем можно согласиться в выводах передовой статьи «Социалистического вестника»? С тем, что создание фронта Учредительного собрания и объявление его восточным фронтом, конечно же, потянуло за собой целый клубок сложных и противоречивых отношений с самыми разными антибольшевистскими силами, оказавшимися с ними в одном лагере. Но тут есть любопытный нюанс. Большевики смотрели на себя и на ПСР только как на социалистические партии, которые должны были строить свою тактику в соответствии с интересами тех социальных классов и групп, чьи интересы они должны защищать, а также с учетом будущих социалистических перспектив России. Но они не рассматривали ситуацию с точки зрения национальных интересов страны. Большевики, как и ранее, исходили из того, что социалистические партии будут давить на власть, но еще очень долго не будут самой властью. Представляется, что они оказались заложниками вьевшихся старых привычных взглядов, что если РСДРП выжила даже в условиях авторитарной царской власти, никогда не будучи легальной, то тем более выживет в условиях и буржуазно-демократических, и советских порядков.

Рискнем отметить, что в данном случае многие «левонастроенные» социалисты (часть меньшевиков, МПСР, часть эсеров-максималистов) и часть анархистов делали общую ошибку, не видя (или боялись видеть), что их временная советская легальность была всего лишь вынужденной уступкой и платой им за относительный нейтралитет со стороны недостаточно укрепившихся большевиков, что сама природа большевистского режима, страх расплаты за захват власти и совершенные преступления не позволят большевикам терпеть около себя никакой оппозиции.

Впрочем, этого тогда не понимали не только «левые» меньшевики, но и эсеры-левоцентристы, уже сидевшие в советских тюрьмах, психологической настрой на возможность примирения с большевиками еще сохранялся у части оппозиционных им социалистов. Так, например, в письме от 14 марта 1922 г. начальнику СО ГПУ Самсонову представитель ГПУ по Сибири И. Павлуновский восклицал: «<...> Федорович и Герштейн, когда им было объявлено, что они едут в Москву, передавали членам Крестьянского Союза следующее: что их-де везут в Москву для переговоров о власти. Хотел бы я видеть их рожи, когда вместо переговоров о власти они в Москве получили Трибунал»¹⁹⁵.

Ценно для нас и свидетельство эсерки Б. А. Бабиной, сидевшей в 1922 г. в Бутырьках, и много лет спустя отмечавшей, что социалисты не могли себе даже вообразить будущей участи и считали, «будто разногласия между нами и „ими“, в конце концов, не помешают строительству нового мира, и, хотя всегда придется упрямо спорить, мы вернемся, и строить придется вместе! А то, что сейчас с нами происходит, — это несерьезно, это вроде театрального представления из времен Великой Французской революции! Только, разумеется, без гильотины! Никто из нас, в том числе и марксисты различных оттенков, включая и тех, кто пытался строить новое государство „по учителю“ — не подозревали, какая гигантская гильотина ожидает нас всех вместе в сравнительно недалеком будущем! (выделено нами. — К. М.)»¹⁹⁶.

Свой классово-партийный подход в отношении к власти «левые» меньшевики примеряли и на эсеров. Но они упускали из вида, что после победы на выборах в Учредительное собрание эсеры, получив вотум страны на управление ею, рассматривали себя как правящую партию, у которой власть временно узурпировали большевики. А как правящая партия ПСР, конечно же, должна была действовать, исходя не только из своих узкопартийных интересов. Именно это противоречие игнорировали «левые» меньшевики. Конечно, они были абсолютно правы, говоря о непопулярности у большей части народа лозунга продолжения войны с Германией, но, с другой стороны, а как должна была действовать правящая партия в ситуации, когда исход мировой войны был уже ясен и Россия при сохранении сепаратного мира с Германией лишалась на будущем пиршестве победителей всего того, что она заслужила миллионами жизней своих солдат, лишалась за сепаратный мир, заключенный властителями, дважды незаконно захватившими власть. Отсюда и возникало коренное противоречие, противоречие между узкоклассовыми интересами ПСР как социалистической партии и необходимостью защищать более широкие национальные интересы России в качестве правящей партии.

Да и само сохранение политической самостоятельности пролетариата, сохранение его профсоюзных и политических организаций абсолютно невозможно в условиях большевистской диктатуры, сразу же проявившей склонность к ослеплению всего и вся и подавлению инакомыслия, а тем более инакодействия (позже эта склонность приняла целостный, тоталитарный

характер). Отказ «левой» части меньшевиков «от непосредственной борьбы за власть, от свержения данной большевистской власти» обрек их на выжидательную позицию и дал возможность власти, расправившись со своими активными врагами, приняться и за них, и за ту часть пролетариата, которая их поддерживала.

«Левые» меньшевики надеялись на перерождение большевистского режима и желали его и даже целым рядом действий способствовали этому (сужая социальную базу режима, отрывая от него часть рабочего класса), но в то же время избегали прямого столкновения с властью, желая сохранить и партийные организации, и работников от разгрома и от физического уничтожения, а также, избегая прямой конфронтации с той частью пролетариата, которая пошла за большевиками, сделать возможным распространение своего влияния и на нее после гибели большевистского режима. Эта тактика принесла бы РСДРП огромнейшие политические дивиденды после гибели режима, если бы он был уничтожен другими политическими силами. Можно сказать, что левонастроенные меньшевики так же, как левоцентристы-эсеры, избрали тактику третьей силы, но, в отличие от эсеров, в более безопасном и мягком для себя варианте — без участия в вооруженном противостоянии большевикам. Но сохранение большевистского режима неизбежно несло гибель и им. Вовсе не случайно, что некоторые меньшевики несколько десятилетий спустя признали необходимость сохранения блока с эсерами после Октября 1917 г. А это значило — проводить «активистскую» тактику и не жалеть силы для физического уничтожения большевистского режима. Это понимали некоторые «правые» меньшевики и тогда. Но этого можно было добиться только в союзе с разными силами и, прежде всего, крестьянством. И вовсе не случайно Церетели в 50-е гг. говорил об ошибочности недооценки крестьянства официальным меньшевизмом...

Два этих признания ошибок в тактике «работали» на один вывод — о необходимости блока с эсерами и после Октября 1917 г. и использовании в совместной борьбе против большевистского режима и в борьбе за социализм не только потенциала пролетариата, но и значительной части крестьянства.

Что же недоучли в своей тактике те из социалистов, которые надеялись, что под натиском растущего недовольства рабочих большевистский режим рухнет в течение нескольких месяцев? Об этом говорил член ЦК ПСР Е. М. Тимофеев 5 лет спустя на процессе — они не ожидали, что уже с весны 1918 г. начнется массовый уход рабочих из голодных городов в более сытую деревню и процесс распыления и деградации рабочего класса достигнет больших размеров и пойдет крайне интенсивно. Кроме того, большевики уже весной — летом 1918 г. стравили рабочих с крестьянами, отправляя первых выковыривать хлеб штыком у крестьян. Но не только часть рабочих составляла социальную базу коммунистов. Большевистская власть сумела создать себе социальную поддержку в деревне, стравив беднейшие и зажиточные слои деревни. Деревенская беднота, приведенная к власти в деревне, стала верой и правдой служить новой власти и отождествлять себя с ней как своей частью. Слишком прямолинейно думать, что большевики шли к скорой гибели. Они укрепляли ВЧК и методично развертывали террор против всех противостоящих себе сил, подминя под себя всю печать, давая инакомыслие. С весны 1918 г. началось строительство регулярной Красной армии, которая стремительно превращалась в серьезную силу. Не приходится сомневаться, что если бы понадобилось против рабочего движения, пытающегося

свергнуть власть, применить армейские части в куда большем масштабе, чем это было, скажем, в 1918 г., большевики пошли бы и на это. Стали бы солдаты, в большинстве своем мобилизованные крестьяне, стрелять в рабочих, к которым у них накопились уже немало ненависти за рабочие продотряды? Вопрос во многом риторический.

Так ли уж была слаба и обречена на скорую гибель большевистская власть? Большевистский режим держался отнюдь не только на терроре, подавлении инакомыслящих и физическом уничтожении своих врагов, он активно расширял свою социальную базу, вел активнейшую и порой весьма успешную агитацию и укреплял ряды своих сторонников, готовясь к битве за власть, ибо альтернативы у большевиков, взявших за горло все политические силы, классы и группы, не было: либо победа — либо смерть. Правда, что большевиков ненавидели миллионы людей из самых разных страт общества, но правда и то, что они дали надежду на лучшую жизнь и повели за собой также миллионы людей. Другое дело, что немалая часть их обещаний и надежд носила демагогический характер, а другая часть, хотя и была воплощена в жизнь, была оплачена неимоверно высокой ценой. Но это, как и то, что фундамент насилия, лжи и напрасно возбуждаемых надежд, недостаточен для создания гармоничного и процветающего общества, стало ясно миллионам много десятилетий спустя, а в годы гражданской войны они составили опору большевиков, которые всячески отождествляли себя и свою власть с ними (отчасти сами в это веря, отчасти сугубо демагогически).

Как оказалось, российская революционная интеллигенция напрасно верила в то, что «класс обмануть нельзя». Опыт большевизма, поставленный коммунистами над собственным народом, да и весь опыт XX в., показал, насколько это представление было идеализированным, отражая скорее реалии прошлого XIX в., чем нового, когда эта задача оказалась вполне решаемой. Впрочем, то, что является триумфом сегодня, совсем не было очевидно в годы революций и гражданской войны, когда на историческую арену вышли миллионы, будучи то творцами истории, то объектами манипуляций.

Упомянутая выше передовая статья «Некоторые итоги», посвященная итогам процесса, заканчивалась своеобразным «домашним заданием» «социалистически-революционной» части эсерской партии: «Если правое крыло эсеров имеет политическое будущее, оно заключается в представительстве интересов этих буржуазных слоев деревни и им соответствующих буржуазных слоев города, включая и „излечившуюся“ от социального и политического радикализма часть прежней интеллигенции.

Но незаконченность российской революции и нерешенность основного ее вопроса — ограждения аграрного переворота от реставрационных поползновений, — сохраняет в деревне, среди большинства сельского населения земледельческих районов, почву для социалистически-революционной партии, организующей трудящиеся массы деревни не против пролетариата, но для совместной с ним борьбы за демократию и социальные реформы. Развязавшись с уходящими от социализма и революции элементами, левое крыло нынешней партии с.-р. смогло бы выполнить те задачи, о которых говорит цитированное выше письмо членов ЦК. Разумеется, для этого ему придется многое пересмотреть и в традиционной программе, и в традиционной практике партии. Попытка теперь, через 5 лет после аграрного переворота, отстаивать социализацию земли и уравнильные переделы неминуемо оттолкнула бы самые

широкие крестьянские массы к более правым партиям. Признание фактического владения, как оно сложилось в результате аграрного переворота, должно быть положено в основу всякой программы, стремящейся постепенно — через кооперацию и другими методами — приобщить мелкого хозяйчика к коллективизму. В то же время задача демократизации русско-государственного строя предполагает прежде всего политическое воспитание основной социальной силы — мелкого крестьянства, а это воспитание может быть достигнуто только длительным процессом организации и политической борьбы и абсолютно исключает „повстанческую“ традицию возбуждения или только „использования“ стихийных местных бунтов, традицию, выражавшуюся тезисом о том, что партия в с е г д а становится во главе восстающих против деспотизма масс. И, наконец, необходимо освобождение от того ф е т и ш и з м а ф о р м а л ь н о й д е м о к р а т и и, под покровом которого мирно уживались в партии прямо противоположные тенденции и который позволяет, с одной стороны, зачислять в „контрреволюцию“ всю октябрьскую революцию потому, что она отвергла всеобщее избирательное право, а, с другой, — искать союзников среди буржуазных партий только потому, что свои олигархические стремления они облачают в формы „народоправства“.

Если прошедшие перед московским трибуналом эпизоды прошлого напомнили о внутренних противоречиях прежней партии с.-р., приведших к ее дезорганизации, то некоторые программные заявления самих обвиняемых дают основание утверждать, что вопреки кошмарным условиям политической жизни в советской России процесс самоопределения революционно-социалистических элементов партии подвигается вперед»¹⁹⁷.

Пожелание эсерам освободиться от «фетишизма формальной демократии» показывает, что заграничные меньшевики все еще варились в соку своих старых взглядов и представлений, а часть московских и питерских меньшевиков (имевшая самый низший в партийной иерархии — «групповой» — статус) уже лучше них понимала новые российские реалии, а потому общим и главным, объединяющим с.-д. и эсеров, считала приверженность демократии, а в качестве задачи выставляла борьбу за политическую свободу, видя в большевистской России препятствие на пути к социализму.

Похоже, что эти меньшевики, с точки зрения своих левоцентристских руководителей, тоже страдали «фетишизмом», а точнее говоря, смогли, в отличие от своих вождей, посмотреть правде в глаза и серьезно поменять свои традиционные взгляды на демократию. Обращает на себя внимание и то, что если в коллективном обращении московских и питерских с.-д. подсудимые эсеры уже назывались «дорогими товарищами», то заграничные меньшевики так далеко не шли, а только констатировали, что у «революционного народничества» есть своя ниша, и видели в ней силу революционную и социалистическую, а также признавали за ней право на существование. Фактически говорилось, что при соблюдении всех этих условий левая революционная часть эсерства сможет быть союзниками меньшевиков.

И все же эти признания были гигантским шагом вперед по сравнению с оценками эсеров всего лишь десятилетней давности.

Если оценивать дальнейшее развитие взаимоотношений эсеров и меньшевиков, то для них характерна противоречивость. С одной стороны, общий враг, общее сидение в одних лагерях и политизоляторах, сближение признанием друг друга демократами и социалистами. По сви-

детельству очевидцев, уже на Соловках в 1923—1925 гг. эсеры и меньшевики идеологически были ближе всего друг к другу, заметно дистанцировавшись от левых эсеров, максималистов и анархистов.

Но, с другой стороны, по темпераменту и по той осторожной тактике борьбы за политрежим, которую избрали на Соловках в 1923—1924 гг. меньшевики, они были одиноки. Возникло интересное противоречие: с одной стороны, происходило взаимное нарастание товарищеского отношения меньшевиков и эсеров (помимо идейного сближения), а с другой — меньшевики вызывали сильное раздражение, скажем, своей тактикой борьбы за политрежим со стороны всех остальных фракций. По свидетельству О. Е. Олицкой, на Соловках в вопросах действия эсеры куда легче находили общий язык с левыми эсерами, максималистами и анархистами. Впрочем, нельзя забывать и о том, что, по воспоминаниям той же Олицкой, голодовку (в которой меньшевики не принимали участия) первыми прекратили анархисты и левые эсеры — под предлогом того, что некоторым эсерам стало плохо (чем вызвали недовольство эсеров). Представляется, что следует критически относиться к характеристикам, которые давали друг другу социалисты разных направлений, и не абсолютизировать их.

В меньшевистских российских и заграничных газетах сообщалось об арестах и тюремной борьбе не только меньшевиков, но и всех социалистов и даже анархистов (хотя взаимная неприязнь меньшевиков и анархистов стала притчей во языцех и проявлялась весьма экспрессивно).

Как радикально изменилось отношение и заграничных, и, особенно, российских меньшевиков к эсерам по сравнению с прошлыми временами, видно из тона их статей. Так, в московском меньшевистском издании «Наша жизнь», вышедшем осенью 1922 г. и отпечатанном на машинке, эсерам посвящены две статьи — «Процесс эсера Шишкина» и «Судьба приговоренных с.-р.-ов». Первая статья открывалась перепечаткой газетного сообщения о приговоре к расстрелу некоего Шишкина, который обвинялся в «распространении контрреволюционной литературы, в изготовлении подложных документов для партийных надобностей, а также подготовке экспроприаций». Обращает на себя внимание то, как меньшевики комментировали это сообщение: «О, царские прокуроры. Подсудимого привозят на суд, где он впервые узнает, в чем его обвиняют. Он, естественно, отказывается от участия в скоропалительной комедии суда. Его приговаривают к расстрелу..»

Только случайное вмешательство спасает тов. Шишкину жизнь. Приговор приостановлен Калининым.

Но как характерен этот кошмарный случай. Долгие месяцы вел западноевропейский пролетариат борьбу за спасение жизни с.-р.-овских цекистов. А тем временем торговцы живым товаром втихомолку приговаривали к расстрелу рядовых членов партии, поднимая на всю Европу крик об обмене цекиста Тимофеева на немецкого коммуниста.

Пора понять, что пока существует власть насилия и произвола, будут казни, расстрелы, чтобы не было постоянных расстрелов, надо избавиться от диктатуры большевиков, надо бороться за демократическую Республику (выделено нами. — К. М.). Получены сведения, что тов. Шишкин (выделено нами. — К. М.) обманом вывезен из Лефортовской тюрьмы и увезен в Таганку».

Явственно товарищеский и сочувственный тон присущ статье «Социалистического вестника» «Судьба приговоренных с.-р.-ов», посвященной 22-м осужденным по эсеровскому процессу: «После приговора большевики приняли меры к абсолютной изоляции подсудимых. Из Лефортовской

тюрьмы их в спешном порядке перевезли во внутреннюю тюрьму ГПУ (Лубянка 2). Здесь они до сих содержатся в одиночках, окна которых забраны жестью и замазаны, без всяких передач. До последнего времени им не было известно о переводе их из разряда „смертников“ в заложники. Пребывание в голодных условиях, без книг, тяжело отзывается на здоровье и самочувствие замученных еще процессом с.-р.-ов.

Примечательно, что между двумя статьями было обращение — «ЖЕРТВУЙТЕ НА АРЕСТОВАННЫХ ТОВАРИЩЕЙ». Подобное проявление товарищеских чувств дорогого стоило и свидетельствовало о новом достигнутом уровне взаимоотношений эсеров и меньшевиков. «Социалистический вестник» также просто пестрел подобными статьями, проникнутыми духом товарищества. Достаточно посмотреть на тон и стиль статьи о бедственном положении родственников подсудимых эсеров и их борьбе за политрежим, написанной в феврале 1924 г., а также некролога члена эсеровского ЦК С. В. Морозова, чтобы почувствовать этот дух.

В статье, озаглавленной «До седьмого колена», подробно перечислялись мытарства людей, которых арестовывали, ссылали, лишали работы только за то, что они были женами, детьми, братьями и сестрами эсеров, осужденных по процессу 1922 г., а также о стремлении ГПУ лишить заключенных эсеров элементарных прав политзаключенных и не дать им возможности поддерживать связи между собой. На основании всего перечисленного делался вывод: «Итак, борьба, по-видимому, должна возобновиться»¹⁹⁸.

В некрологе, посвященном С. В. Морозову, отмечалось, что он «принес себя в жертву за своих ближайших друзей, за сотни и тысячи социалистов, томящихся в тюрьмах Советской России». «Это намерение родилось у него давно и все укреплялось, несмотря на все убеждения и мольбу друзей. В недавно закончившейся частичной победой голодовке с.-р.-ов, осужденных по большому процессу, он, уже не встававший с постели и харкавший кровью, настаивал на доведении борьбы до конца и просил разрешить ему продолжать голодовку. Теперь его не стало»¹⁹⁹.

Товарищеское единение приводило в отдельных случаях и к большему сближению позиций отдельных групп меньшевиков и эсеров. В «Социалистическом вестнике» №12/13 за 1924 г. в рубрике «Из партии» под заголовком «Голос ссыльных» было опубликовано письмо, подписанное «группой ссыльных с.-д. и с.-р. Киргизии». Это письмо, являясь реакцией на Соловецкий расстрел, было все же большим, чем проявлением солидарности с товарищами и гнева по отношению к чекистам. Это совместное обращение ссыльных эсеров и социал-демократов фактически содержало программное заявление, общее кредо, декларировало общие цели: «Дорогие товарищи, мирно спящие на далеком полярном острове, — мы с вами! С вами все мы, разбросанные по глухим углам нашей необъятной „социалистической“ родины. С вами все запертые в советских тюрьмах, все, продолжающие на „воле“ вашу революционную работу, все те, в ком сохранилось сознание социалиста и живое чувство революционера! <...> Возмездие за смерть наших товарищей придет, наступит час победы, который поразит правящую партию в самое сердце, ибо его принесет с собой рабочий класс, именем которого она самовольно властвует, и во имя которого ею принесено в жертву столько жизней.

<...> „Класс обмануть нельзя!“ Он, пролетариат, выпрямившись, окрепши, придет в авангарде придушенной сейчас революционной демократии, чтобы освободиться от диктатуры над собой, самому уверенно встать на ноги. Политической свободе, истинно демократическому строю, этим необходимым условиям успешной борьбы за подлинную

диктатуру пролетариата, за социализм, должна будет уступить власть РКП, Соловками вписавшая в свою историю позорные страницы средневековья<...>²⁰⁰.

Эти формулировки, безусловно, были компромиссом. С одной стороны, меньшевиков вполне устраивало то, что в центр конструкции был поставлен пролетариат, но фактически конструкция «пролетариат в авангарде революционной демократии» — это нечто иное, как слегка завуалированный эсеровский триединый рабочий класс, хотя и не были названы ни крестьянство, ни трудовая интеллигенция. Фактически ссыльные меньшевики достаточно ясно признали революционные и демократические потенции части крестьянства и интеллигенции.

То, что в авангарде «революционной демократии» будет пролетариат, эсеры признавали всегда и никакого отступления от своих взглядов они тут не допустили. Так что здесь был скорее компромисс со стороны меньшевиков. Компромисс же со стороны эсеров видится в признании политической свободы и истинно демократического строя в качестве необходимого условия для успешной борьбы «за подлинную диктатуру пролетариата». Если «за социализм» вполне органично для эсеров, то формулировка «за подлинную диктатуру пролетариата» — очень серьезная уступка, ведь ни одно из эсеровских течений не признавало диктатуру пролетариата в каком бы то ни было виде, ибо она противоречила их концепции.

Но помимо этих идеологических высказываний, особое внимание обращает на себя готовность меньшевиков признать «нашей братской могилой» могилы пятерых эсеров и всех их «дорогими товарищами» (в том числе и покончившего самоубийством в Бутырках члена ЦК ПСР С. В. Морозова). Трудно переоценить это. Это уже не пресловутое — «товарищи по революции», ничего подобного доселе не было, ведь это уже новая степень общности идеалов, интересов, наличие общих символов и могил.

Таким образом, мы можем констатировать, что после процесса с.-р. не произошло возврата к межпартийным трениям, и начиная с этого времени ни эсеры, ни меньшевики больше никогда не вели друг против друга публичной полемики, а в их публичных взаимоотношениях неизменно демонстрировались единство конечных целей и товарищеские отношения.

Представляется, что эсеров и меньшевиков роднило глубинное признание свободы как души социализма и нежелание загонять свой народ в него «железной рукой». Слова московских и питерских меньшевиков, вынесенные в название параграфа, передавали это ощущение родства душ. Позже это ощущение нарастало по мере того, как становилось ясным, во что на практике превращается большевистский социализм без демократии. Рискнем предположить, что именно признание демократии душой социализма и народа — субъектом истории, а не объектом социальных экспериментов объединило их. Более того, представляется, что это ощущалось ими как самое главное в едином для меньшевиков и эсеров революционном наследии и было частью «культурного кода» российского революционера.

В эмиграции лидеры партий, вдохновленные идеей совместной борьбы против большевистского режима, готовы были вновь вести разговоры, столь популярные в 1901—1902 и 1912—1914 гг. — о желательности объединения с.-д. и с.-р. Так, в 1933 г. в одном из черновиков письма В. М. Чернова неизвестному адресату, где он описывал, как проходил его шестидесятилетний юбилей, он писал: «Было приветствие от русских с.-д.

вообще и от Дана в особенности, с выражением надежды на осуществление в России единой социалистической партии»²⁰¹. (Позднее Ю. Денике отмечал: «В. М. [Чернов] до конца дней мечтал об единой российской социалистической партии, включающей демократических социалистов всех толков (но, конечно, абсолютно враждебной большевизму)»²⁰².)

В 1949 г. видный меньшевик Г. Аронсон в статье «Меньшевизм (Опыт характеристики)» солидаризовался со своими товарищами, признавшими в качестве крупных ошибок крестьянобоязнь и отказ продлить на выборах в Учредительное собрание существование меньшевистско-эсеровского блока, и в то же время подчеркивал, что «<...> критикуя многое в своем прошлом, нам стыдиться этого прошлого не приходится. Вот почему, демократические социалисты русской школы, мы без колебаний посейчас сохраняем верность славному имени меньшевизма.

Меньшевики, на которых историей было возложено в тяжелых условиях изгнания представлять это политическое направление, могут без самообольщения сказать о себе: мы не посрамили ни лучших заветов русского освободительного движения, ни знамени международной социал-демократии. Ни на один миг меньшевики в каторжных условиях в советской России или в долголетней эмиграции не прекращали непримиримой борьбы против комдиктатуры за освобождение России, за интересы трудящихся, за демократию и социализм»²⁰³.

В дальнейшем сближение меньшевиков и эсеров-эмигрантов приобретает все более зримые очертания и формы, которые ранее были бы немислимы. Так, например, известный эсер Марк Вишняк становится сотрудником меньшевистского «Социалистического вестника». На вечере, посвященном 35-летию юбилею «Социалистического вестника», он выступил с приветственным словом, в котором «указал на то, что он, старый народник и с.-р., нисколько не изменивший своего отрицательного отношения к марксистским теориям и в первые годы „СВ“ относившийся к политике „СВ“ критически, теперь является его сторонником и постоянным сотрудником. Он был против „СВ“ в дни юности этого органа. Но он высоко ценит борьбу „СВ“ против советского „социализма“ и тоталитаризма и считает, что „Вестник“ в годы своей „зрелости“ выполняет большую и почетную задачу в деле защиты идеи социализма и свободы против ее тоталитарного искажения»²⁰⁴. В 1952 г. 14 русских социалистов, эсеров и меньшевиков, приняли совместное обращение «На пути к единой социалистической партии», считая, что настало время ее создания.

§ 3. «СУБЪЕКТИВНО ВЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРКА, КАКИХ МЫ МОЖЕМ ПОЖЕЛАТЬ СЕБЕ ПОБОЛЬШЕ, ОБЪЕКТИВНО ЖЕ ВЫ СЛУЖИТЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»: ПАРАДОКСЫ ОТНОШЕНИЯ КОМУНИСТОВ К ЭСЕРОВСКИМ «ДРУГО-ВРАГАМ» В КОНТЕКСТЕ ИЗЖИВАНИЯ «РОДИМЫХ ПЯТЕН» ЭТИКИ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Процесс превращения большевистской партии — еще совсем недавно одной из многих оппозиционных партий — в партию единовластвующую, в партию, сделавшую ставку на однопартийную систему и подавление инакомыслия, не был ни одномоментным, ни прямолинейным, ни простым.

Из множества разнородных аспектов этого многомерного процесса мы затронем лишь один: конфликт норм старой этики и традиций, регулировавших взаимоотношения «друго-врагов», и складывающейся этики формирующейся новой политической элиты (сразу оговоримся, что изучение этой новой этики как таковой не входит в нашу задачу). В рамках этой новой этики, рождавшейся в огне октябрьского переворота и гражданской войны, объективно и стремительно сужалось пространство для прежних товарищеских отношений с бывшими товарищами по борьбе со старым режимом, бывшие «друго-враги» неумолимо превращались просто во врагов. Но этот процесс шел непросто и порой парадоксально, ибо коммунистическая элита несла на себе отпечаток «родового клейма» старых традиций.

Главным парадоксом в этой сфере, с которым столкнулись большевики и социалисты после 25 октября 1917 г., был сбой системы распознавания «свой — чужой», лежащей в основе любой субкультуры. До Февраля 1917 г. для социалистов всех оттенков «чужим» было самодержавие в лице всех своих властных и полицейских структур и органов, преследующее их и сажающее в одни тюрьмы и каторги (степень «враждебности» буржуазии оценивалась социалистическими партиями по-разному). С определением «своего» дело обстояло сложнее. С начала XX в. социал-демократы в массе своей считали, что эсеры не являются социалистами, а всего лишь мелкобуржуазными демократами. Г. В. Плеханов даже произнес в адрес социалистов-революционеров слова, звучавшие, как приговор — их социализм не революционен, а их революционность не социалистична. Сегодня для любого серьезного исследователя ясно, что сам термин «мелкая буржуазия», куда без особого разбора включались самые различные слои города и деревни, весьма отличные друг от друга по своей природе, образу жизни и социальным функциям, требует к себе намного более критического отношения. Не секрет, что русские социал-демократы (и не они одни) использовали этот термин как своего рода универсальный ярлык, что приводило порой к анекдотическим ситуациям: и большевики и меньшевики навешивали его друг на друга, считая именно себя истинно пролетарской партией. Можно сказать, что для части русских социалистов структура понятия «свой» (член социалистического социума) ассоциировалась с чем-то похожим на большую квартиру (чисто советское словечко «коммуналка» родилось позже) с множеством комнат, все обитатели которой более «свои», чем живущие в другой, враждебной им квартире, но самые-самые «свои» живут только в одной «партийной» комнате. Впрочем, партийные «коллективы» тоже дробились на фракции, течения и группы, порой заключавшие союзы против своих сопартийцев с жильцами соседних комнат-партий. Но при всей противоречивости взаимоотношений социалистов всех оттенков и порой ожесточенной идейной полемике, они, как правило, объединялись перед лицом общего врага. Так, в тюрьмах и на каторгах, они худо-бедно координировали свои усилия в противостоянии с администрацией и уголовными заключенными, а на воле — в борьбе с самодержавием.

Летом — осенью 1917 г. опасность «угрозы справа», наличие общего врага, с одной стороны, позволили социалистам, объединившись, подавить мятеж генерала Корнилова, а с другой — дезориентировали их в определении степени опасности более серьезной угрозы демократии и свободы — «угрозы слева». Сложившиеся за десятилетия стереотипы заставляли многих эсеров и меньшевиков думать, что главный враг — «справа»,

а с большевиками, «тоже социалистами» и все-таки «своими», можно будет и договориться. Двойной стандарт отношения к социалистам ярко проявлялся уже осенью 1917 г., когда большевики рвались к власти, демагогически обвиняя своих социалистических конкурентов во всех страшных грехах, не останавливаясь перед откровенным натравливанием на них солдатской массы. Один из московских большевиков вспоминал, что в октябрьские дни во время митинга большевистские ораторы изображали находившихся тут же меньшевиков и эсеров врагами и предателями, и наслушавшиеся этих речей солдаты, не понимавшие двойного стандарта и политической игры, пытались взять социалистов «в штyki». И вот тут уже большевики не на шутку перепугались и с трудом, но все же сдержали солдат. Ведь одно дело натравливать на социалистов солдат, спекулируя на том, что за ними идет народ, и совсем другое дело — фактически организовать их убийство.

Лишь немногие социалисты, подобно Н. Д. Авксентьеву, считали большевизм «метафизическим злом», не способным к демократической эволюции, и говорили о необходимости блокироваться в борьбе с ним со «здоровыми силами» справа. Но эти взгляды не были популярны в годы гражданской войны ни в эсеровской, ни в меньшевистской партиях, за исключением относительно небольших групп. Напротив, при очередной угрозе революции «справа», будь то Колчак или Деникин, социалисты и коммунисты бились вместе рука об руку, если даже и считали себя, подобно эсерам, «третьей силой» — враждебной большевикам. Даже после гражданской войны, которая, казалось бы, должна была поставить все точки над *i* во взаимоотношениях большевиков и оппозиционных к ним социалистов, психологический настрой на возможность примирения у многих из их представителей еще сохранялся. Ценно для нас свидетельство эсерки Б. А. Бабиной, сидевшей в 1922 г. в Бутырках и много лет спустя отмечавшей, что социалисты не могли себе даже вообразить будущей участи и считали, «будто разногласия между нами и „ими“, в конце концов, не помешают строительству нового мира, и, хотя всегда придется упрямо спорить, мы вернемся и строить придется вместе! А то, что сейчас с нами происходит, — это несерьезно, это вроде театрального представления из времен Великой Французской революции! Только, разумеется, без гильотины! Никто из нас, в том числе и марксисты различных оттенков, включая и тех, кто пытался строить новое государство „по учителю“, — не подозревали, какая гигантская гильотина ожидает нас всех вместе в сравнительно недалеком будущем!»²⁰⁵. Не все эсеры и меньшевики так думали, наиболее прозорливые многое уже поняли, но все же старые привычные взгляды плодили новые иллюзии, когда иллюзиям, казалось бы, уже совсем не осталось места.

Ярчайшим и парадоксальнейшим примером того, что некоторые из социалистов, сидевших в советских тюрьмах в 1920—21 гг., продолжали называть своих тюремщиков «товарищами», является письмо М. Веденяпина, который был членом ЦК ПСР и широко был известен своими «левыми» взглядами и до некоторой степени «мягким» отношением к власти. Находясь в заключении в Ярославской тюрьме, он был выбран старостой «полит. заключенных с.-р.» и в этом качестве 17 ноября 1920 г. обращался с ходатайством за больного тифом товарища к «представителю ВЧК, ведающему дела ПСР, т. Самсонову»²⁰⁶. Он просил, чтобы больного тифом и с расстроенной психикой эсера Шумилова поместили вместе с врачом, членом ЦК ПСР Д. Д. Донским, лечившим его ранее и хорошо знавшим организм своего пациента. Кроме того, Веденяпин,

очевидно, еще не избавившийся от старых представлений о пределах товарищеских услуг, просил чекиста переправить в Ярославскую тюрьму письмо для успокоения оставшихся там товарищей, взволнованных внезапным увозом пятерых эсеров в Бутырки. Он намекал чекистам, что это и в их интересах, т. к. «единственная цель [письма], чтобы оставшиеся тов. не переживали и были спокойны, особенно если будет оттуда отправлена еще партия». Письмо это, естественно, никуда послано не было²⁰⁷.

Позже он просил «товарища» Самсонова выдать ему из архива Бутырской тюрьмы «дело матроса Смолянинова, повешенного за удар чайником надзирателя». «Это дело из вопиющих дел, совершенных в царских застенках, писал Веденяпин. — Лично я хорошо знал Смолянинова и на мне лежит нравственная обязанность осветить это дело. Поэтому очень прошу дать мне этот материал в камеру всего на несколько дней, мне удастся осветить деятельность некоторых лиц, причастных к этому делу»²⁰⁸. Еще одна просьба, содержащаяся в этом письме, была посвящена спасению архива Ярославской каторжной тюрьмы. М. Веденяпин писал: «В настоящее время архив расхищается на „цигарки“ и вся тюрьма пользуется бумагой, выдираемой из дел архива. В бытность мою в Ярославле я неоднократно обращался с вышеуказанной просьбой к Председателю Яросл. ГЧК Сочневу и тот вначале обещал все сделать и поручить мне его разобрать и привести в порядок, но потом заявил, что это он сделать не может и до последнего времени архив продолжал расхищаться»²⁰⁹. Заявление было переправлено Самсонову и тот поставил резолюцию «К делу Веденяпина. Об архиве сообщено. 20/XI-20 г.»²¹⁰.

Надо сказать, что свои иллюзии о «товарище» Самсонове и прочих «товарищах», Веденяпин вообще изживал довольно мучительно и непросто, что проявилось и во время предварительного следствия по процессу весной 1922 г. и что позволило Н. И. Бухарину уже на процессе сказать, что Веденяпин наполовину предал эсеров.

Парадоксальность и противоречивость отношения коммунистов к «друго-врагам» складывалась из двух борющихся в большевистской среде тенденций. Одна выростала из старых традиций и допускала возможность компромиссов, вторая вытекала из природы большевистской диктатуры и логики борьбы за власть, оценивала бывших «друго-врагов» одномерно — только как врагов — и делала ставку на их уничтожение. Но особо подчеркнем, что колебания в отношении к старым товарищам у части видных большевиков, занимавших разное место в созданной ими партийно-государственной иерархии, не были определяющими для позиции основной партийной массы, обрабатываемой практически непрерывной работой агитпропа. Он формировал как в партийной, так и в беспартийной среде образ социалистов как социал-предателей, сжегших за собой все мосты сотрудничеством с белогвардейскими режимами и интервентами, а проще говоря — образ врагов, правда, не прямых и откровенных, а трусливых, прячущих свою враждебность за социалистической фразеологией. Примерно так они и воспринимались подавляющей массой коммунистов, вступивших в партию в 1917—1921 гг. Эти десятки, а потом и сотни тысяч коммунистов были в подавляющем своем большинстве вне традиций и этики революционного подполья, не имели опыта совместной борьбы и совместного «сидения» с эсерами, меньшевиками, анархистами, не имели личных взаимоотношений с ними, и лишь свято верили в партийные директивы и установки, рассматривая социалистов и анархистов только как особую разновидность врагов.

Именно на них могли опереться сторонники «жесткой» линии по отношению к социалистам при борьбе как с социалистами, так и со старыми коммунистами, склонными к более мягкой позиции, упрекая последних в недостаточной выдержанности взглядов, а то и двурушничестве и приверженности старой буржуазной морали (как трактовалось проявление дружеских или родственных чувств, шедшее вразрез с требованиями «революционной целесообразности» и «интересами революции»). В этом плане показательны уже упоминавшиеся слова Григория Ратнера: **«Если требует революция, то можно свести на эшафот и собственную сестру. Если требует революция, то семейные отношения не существуют** (выделено нами. — *К. М.*). <...> Сейчас болото мешанной психологии завладело настолько умами, что если Ратнер прислал чекистов к своей собственной теще, это ужас и кошмар. Вот в том-то и дело, что от старой морали осталась только форма, <...> но содержание этой морали давно уже истлело, истрепалось и не могло не истрепаться, ибо современная политическая борьба этих старых этических понятий не терпит»²¹¹.

Позиция сторонников «жесткой линии» в отношении социалистов на протяжении всех лет гражданской войны и после нее вызывала глухое недовольство и встречала скрытое сопротивление у части старых большевиков, многие из которых не видели в социалистах настоящих врагов, даже оказавшись с ними по разные стороны тюремных решеток. И странно для нас звучащее обращение политзаключенного эсера Ведынягина к начальнику СО ВЧК Т. П. Самсонову как к «товарищу», о котором шла речь выше, звучало уже не так странно на фоне подобных же обращений коменданта и начальника Бутырской тюрьмы к политзаключенным, привезенным в нее в феврале 1922 г. Бабина вспоминала: «Прошло часа полтора, прежде чем к нам вошел комендант. „Товарищи, — обратился он к нам (о времена, когда в тех местах к нам так обращались!), — вам придется некоторое время пробыть в карантине“. <...> „Не согласны, не согласны! — закричали все хором. — Если нужен медицинский осмотр, у нас есть свой врач. Позовите доктора Донского!“ <...> — Я не могу решить это сам, — сказал наконец комендант, — вызову начальника тюрьмы. Примерно через час к нам явился Попов. <...> Высокий, широкоплечий человек лет сорока (по моим тогдашним понятиям, почти старик!), участник гражданской войны, принадлежавший к дореволюционной когорте большевиков, он, в общем, тогда неплохо относился к заключенным социалистам всех оттенков, особенно к левым эсерам. <...> С большим пиететом относился он к Б. Д. Камкову, иногда пытался даже заводить с ним беседы на политические и философские темы»²¹².

Более того, многие коммунисты испытывали чувство неловкости от необходимости держать в тюрьме эсеров, меньшевиков, анархистов, как испытывали его сибирские коммунисты и чекисты в 1921 г. по отношению к Ф. Ф. Федоровичу и Л. Я. Герштейну, входившим в Иркутский Политцентр, арестованный А. В. Колчака и передавший власть большевистскому ВРК. И председатель Политцентра Ф. Ф. Федорович и все его члены получили в январе 1920 г. от ВРК гарантии абсолютной неприкосновенности. Но по воле московских чекистов Федорович, чета Герштейнов и М. Л. Свирская были отправлены в 1921 г. этапом в Ново-Николаевск, что повергло в великое смущение всю сибирскую партийно-чекистскую верхушку, пытавшуюся преодолеть его разными способами, весьма интересными в нашем контексте.

Эсерка Мина Свирская вспоминала: «Майский мне рассказывал, что Емельян Ярославский, в ту пору секретарь Сиббюро ЦК РКП(б), несколько раз признавался, что ему-де очень неприятно, что в Новосибирск привезли Флориана Флориановича Федоровича. „Понятно, — возразила я. — Ведь если бы Федорович сидел в другой тюрьме, не в Новосибирске, Ярославскому можно было бы делать вид, что он об этом не знает“»²¹³. Комендант тюрьмы, в которой содержались социалисты, Зорька «давал свидания в неположенное время, например, можно было прийти вечером и попросить вызвать кого-нибудь», и любил похвастаться: «вот-де какие он создает хорошие условия для заключенных». Более того, он даже разрешил (наверняка, с ведома вышестоящего начальства) Федоровичу «отлучиться» на одну ночь из тюрьмы, лично отвел его на квартиру, где собрались жившие в то время в городе эсеры и бывший меньшевик И. М. Майский, который, по словам Свирской, «не хотел совсем рвать со своим прошлым», а рано утром увел его обратно в тюрьму. «Вечер удался на славу, — вспоминала Свирская. — Флорианчик был очень оживлен, острил, рассказывал...»²¹⁴.

Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что эти идиллические рассказы о «добрых» чекистах и комендантах тюрем соседствовали с теми издевательствами, которые творились в чекистских кабинетах и с обыкновенным мародерством даже видных чекистов. Ольга Чернова (приемная дочь В. М. Чернова) вспоминала: «А ентовую шубу, вероятно, Лацис взял себе на память о Викторе Чернове и его смелой дочке. Во всяком случае, шубу, как и мамин „портфель“, забранный Кожевниковым, мы никогда больше не увидели»²¹⁵. Ее предположение не кажется беспочвенным при чтении описания кабинета и самого М. И. Лациса, который допрашивал ее в 1920 г.: «Вероятно, это был кабинет одного из бывших директоров страхового общества. С потолка свешивалась хрустальная люстра, сверкавшая всеми подвесками. Пол был устлан узорным ковром, на котором лежали белые медвежьи шкуры; по стенам стояли мягкие кресла. <...> На белых стенах, украшенных позолотой, висели зеркала. <...> Самой красочной фигурой среди них (сидевших за письменными столами чекистов. — *К. М.*) был Лацис <...> Плотный и тяжелый, он придавал себе барственный вид — откинувшись на спинку кресла и поглаживая бороду холеной рукой, украшенной перстнями и золотым браслетом-цепочкой. <...> На нем был щеголеватый френч защитного цвета, из-под которого виднелись белоснежная рубашка и галстук»²¹⁶.

Нередки были и случаи, когда занявшие определенные посты в новой советской или партийной бюрократии помогали своим старым товарищам по борьбе. Так, в воспоминаниях М. Свирской есть рассказ о том, как в 1921 г. ее, только что выпущенную из Новосибирской тюрьмы под подписку о невыезде, устроил на службу упоминавшийся уже Майский, вступивший к тому времени в РКП(б) и впоследствии сделавший головокружительную карьеру (посол СССР в Англии в годы Второй мировой войны): «Работы по службе у меня было немного. <...> Все свое свободное время я посвящала передачам в тюрьму, а это было совсем не просто. <...> Муку и все остальные продукты обычно выделяли из своих пайков близкие нам люди <...> Для своих поездок по городу я пользовалась выездом Госплана. Кучер был в курсе моих дел, с его помощью я собирала передачи, затем отвозила их в тюрьму. <...> на одном из заседаний я получила записку от Сибпродкома Калмановича: „Могу Вашим опекаемым выделить несколько полушубков и валенок“. Однородную записку я получила от ведавшего Сибсовнархозом Козлова — о сапогах. Видимо,

совесть еще не совсем умерла в людях этого поколения. <...> я не отказалась от предложенных мне даров. <...> Из той муки, которую выделили для снабжения эмигрантов (иностранных рабочих, участников революционного движения в Венгрии и Германии. — К. М.), Майский распорядился выдать мне довольно значительное количество <...>²¹⁷.

Гнет старых революционных традиций ощущали на себе даже такие не склонные к мягкости и сентиментальности люди, как Ф. Ф. Раскольников. Видный эсер Марк Вишняк вспоминал, как летом 1918 г. он сохранил жизнь эсеру И. И. Фондаминскому. Изменив внешность и обзаведясь чужими документами, Вишняк и Фондаминский, пытаясь перейти Восточный фронт, плыли на пароходе по Волге и радовались, что проверка документов при посадке прошла благополучно. Но стоило им отчалить, как мимо них по палубе пробежал Раскольников, который вполне мог запомнить лицо Вишняка по первому (и единственному) заседанию Учредительного собрания. Вишняк поспешил предупредить об этом Фондаминского, который «благоразумия ради отсиживался в смежном с рестораном помещении». «Не успел я поделиться с ним неприятной новостью, — вспоминал Вишняк, — как дверь распахнулась и в нее вихрем влетел Раскольников. Не произнося ни слова, он уселся на подоконник и, мефистофелевски скрестив руки, молча уставился взглядом на Фондаминского. Я сидел рядом и переводил глаза с Фондаминского на Раскольникова и обратно. Раскольников <...>мог запомнить Фондаминского по его выступлениям в Учредительном собрании. Он мог знать Фондаминского и как „коллегу“: как комиссар Балтийского флота — комиссара Черноморского. Не поднимая глаз, а то отводя их в сторону, Фондаминский прикрывал верхнюю часть лица, снимая и снова надевая пенсне. Молчаливая дуль длилась недолго. Раскольников вскочил с подоконника и ринулся в дверь». Вишняк и Фондаминский были уверены, что арест неминуем, и решили разойтись в разные стороны, молча пожал друг другу руки²¹⁸. Однако ареста не последовало и на нужной им остановке они спокойно сошли с парохода, будучи до глубины души потрясены тем, что остались на свободе. Размышляя спустя годы о мотивах подобного поведения Раскольникова, Вишняк писал: «Мичман Раскольников представлял собою классический тип большевика — дерзкого до наглости и жестокого до беспощадности, и расправиться с нами или, по меньшей мере, задержать людей с подложными документами, очутившихся в верховьях Волги, когда по среднему ее течению проходил фронт гражданской войны, диктовал Раскольникову элементарный долг большевика. И он его нарушил явно и намеренно. Почему? В чем дело? И позже возвращались мы с Фондаминским не раз к этому вопросу. В согласии с общим религиозным уклоном, обозначившимся у Фондаминского, он объяснял „чудо“ тем, что и в большевике мог пробудиться образ человека и доброе начало могло одержать верх над злом: „он нас пожалел“. Мне такое объяснение и сейчас кажется искусственным. „Пожалев“ нас, Раскольников продолжал и в последующие годы свирепствовать, насиловать и убивать, не давая пощады. <...> Свое и Фондаминского чудесное спасение я склонен был скорее отнести не на счет пробудившейся в Раскольникове человечности или этики, а, скорее, на счет „эстетики“: изящная и благородная фигура Фондаминского расположила к себе и озверевшего большевика»²¹⁹.

«Элементарный долг большевика», по меткому выражению Вишняка, с ожесточением гражданской войны (да и после нее, когда социалистические партии стали даже еще опаснее как реальная более «мягкая» соци-

алистическая альтернатива «жестким» большевикам) диктовал большевикам все больше и больше, заставляя порывать с нормами и понятиями старой революционной субкультуры и ее морали. Но далеко не все коммунисты были готовы к этому разрыву, ибо в их сознании партийный долг коммуниста вступал в противоречие с долгом чести. Показателен диалог Е. П. Пешковой с сыном Максимом, признавшимся ей, что он, коммунист, не захотел поднять тревогу, встретив на улице одного из лидеров ПСР В. М. Чернова и узнав его, несмотря на измененную внешность. «Понимаешь, мать, по партийному долгу коммуниста я должен был бы немедленно задержать его. Но я не сделал этого, я не смог». «Кроме долга, Макс, — ответила ему Е. П., — на свете существует еще и честь. Не забывай этого. Когда она пересказывала нам этот разговор, — вспоминала впоследствии О. В. Чернова-Андреева, — видно было, что Е. П. гордилась своим ответом»²²⁰.

Но многие из старых большевиков, а также и из «новообращенных» были готовы на подчинение «чести революционера» «партийному долгу». Особенно хорошо это было видно на примере чекистов, среди которых были не только большевики, но и бывшие эсеры и анархисты, специализировавшиеся на допросах своих прежних товарищей. Эсерка Мина Свирская вспоминала о допросах в начале 1921 г., которые проводил начальник Секретного Отдела ВЧК (специализировавшегося на борьбе с социалистами и прочими «контрреволюционными политическими элементами») Самсонов, бывший анархист: «Ссылаясь на трудности, которые испытывает страна, он упрекал социалистов в том, что они используют для борьбы против советского правительства эти трудности, пытался убедить в том, что, когда эти трудности кончатся, социалистов арестовывать не будут, за ними-де никто не пойдет, и они не будут опасны. Теперь же они мешают»²²¹.

В том же духе разговаривали чекисты и с О. В. Черновой-Андреевой, которая вспоминала о своем допросе зимой 1920 г. чекистами Лацисом, Романовскими и Кожевниковым: „Поймите хорошенько, — неторопливо продолжал Лацис, — Виктор Михайлович наш враг, но он одновременно и наш друг. Он наш друго-враг и, пожалуй, нам достаточно поговорить с ним, потолковать часок, чтобы понять друг друга. Ведь только небольшая разница в методах разделяет нас. Он социалист, и мы во многом согласны с ним. И, если он, в свою очередь, сделает шаг для сближения с нами, мы вместе разрешим все недоразумения. Мы хотим с ним встретиться, понимаете? Так и передайте от нас Виктору Михайловичу“. Лацис продолжал поглаживать усы и бороду. Я молчала»²²². В воспоминаниях М. Свирской есть такой эпизод: «Во время одной из „бесед“-допросов у Самсонова в его кабинет зашел Дзержинский. Он молча постоял у стены, прислушиваясь к моей горячей защите Учредительного собрания, потом подошел ближе, к столу, и, обращаясь ко мне, сказал: „Субъективно вы революционерка, каких мы можем пожелать себе побольше, объективно же вы служите контрреволюции“»²²³.

Конечно же, целью всех этих разговоров было посеять сомнение в верности выбранного пути и подталкивание к пути уступок и прямого сотрудничества с властью. Такие разговоры вели с подавляющим большинством социалистов, явно и неявно склоняя их к сотрудничеству. В этой связи можно вспомнить излюбленную тему подобных «задушевных» разговоров с допрашиваемыми начальника Московской охраны С. В. Зубатова, которая сводилась к тому, что и он и власти также видят недостатки существующей системы и готовы к сотрудничеству с революционерами для ее

модернизации, вплоть до поддержки рабочего и профсоюзного движения. Другие жандармы эксплуатировали тему «Вы так молоды, подумайте о своем будущем, подумайте, что станет с вашими родными!». Любопытно, что аналогии с жандармами приходили в голову заключенным эсерам и в ходе процесса 1922 г. Так, например, 3 августа чекист, подписывавший свои донесения «Буревои», наблюдавший за Гендельманом, доносил: «В вечерний перерыв по пути наверх разговаривал с Ратнер о „красных жандармах“, переварившихся в чекистском котле»²²⁴.

Но, как правило, разговоры старых и новых охранников не достигали своей цели. Так, кстати, совсем еще молоденькая, М. Свирская на рассуждения Дзержинского о субъективном и объективном ответила: «Кто кому служит, покажет время. Я же служу Учредительному собранию!»²²⁵. Не стала она спорить и с Самсоновым по существу предлагаемых аргументов: «„Все это вранье, верить вам нельзя“, — сказала я и в подтверждение своих слов привела „честное слово“ Луначарского». Ответ Самсонова, который также не стал анализировать суть эпизода с Луначарским, поставленного партийными и чекистскими инстанциями в глупое положение, а предпочел сделать виноватой саму Свирскую, свидетельствовал о том, что Самсонов не захотел говорить по существу дела, с одной стороны, чувствуя скользкость темы, а с другой, ощущая шаткость своих позиций, не подкрепленных старой революционной традицией и этикой. «„Нашли кому поверить! Луначарскому! Эх, — засмеялся он, — поверили Луначарскому!“ — Самсонов произнес это таким тоном, словно виноваты были те, кто поверил, а не Луначарский, безответственно давший слово. „Сегодня вы говорите, что нельзя верить Луначарскому, завтра кто-нибудь скажет, что нельзя было верить вам“, — сказала я»²²⁶.

История с «честным словом» Луначарского произошла в феврале 1921 г. и Свирской была описана так: «В здании Плехановского института от имени ЦК партии большевиков и ВЦИКа должен был выступить со своим докладом о международном и внутреннем положении А. В. Луначарский. Переполненная аудитория, прежде чем предоставить слово Луначарскому, потребовала от него гарантии свободы слова и личности выступающих. Вынужденный всей обстановкой, Луначарский заверил аудиторию своим „честным словом“ и заявил, что ни один из выступающих не будет арестован. И тогда-то выступил с некоторыми положениями платформы социалистов-революционеров Шура Федодеев. Главным было: созыв Учредительного собрания. Это требование было единодушно поддержано железнодорожными рабочими. <...>

Едва мы вышли из зала, а затем из здания Плехановского института, агенты ЧК арестовали сначала Шуру, а затем пошедшую за ними Цилю. <...> „Будьте спокойны, вы не успеете доехать до дома, как они будут освобождены“, — заверил меня Луначарский, когда я дозвонилась к нему в час ночи. Но шли не часы, а дни, и друзья мои оставались в Бутырках. Снова добилась я встречи, теперь уже очной, с Луначарским. Узнав от меня, о чем идет речь, он весь съезжился, как от удара, и пробормотал: „Ну, что я могу поделать“. <...> На его „что я могу поделать?“ я ему сказала: „Только поддцы и негодяи дают безответственно честное слово“. После этого вышла»²²⁷.

Это инцидент ярко свидетельствовал о том, что Луначарский ощущал, как минимум, неловкость от всей этой ситуации и от своего не сдержанного честного слова. Своими разговорами и встречей со Свирской — эсеркой, вполне достойной ареста и долгого бессудного содержания в тюрьме (достойной, естественно, по новым представлениям властной элиты),

Луначарский явно показывал, что он еще не смог перешагнуть через старые представления и этические нормы, вступившие в конфликт с «элементарным долгом большевика». Отказ от разговоров, встреч и тем более арест Свирской, согласно нормам старой этики, окончательно превращал его в подлеца. Его попытка оправдаться своим бессилием, вероятно все-го, была искренней, но не спасала от беспощадного приговора Свирской. Любопытно и то, что Свирскую за поход в Кремль «очень осуждали» ее товарищи. Вероятнее всего за то, что она в попытке освободить товарища переступила допустимые пределы и границы. Нормой считалось писать заявления с протестами и требованиями об освобождении товарищей или смягчения условий их содержания (по этому поводу часто писали и сами заключенные) в самые разные инстанции. Но тут было важно не заступить за черту — позиционировать себя вне системы власти и ее правил игры, когда все заявление — это лишь предъявление требования к чуждому и враждебному миру, существующему в другой системе координат. Попытка же Свирской добиться выполнения представителем этого мира своего честного слова, да еще приняв его приглашение явиться в оплот и символ этой власти — Кремль, свидетельствовала о ее надежде на совпадение системы координат ее и противостоящего ей и ее товарищам мира власти, о вере в то, что отдельные представители власти «еще люди». Вывод, сделанный Свирской из этой встречи с Луначарским и осуждения ее поступка товарищами, также показателен: когда позже, уже в Сибири, ей передали о желании Е. Ярославского встретиться с ней, она ответила категорическим отказом.

Поминал Луначарскому его «честное слово» и смазчик Рязано-Уральской железной дороги Амвросий Михайлов. По обвинению в членстве в ПСР и «в призыве к организации забастовки на Р. -Ур. желез. дор. в феврале 1921 г., в систематической к.-р. деятельности и предложении политической антисоветской резолюции» после 13 месяцев заключения он был приговорен к 2 годам административной высылки в Великий Устюг. В перехваченном чекистами в июне 1922 г. письме он «считал своим долгом» сообщить об «этом своем частном деле» иностранным социалистам, приехавшим на защиту подсудимых 1-й группы, «не только потому, что они являются вождями и представителями международного социалистического пролетариата, но и потому что они являются защитниками членов партии социалистов в предстоящем судебном процессе, в котором государственным обвинителем выступает народный комиссар Луначарский»²²⁸.

Представляется, что постепенно в среде большевиков с дореволюционным стажем складывается своеобразный двойной стандарт, которому они вынуждены были следовать, с одной стороны, стоя еще на почве старой этики и ужасаясь тому, что творит их власть, с другой, не находя в себе сил назвать все происходящее своим именем, порой даже боясь самому себе признаться в этом. Помощью арестованным социалистам они всячески отделяли себя от таких наиболее грязных сторон большевистского режима, как, скажем, деятельность ЧК. И в то же время они опасались переступить ту грань, за которой их отделение от существующего режима могло уже рассматриваться как отступничество и сотрудничество с социалистами, объявленными врагами. Такая грань находилась ими, как правило, инстинктивно, и прекрасным примером подобной коллизии может служить эпизод «с детьми Чернова».

Когда чекистам не удалось арестовать самого В. Чернова, они отправили в тюрьму его семью — жену Ольгу Елисеевну, ее дочерей от первого брака Ольгу и Наташу и дочь Чернова Адю. Однажды утром к ним

в камеру вошла женщина, представившаяся как «Дивильковская, жена редактора „Известий“», которой лично Дзержинский разрешил взять на поруки десятилетнюю Адю. О. Чернова вспоминала, что в числе прочего Дивильковская говорила их матери, что «они все не одобряют целиком действий Чека и в своем кругу называют ее „Чересчурка“». Некоторое время спустя она забрала из тюрьмы и старших девочек. «Пока мы раскладывали вещи, — вспоминала О. Чернова, — Адя сказала нам, что Дивильковская очень заботилась о ней, укладывая ее на ночь на диване в их гостиной. Но когда Адя, не решаясь прямо просить о передаче для нас, навела разговор на тюремный режим, Дивильковская никак не отзывалась и „не понимала“». В первый же день между нею и сестрами произошел следующий разговор: «Слух о вашем аресте дошел до Ленина. Узнав, что детей Черновых держат в тюрьме, он очень возмущился и велел „немедленно прекратить этот скандал!“. «А то, — прибавила она опрометчиво, — Чернов воспользуется этим и даст знать за границу, а там это послужит пропаганде против большевиков“. Она сама не заметила, — отмечала О. Чернова, — как испортила впечатление от благородного гнева Ильича».

Вечером в гости (попав в семью Дивильковской, сестры Черновы оказались в «Национале», где жили тогда семьи ряда крупных советских и партийных чиновников) зашла старая знакомая, бывшая каторжанка, неоднократно гостившая у Черновых в эмиграции. Она показалась сестрам «странной: все время чего-то опасаясь, она тихо уговаривала» их «держат язык за зубами и даже не говорить громко в номере». Она напомнила им, что они «еще не на свободе, а находятся под надзором» и Дивильковская «отвечает» за них. Когда же Ольга спросила, почему так «ласково» — «чересчурка» — называют такое страшное учреждение, как ЧК, Дивильковская ответила, что «Комиссия борется с реальными врагами революции и неизбежно, что при ее работе происходят некоторые ошибки и преувеличения: „Лес рубят — щепки летят“»²²⁹.

Искусственность и двойственность ситуации, в которую попала Дивильковская вместе с другими старыми большевиками, раздвоенность ее сознания проявились отнюдь не только в этом постоянном своем дистанцировании от «чересчурки», но и в том, что она старательно подчеркивала, что помогает только детям Чернова, но ни в коем случае не эсерам. Она даже никогда не спрашивала у детей об их матери, которая все еще оставалась в тюрьме на положении заложницы.

Был и еще один способ не пойти против своих убеждений и при этом не встать в слишком уж явную оппозицию новой власти — стараться избегать таких ситуаций, в которых надо будет тем или иным поступком или словом продемонстрировать свою позицию. Так, меньшевик Б. Двинов в статье «Кровавая пошлость (Письмо из Москвы)» в «Социалистическом вестнике» описывал поведение многих видных коммунистов в связи с антиэсеровской демонстрацией 20 июня 1922 г.: «<...> очень много большевиков, и в том числе верхи, остались на дачах и не приехали в этот день на службу — „умыли руки“... Некоторые говорили: „под знаменами смерти я не демонстрирую!“ Но только на это их и хватило»²³⁰.

В противоречие с новыми «правилами игры» зачастую вступали и сложившиеся в «старое» время дружеские или даже просто приятельские отношения. О. Чернова вспоминала, что когда она с сестрой встретилась с бывшими одноклассниками и те узнали об их аресте и о том, что они, будучи освобождены под поручительство, находятся на положении заложниц, одна из девочек «набросилась на стоявшего рядом с ней тонкого, рыжеватого мальчика: „Троцкий! Какое безобразие вы делаете! Черновых

держат как наложниц!“ „Заложниц, Лена“, — поправили ее сестры. Но, возмущенная, она продолжала стыдить сына Троцкого и теребила его, дергая за рукав». Разумеется, им не разрешили вернуться в эту школу²³¹. В рассказанном эпизоде показательны два момента: с одной стороны, именно старая, еще не изжитая мораль родителей заставляла так реагировать детей большевистской и советской элиты на арест дочерей Черновых, с другой стороны, «высшее начальство», конечно же, не могло допустить, чтобы в одном классе учились сын Троцкого и дочери Чернова. То, что было нормой в 1917 г., стало совершенно аномальным в 1920 г.!

Постепенно новая власть все решительнее вторгалась и в личную жизнь тех, кто ее строил, внедряя в жизнь «новую мораль», согласно которой на первое место должны были быть поставлены не личные человеческие отношения, а политические взгляды и принадлежность к той или иной политической партии. На протяжении всей истории революционного движения в России браки между социалистами, принадлежащими к разным партиям, не были исключительным явлением. Эта традиция сохранялась и в социалистической среде, продолжавшей жить по старым нормам в политизоляторах и ссылках, и на протяжении 20—30-х гг., вплоть до их физического уничтожения. Но вот в среде новой коммунистической элиты эти своеобразные «смешанные браки» быстро стали абсолютно нетерпимы и подверглись остракизму. Ярчайшим примером непримиримого отношения чекистов и большевистских властей уже в начале 20-х гг. к тем коммунистам, которые не порывали со своими ближайшими родственниками-социалистами, сидевшими в тюрьме, может служить инцидент вокруг Вячеслава и Ксении Троцких. В начале 1922 г. чекисты перехватили письмо левой эсерки Ксении Троцкой, находившейся в больнице Орловской тюрьмы к мужу В. Троцкому, являвшемуся ни много ни мало членом Самарского губкома РКП(б). В этом письме, «отправленном нелегальным способом», она весьма ярко рассказывала и о визите в Бутырки Дзержинского и Самсонова («Первый — джентльмен, последний — собака, но и этот был корректен, хотя старался дать почувствовать, что от него зависит „вести войска“»), и об избитии политзаключенных при их насильственном развозе по губернским тюрьмам, предпринятом для ликвидации завоеванного ими «политрежима» — «маленькой автономной республики» («Одна из тов. дала пощечину бывшей здесь следовательнице по делам л.с.-р. Брауде — и ее страшно били и кулаками и ногами. Потом она долго лежала здесь в больнице. То же было у мужчин. Все были взяты голы и босы, и вещи всех пропали в Бут.»), и об условиях в Орловской тюрьме («Это каторжная тюрьма. <...> Тюрьма эта всегда славилась своей строгостью. <...> Все так же, нет только битья, зато у нас есть жертвы») ²³².

Письмо было перехвачено и легло на стол Самсонова, явно не обрадовавшегося нелестному эпитету. 15 февраля 1922 г. он отправил копию письма Ксении Троцкой зампреду ГПУ В. Р. Менжинскому со следующим комментарием: «Муж Троцкой через Самарский губком просит ее освободить. Мне думается, что Троцкую освободить ни в коем случае нельзя и, кроме того, нужно поднять вопрос в ЦК РКП о самом Троцком как коммунисте и члене губкома». ²³³ От Менжинского письмо было направлено Г. Ягоде, который поставил на сопроводительном письме Самсонова следующую резолюцию: «Полагал бы возбудить вопрос в ЦК РКП. Послать туда указ[анное] письмо». ²³⁴ Чем кончилось дело для В. Троцкого, мы можем только догадываться, но реакция чекистской верхушки абсолютно однозначна и, на наш взгляд, в комментариях не нуждается.

Примечателен и другой эпизод. Один из осужденных по процессу 1922 г., Г. Л. Горьков, был когда-то женат на большевичке и имел взрослого сына, жившего вместе с матерью под Саратовом. В 1923 г., после окончания тюремного срока, он был из Москвы отправлен в ссылку в Астрахань. Воспользовавшись случаем, он попросил о свидании с женой и сыном, и чекисты на встречу его с женой согласились. В разговоре бывшая его жена, воспитавшая сына-комсомольца, всячески демонстрировала свою лояльность власти и дистанцировалась от бывшего мужа, показывая, что их больше ничего не связывает. Выглядело это как демонстрация «правильного поведения»: Г. Л. Горьков пытался расспросить ее о сыне и о ней самой, а она ему буквально навязывала разговор на политические темы, интересуясь, в том числе, знаком ли он с Лениным и Троцким и т. д.

Но были и примеры обратного свойства, показывавшие, что часть старых большевиков игнорировала новые правила игры, решаясь даже на браки с социалистками. Мина Свирская вспоминала, что во время своего пребывания в Новосибирске в 1921 г. познакомилась со старым большевиком Василием Федоровичем Анучиным, имя которого было ей известно в связи с подпольной работой против Колчака, и была «крайне удивлена», узнав, что он собирается жениться на эсерке Л. И. Брудерер, вдове эсера А. Брудерера, расстрелянного колчаковцами (впоследствии сама Свирская вышла замуж за племянника Л. И. Брудерер)²³⁵.

Но подобные ситуации были, скорее, исключением из правила, и такого рода отношения складывались благополучно, если людям удавалось исключить «политику» из своих личных отношений. В большинстве случаев попытки, даже искренние, сохранить старые отношения, порождавшие, в том числе и ностальгическими воспоминаниями и глухим чувством несправедности творимого, не могли длиться долго. Искусственность и неестественность подобных ситуаций, как правило, ощущались весьма остро и коммунистами и социалистами. Так, Свирская вспоминала провал попытки Майского устроить в 1921 г. в Новосибирске: «нечто вроде „ассамблей“ у Темкиных, на которых собирались бы люди литературы, искусства, беседовали бы, обменивались бы мнениями. <...> Иван Михайлович вспоминал часто о таких же собраниях в Лондоне в пору эмиграции, где его бывшая жена Нина Петровна Высоцкая (член ЦК партии с.-р., избранная на III съезде) умела объединить людей разных политических взглядов и сделать такие собрания содержательными и интересными. Но все, что происходило в Лондоне, плохо прививалось в Новосибирске. То ли потому, что не было такой объединяющей всех фигуры, как Нина Петровна, то ли потому, что слишком обострились отношения между представителями различных партий. Все усилия Майского создать непринужденную обстановку на двух состоявшихся у Темкиных вечерах не удалась»²³⁶.

Одним из мест схватки между старой и новой моралью стал процесс 1922 г., на котором разгорелась интереснейшая дискуссия, суть которой великолепно уловила Е. М. Ратнер, сказавшая, что эксперименты коммунистов с моралью привели их к тому, что они теряют право называться даже просто честной партией²³⁷.

И если реакция на поведение Г. И. Семенова, Л. В. Коноплевой и других обвиняемых 2-й группы со стороны эсеров была достаточно предсказуема, то негативная оценка их поступков частью коммунистов, еще не разорвавших со старыми и более привычными для себя нормами поведения, была, с одной стороны, неожиданна для властей, с другой — представляла угрозу выстроенному сценарию процесса. Первым угрозу

почувствовал Л. Д. Троцкий, который уже 19 марта 1922 г. в записке в редакции «Правды» и «Известий» (копия в Политбюро) восклицал: «Нельзя ни в коем случае создавать впечатления, будто бы в оценке Семенова мы молчаливо сходимся с эсерами, но только считаем нужным использовать его»²³⁸.

Независимо от Л. Д. Троцкого желание переломить столь неудобную для ренегатов ситуацию «двойного» осуждения (как со стороны бывших товарищей по партии, так и со стороны части большевиков) испытал зам. председателя ГПУ И. С. Уншлихт, который 22 марта 1922 г. обратился в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением об издании специального партийного циркуляра в отношении членов РКП(б), ранее состоявших в других политических партиях. Констатируя, что «в связи с брошюрой тов. Семенова для ряда т.т., имеющих общее с ним прошлое, а теперь находящихся в наших рядах или работающих фактически, как коммунисты, создалось совершенно невыносимое положение. <...> Для мешанской психологии они являются авантюристами, убийцами, взломщиками, „темными личностями“. Для психологии, связанной с с.-р. работой людей и для самых с.-р. они к тому же ренегаты, предатели и провокаторы», в то время как «для ГПУ моральная чистота побуждений этих товарищей вне сомнения», «ГПУ просит ЦК РКП издать специальный циркуляр, <...> дающий общие указания об отношении партии к роли Семенова, Коноплевой и др.», а также «применять в отношении мешански мыслящих элементов партии, проявляющих враждебное отношение к бывш[им] с.-р., принимающим участие в разоблачении п.с.-р., решительные меры»²³⁹.

Реакцией на письма Троцкого и Уншлихта стало постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 23 марта 1922 г., поручившее Оргбюро составить «циркуляр, разъясняющего обязанности членов РКП — вышедших из других партий», а «т.т. Преображенскому и Ярославскому написать статьи относительно Семенова», переговорив «о характере и тоне статей» с Л. Д. Троцкий²⁴⁰.

Первая статья подобного рода появилась уже в этот же день в «Правде» под заголовком «В ожидании суда» и была написана Л. С. Сосновским. Утверждая, что «по Чернову, ренегатами называются все те, кто отвернулся от партии с.-р., и пошел за коммунистами. Тогда Коноплева находится не в плохой кампании. Таких ренегатов миллионы»²⁴¹, автор сознательно смешивал два совершенно разнородных явления, лежащих в разных плоскостях: отказ миллионов идти за той или иной партией и их поддержка другой партии отождествлялась с поведением перебежчиков-разоблачителей из одной партии в другую. К этой же тактике подмены понятий прибег в статье «Общее дело контрреволюции» 28 марта 1922 г. в «Правде» и Ем.Ярославский: «Пусть эти люди годами ошибались, пусть делали тягчайшие ошибки. Но что это за „клятва крови“, которую нельзя нарушить членам партии эс-эров, когда они видят, как ЦК ПСР стал явно контрреволюционной организацией!.. Семеновы и Коноплевы хотят делать общее дело с революционным пролетариатом и крестьянством... Всякий честный рабочий и крестьянин это поймут теперь, когда Чернов и К^о делают невероятные усилия уйти от гласного суда, а Семенов и Коноплева отдают на суд всей трудовой России поступки свои собственные и той партии, которая обманула их и всех трудящихся»²⁴².

В связи с процессом разгорелась дискуссия и на IX Московской губернской конференции РКП(б) между Л. Б. Каменевым и Д. Б. Рязановым. Впрочем, выступление Каменева было не столько дискуссионным, сколько призывавшим к «оргвыводам». Рязанов подверг критике партийную позицию на процессе с.-р., и заявил, что Каменев в своем

обстоятельном докладе умолчал о наличии разных точек зрения в партийной среде на процесс, в том числе и в связи с использованием таких одиозных фигур, как Семенов и Коноплева: «<...> Читайте показания Семёнова, читайте показания Коноплевой, и вы увидите, в какое неудобное положение мы попадаем, имея группу, по поводу которой даже старик Кон должен говорить длинные речи, чтобы оправдать их мораль. <...> даже среди товарищей вызывают чувство отвращения к себе, когда так делают, как тов. Ратнер, <...> когда он так легко нападает на ту сторону»²⁴³.

Ответ Каменева заслуживает самого пристального внимания, ибо он позволяет судить не только о логике организаторов процесса, но и о ментальности большевистских лидеров, подобных ему, увидеть его аргументы, подмену понятий и готовность к навешиванию ярлыков вместо аргументированного ответа оппоненту: «С этой речью к нам <...> вошли отклики той клеветы и той травли, которая ведется во всей международной литературе против коммунистов по поводу этого процесса. <...> он пытался опорочить возможный смертный приговор, играя на разделении между двумя группами подсудимых и пытаясь доказать, что если кто-нибудь заслуживает смертного приговора, то это морально запачканные люди в лице Семёнова и Коноплевой <...> Здесь Рязанов говорит, что люди, которые разоблачают партию эсеров ради партии коммунистов, морально запятнаны <...>. Я имею сделать предложение конференции, <...> стенограмму речи Рязанова из стенограммы изъять и направить в ЦК <...> нельзя же, чтобы в такой момент устами т. Рязанова с нами говорила чуточку подкрашенная идеология г. Чернова. На коммунистической конференции этого допускать нельзя. Мы должны принять меры. Если речь Рязанова донесется до тех сотен тысяч рабочих, которые действительно вышли по нашему призыву, которые не считают Семёнова и Коноплеву за то, что они разоблачили Гоца, морально запятнанными людьми, которые говорили, что Пятаков должен вынести соответствующий приговор каждому обвиняемому и для Гоца не должно быть исключения, потому что он Гоц, то какое будет впечатление? <...> если здесь на собрании столь почтенный человек, как Рязанов, произносит эту речь, что же должно произойти в головах рабочих?»²⁴⁴.

В этом ответе Каменева интересно и симптоматично все: и его логика и его аргументы, но особенно интересно то, что когда Рязанов кричит из зала — «Стенограмма», имея в виду, что Каменев приписывает ему то, что он не произносил, и призывая заглянуть в стенограмму, то в ответ Каменев предлагает отправить стенограмму речи Рязанова в ЦК. Фактически те приемы, которые использовал в полемике против Рязанова Каменев, удивительно похожи на то, что ранее применял Ленин, а позже и Сталин в борьбе со своими оппонентами. Рязанов же становится жертвой собственного «двойного стандарта», когда он, с одной стороны, критикует действия и мораль большевистской верхушки, которая организовала на процесс группу подсудимых-ренегатов, с другой — рассыпается в похвалах Пятакову, делает реверансы Каменеву и своей непоследовательностью, двойственностью производит крайне неубедительное впечатление. Несколько лет спустя так же противоречиво и путано будет выглядеть позиция самого Каменева под ударами прямолинейной и цельной логики И. В. Сталина, умевшего на вопрос о том, какой из партийных уклонов хуже — левый или правый, отвечать: «оба хуже». Сталин будет абсолютно убедителен в рамках этой логики, логики недопустимости любого инакомыслия не только в стране, но и в партии, логики, у истоков которой, впрочем, стоял вовсе не он.

Двойной стандарт в поведении ряда высокопоставленных коммунистов проявился и в том, что, не протестовавшие против позиции своей партии в связи с процессом над эсерами, оказавшись в одном санатории с Семеновым и Коноплевой, куда те были отправлены после отмены их смертного приговора, они демонстративно избегали и бойкотировали их (как пишет об этом в своей книге М. Янсен).

В борьбе, разгоревшейся вокруг формулы приговора подсудимым 1-й группы (то, что подсудимые 2-й группы купили себе свободу ценой сотрудничества с властью, было ясно с самого начала), ярко отразилась борьба двух линий, имевших место в большевистском руководстве по отношению к эсерам (да и социалистам в целом). Не ставя перед собой задачи проследить и проанализировать все этапы и хитросплетения этой борьбы, остановимся на нескольких моментах, показательных в рассматриваемом нами контексте. Прежде всего необходимо отметить, что борьба вокруг приговора шла в двух формах: открыто, публично и конспиративно, «подковерно». Первая нашла свое отражение в большом количестве официальных документов (решение Берлинской конференции трех Интернационалов, т. н. «нота Курского», обращения и протесты, адресованные Советскому правительству различными общественными организациями и частными лицами). Вторая же была результатом разногласий, имевшихся в большевистском партийном руководстве.

После того, как представителями Коминтерна было подписано Берлинское соглашение трех Интернационалов о невынесении смертного приговора на процессе с.-р., большевистские лидеры приложили немало усилий для того чтобы дезавуировать этот поступок. В. И. Ленин считал, что за сохранение единого фронта большевики «заплатили слишком дорого», пойдя на уступки мировой буржуазии и не получив ничего взамен²⁴⁵. Постепенно были найдены такие формулировки: «суд, независимо от данных политических обязательств, будет решать по совести, сообразно со следствием дела. Если бы, однако, суд вынес кому-нибудь из обвиняемых смертный приговор, то выполнение нами (большевиками. — К. М.) политического обязательства состояло бы в амнистии через высший политический орган страны, через Президиум ВЦИК»²⁴⁶. Затем решено было заявить от имени ИККИ, что поскольку «всемирный рабочий конгресс для организации кампании против наступления капитала» не был созван по вине 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, «Российская Коммунистическая Партия решительно ни в чем не связана теперь берлинским соглашением». Но в целях сохранения единого рабочего фронта отказывается от приведения в жизнь смертного приговора, т. к. «не может быть сомнений в том, что приведение вполне заслуженного эсерами приговора в исполнение при настоящей обстановке облегчило бы вождям 2-го и 2 1/2-го Интернационалов их попытку удержать под флагом буржуазии значительные слои рабочих, продолжающих еще доверять реформистам»²⁴⁷.

Нельзя не отметить, что выступавшие против вынесения смертных приговоров аргументировали свою позицию отнюдь не гуманистическими побуждениями, а соображениями политической целесообразности, опасениями, что смертный приговор подсудимым-эсерам негативно отразится на отношении международной общественности к Советской России и большевистской партии²⁴⁸.

В фонде Н-1789 ЦА ФСБ РФ в отдельной папке хранится подлинник черного проекта постановления Президиума ВЦИК, подписанный 8 августа 1922 г. И. В. Сталиным, А. И. Рыковым, М. И. Калининым,

М. П. Томским, Я. Э. Рудзутаком, Петровским, Д. И. Курским, А. С. Енукидзе, Сапроновым, Л. Б. Каменевым²⁴⁹. Судя по правке в тексте проекта, борьба развернулась только за «постановляющую часть», все остальное вошло в окончательный вариант Постановления без изменений. Что же было изменено в ходе обсуждения? Во-первых, все четыре фразы, относящиеся к приговору подсудимым 1-й группы. В проекте постановления они звучали так: «Определение Верховного трибунала в отношении к подсудимым первой группы, приговоренных к высшей мере наказания, утвердить, но в исполнение не приводить. Если партия социалистов-революционеров, в лице своих руководителей и учредителей, фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать».

Наоборот: изменения партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно и автоматически поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа.

Как приговоренные к высшей мере наказания, так и присужденные к долгосрочному заключению обвиняемые первой группы, остаются в строгом заключении»²⁵⁰.

В отредактированном виде эта часть стала выглядеть так: «Приговор Верховного трибунала в отношении к подсудимым первой группы, приговоренных к высшей мере наказания, утвердить, но исполнением приостановить».

Если партия социалистов-революционеров, фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать».

Наоборот: изменения партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа.

Как приговоренные к высшей мере наказания, так и присужденные к долгосрочному заключению, остаются в строгом заключении»²⁵¹.

Куда более радикальной переделке подверглась та часть проекта постановления, в которой говорилось о судьбе подсудимых 2-й группы (написанная Л. Д. Троцким): «Что касается подсудимых второй группы, совершивших в свое время, под руководством подсудимых первой группы, тягчайшие преступления против рабочего класса и революции, но искренно раскаившихся и доказавших в дальнейшем своим поведением свою готовность служить рабоче-крестьянскому государству в качестве честных граждан, Президиум ВЦИК, отвергая, в соответствии со всем духом революционного правосознания, месть за прошлое, постановляет: [таких-то] от наказания освободить»²⁵².

После прений текст радикально изменился: «В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного Трибунала о полном освобождении их от наказания удовлетворить»²⁵³.

Сталин начертал: «За — Сталин», остальные (кроме Каменева) просто расписались. Каменев написал: «Я за то, чтобы по отношению к Игнатьеву, Семенову и пр. сохранить мотивировку т. Троцкого». Если вспомнить, как Троцкий еще в мае сделал замечание пропагандистской машине за то, что она глушит бранными словами всех без разбору, то легко увидеть, что именно формулировка Троцкого больше отбечала делу внесения раскола в эсеровскую среду путем поддержки ее колеблющихся элементов, которых недвусмысленно приглашали каяться взамен на прощение. Почему вся остальная большевистская верхушка «зарезала» формулировку Троцкого, можно только гадать, так как обсуждение их спора не было зафиксировано.

Одним из наиболее ярких проявлений того, что для многих членов правящей партии (в том числе занимавших в ней или в государственных и судебных органах достаточно высокие посты) человеческие отношения еще имели больший вес, чем политические пристрастия, и в обществе еще не возобладали мнение, что «органы не ошибаются», было большое количество ходатайств коммунистов за арестованных и осужденных социалистов и анархистов. Можно сказать, что далеко не все старые большевики сумели быстро «перестроиться» и стать правильными коммунистами — и долго еще из них (да и сами они в порядке самоцензуры) выдавливали остатки старой революционной этики и морали. В результате поведение их выглядело порой крайне непоследовательно. Даже Крыленко, председатель Верховного Трибунала ВЦИК и государственный обвинитель на процессе с.-р. 1922 г., требовавший для обвиняемых 1-й группы самых суровых мер наказания, в декабре того же года освободил из тюрьмы эсера Б. В. Бабина в память об их давних дружеских отношениях (в 1909 г. они квартировали у одной хозяйки, а после горячих идеологических споров на собраниях в Психоневрологическом институте «вместе шли домой и садились играть в шахматы», потому что «партийные разногласия никак не влияли на личные отношения») ²⁵⁴. Б. А. Бабина вспоминала: «Как, например, освободили моего мужа после первого ареста? Я пошла к Крыленко, который хорошо был с ним знаком. Спрашиваю: „Долго еще мой муж должен сидеть без всякой причины?“ Крыленко сказал: „Ваш муж — человек, которого я очень уважаю и люблю. Передайте ему, что у меня о нем самые лучшие воспоминания“. — „Муж сидит уже около года!“ — „Вы можете дать мне слово революционера, что не занимаетесь активной вооруженной борьбой?“ — „Могу“. — „Больше мне ничего не надо. Будьте спокойны, ваш муж скоро будет дома“. И через день мужа освободили. Это было в декабре 1922 года.

Или еще одна история. В начале 1925 года мужа моего снова выпустили из-под ареста (тогда уже он сидел в связи с Соловками). Моему сыну тогда было 13 лет. Они вместе с сыном Гельфгота решили отомстить за старых революционеров. Мы ни о чем не догадывались, у них была строгая конспирация. Они отправились в Прокуратуру РСФСР, и сын подал записку с просьбой, чтобы его принял прокурор по надзору за ОГПУ Катанян, поговорить о деле своего отца, участника Московского восстания. Сын Гельфгота остался ждать внизу, а мой сын отправился наверх. У него был маленький „бульдог“, куда он налил глицерину, считая, что это одно и то же с нитроглицерином и что от этого револьвер лучше будет стрелять. Мальчик подошел к столу Катаняна, где сидел его заместитель Зеленин, и направил на него свой „бульдог“. Тот полез под стол от страха. Моего сына сразу схватили,

привели второго компаньона — Мишу Гельфгота. Мальчиков заперли в одной из комнат. А мы дома ничего не знаем и волнуемся: ночь, а сына нет дома.

За нами пришли и увезли в тюрьму. К арестам я тогда уже привыкла. Вызывают на допрос к следователю Вере Браудо, бывшей эсерке, прославившейся своими следствиями по эсеровским делам. Потом она умерла в Воркуте. Она меня спрашивает: „Как вы воспитываете своих детей?“ Я удивилась: „Какое вам до этого дело?“ Тут она и рассказала, что сделал мой сын. Я была настолько ошеломлена, что она сразу поверила в мою непричастность и тут же дала мне свидание с мальчиком. <...>²⁵⁵.

Впрочем, объективности ради, следует отметить, что последняя история супругами Бабиными, отправленными в ссылку «на 3 года в Область Коми» за то, что их сын <...> пытался выстрелить из детского револьвера «Монтекристо» в прокурора Катаньяна», как это видно из их заявления от 6 апреля 1927 г., в то время трактовалась совсем не так пасторально, как об этом вспоминала мемуаристка более полувека спустя: <...> По прибытии к месту ссылки, мы написали протест на имя Прокурора Верхсуда, надзирающего за делами ОГПУ, в котором, помимо формальных соображений, указывали на то, что если даже стать на точку зрения, что родители-воспитатели несут моральную ответственность за поступки своих воспитанников, то на нас не может быть возложена и такая ответственность в виду того, что наш ребенок — больной, у которого мотивы действий не лежат в рамках нормальной закономерности душевной жизни, а имеют свою патологическую закономерность: неустойчивость, контрастность и случайность внушений, с которыми нам самим обычно трудно было бороться уже несколько лет до того, почему мы не раз обращались к психиатрам (Россолимо, Присман, Рабинович, Кашенко, Гуревич, Озерецкий), изучившим ребенка и давшим ясный диагноз его болезни. Мы настаивали на пересмотре нашего дела на основе диагноза экспертов, но ответа на наше заявление не получили.

...Ссылаясь на все вышесказанное, мы вторично настаиваем на пересмотре нашего дела»²⁵⁶.

Конечно, с учетом того, что ребенок страдал серьезным психическим расстройством и наблюдался у известных психиатров, вся история предстает совсем в ином свете и действия властей даже при большом желании трудно назвать «человеколюбивыми».

Б. А. Бабина вспоминала также о ходатайстве Г. К. Орджоникидзе за эсера В. Мерхалева, арестованного в 1920 г. в Краснодаре по обвинению в участии в расстреле 26 бакинских комиссаров: «В это время донесся слух, что фронт обьезжает Орджоникидзе, и что его вагон стоит в Краснодаре. Мой муж посоветовал жене Мерхалева добиться свидания с Орджоникидзе, который довольно хорошо знал Володю по Баку. Пошли вместе, и попали в вагон. Орджоникидзе выслушал Володину жену и тут же дал ей записку к начальнику тюрьмы с просьбой освободить Мерхалева, т. к. к расстрелу 26 бакинских комиссаров он не имел никакого отношения, и Орджоникидзе это точно знал. Володую тут же выпустили»²⁵⁷.

Видный большевик Д. Б. Рязанов в своем заявлении на имя председателя ВЧК от 15 января 1921 г. брал на поруки члена ЦК ПСР Д. Д. Донского, заявляя: «Ручаюсь, что он не будет предпринимать никаких активных шагов против Советской власти». Резолюция Ф. Э. Дзержинского гласила: «Освободить, взяв подписку о невыезде без разрешения и что настоящее ручательство т. Рязанова ему объявлено»²⁵⁸. М. Свирицкая вспоминала, как в 1921 г. благодаря заступничеству двух коммунистов был

выпущен из Новосибирской тюрьмы эсер С. К. Тарабукин: «Степан Кузьмич Тарабукин чувствовал себя крайне плохо, и его состояние очень беспокоило его друзей: сказывалась длительная голодовка. Майский узнал об этом и сказал, что постарается что-либо предпринять. Как-то он попросил принести к нему в комнату пишущую машинку и стал на ней что-то печатать. Вынув из машинки напечатанную бумажку, он расписался на ней и протянул мне. Это было ходатайство об освобождении Тарабукина по состоянию здоровья под поручительство Майского и Темкина. Темкин тоже отлично знал о состоянии Тарабукина, у меня с ним были самые добрые отношения, но сам он инициативы в этом вопросе не проявил. Я сказала Майскому, что мне не хочется просить его о подписи. „Да я вам этого и не предлагаю“, — сказал Иван Михайлович, положив это отношение к себе в портфель. Вечером, когда я была у Темкиных, туда приехал Майский и показал мне ходатайство, уже с подписью Темкина. Сам же Майский и повез это отношение в Сибчека и оттуда позвонил Темкину, чтобы он прислал лошадь за Тарабукиным»²⁵⁹. Очевидно, что перечисление подобных примеров можно продолжать...

Привлекает внимание следующий эпизод. После демонстративного ухода через две недели после начала процесса над с.-р. адвокатов 1-й группы подсудимых к некоторым из них были применены административные высылки в провинциальные города. За одного из них на очень интересных условиях заступилась фракция РКП при ВПСО, приславшая в ГПУ выписку из протокола своего заседания. В этом документе коллеги-коммунисты просили «оставить Карякина в Москве, как лучшего защитника рабочих и крестьян на процессах во время царского правительства, причем фракцией одновременно с сим, с Карякина взято обязательство о согласовании всех его публичных выступлений с мнением и решением фракции». Характеристика Карякина чекистами была краткой — «антисоветский деятель», но тем не менее такой симбиоз «самоцензуры» известного адвоката Карякина и цензуры со стороны его коллег СО ГПУ вполне устроил, и это ходатайство было удовлетворено²⁶⁰. Такого история и практика русской адвокатуры, без сомнения, еще не знала!

Ценнейший материал для анализа нам дает уникальный список ГПУ, направленный чекистами в ЦК РКП(б) в феврале 1923 г. для рассмотрения и принятия мер. Это был список коммунистов, ходатайствовавших за арестованных или сосланных за «антисоветскую деятельность» общественных деятелей, священников, социалистов и анархистов (последние преобладали). Документ был выполнен в табличной форме и назывался «Список членов РКП(б), ходатайствовавших за членов антисоветских политических партий». В графах документа фиксировались: Фамилия, имя и отчество, № партбилета, адрес просителя; содержание ходатайства; фамилия, имя и отчество лица, за которое ходатайствуют; в чем обвиняется, краткая характеристика обвиняемого. Последняя графа содержала примечания, частью напечатанные на машинке, частью написанные рукой помощника начальника СО ГПУ А. А. Андреевой, чья подпись и стоит под этим документом, датированным 5 февраля 1923 г. Обращаясь к анализу данных этого списка, прежде всего необходимо отметить, что, как обычно бывало в это время — время низкого уровня ведения делопроизводства и оформления бумаг — чекисты небрежно заполнили графы, не выдерживая ими же самими заданных параметров — не сообщив в ряде случаев инициалов, номеров партбилетов, адресов просителей и ограничиваясь порой в характеристиках весьма кратким — «антисоветская деятельность».

Итак, кто же за кого заступался? В. Таратутта ходатайствовал «об освобождении на 1 1/2 месяца для лечения» Таратутты Ольги Ильиничны, о которой чекисты писали: «махновка, занимала видное положение в махновском движении, была полномочной представительницей Батки Махно и активным членом конфедерации „Набат“»²⁶¹. За нее же ходатайствовали еще три коммуниста — Пятаков, А. Краснощеков и С. В. Косиур, просившие, впрочем, об «изменении места ссылки в Устюг на г. Москву» (просьба была «отклонена»). То, что сама формулировка, написанная чекистами звучала анекдотично — рассмотрение Москвы в качестве места ссылки, вряд ли было случайностью, подобные приемы, шаржировавшие то, что не нравилось чекистам, мы встречаем иногда и других документах, адресованных «наверх».

Ф. В. Бирулина просила об «освобождении из лагеря» Бирулина Михаила Владимировича, о котором сообщалось: «махновец, работал в представительстве Махно и конфедерации „Набат“. Призывал к истреблению коммунистов, евреев и к борьбе против Соввласти. („Отклонено“»)²⁶². Евгения Соломоновна Коган и Коган Сарра Соломоновна ходатайствовали об «освобождении на 2 месяца для лечения» Когана-Левина Марка Соломоновича, охарактеризованного ГПУ как «анархист-подпольник, экспроприатор». В примечаниях рукой Андреевой написано: «Был освобожден. Скрылся и работал подпольно. Арестован»²⁶³. Рейдман (Харьковский) и Липовецкий (Харьков) выступили с поручительством за анархистов Барона Арона Давидовича и Чарина Ивана Александровича, что они «не будут заниматься антисоветской деятельностью». А. Д. Барон характеризовался чекистами как «руководитель конфедерации и махновского движения», а И. А. Чарин как «полномочный представитель Махно и член конфедерации „Набат“». По словам Андреевой, оба «были освобождены У[краинской]ВЧК. Работали подпольно. Арестованы. Высланы в лагерь»²⁶⁴.

Самуил Давидович Шеерсон и Меклер М. С. (оба — члены РКП(б) с 1919 г.) просили ГПУ об «освобождении под поручительство Шеерсона Моисея Давидовича. Несмотря на то, что сами чекисты характеризовали его всего лишь: Бывший с.-р. Сейчас беспартийный. Оказывал содействие по личному знакомству видному члену с.-р., ходатайство было отклонено и М. Д. Шеерсона выслали»²⁶⁵. Матавкин и Корбин Е. просили об «освобождении на поруки» Прохорова А. В., о котором чекисты сообщали: «Партийность не установлена. Систематически оказывал содействие п.с.-р. Ходатайство отклонено. Выслан»²⁶⁶.

Лозовский ходатайствовал об «освобождении по поручительству и отмене ссылки» для Соболевой А. В. — бывшей эсерки, которая «имела связь с.-р.». Была освобождена²⁶⁷. Л. Б. Каменев просил отменить ссылку и освободить под поручительство двух бывших членов ЦК ПСР, а затем лидеров МПСР К. С. Бурового и Н. И. Ракитникова, охарактеризованных чекистами «как беспартийные, бывш. члены МПСР». Оба были освобождены. Также была удовлетворена и другая просьба Л. Б. Каменева — об освобождении и «предоставлении свободного проезда к месту ссылки» тяжело больного Владимира Натановича Каплана — «члена Одесского комитета ПСР, активного с.-р.»²⁶⁸. Об освобождении В. Н. Каплана просил и Е. Воронов («пом. комбрига Черниговского I конного корпуса Червоного казачества») ²⁶⁹.

Старый народовец, а затем большевик, пламенно клеймивший эсеров на процессе, Ф. Кон просил «не арестовывать» и отменить ссылку для старого же народовольца, а позже эсера Василия Сухомлина, о котором чекисты писали — «старый, но не активный член п.с.-р.». Просьба Ф. Кона была «удовлетворена» и Сухомлин — «не арестован»²⁷⁰.

Андреев («из ВЦСПС») и Б. Л. Малкин просили об «отмене ссылки» для А. Е. Бейлина, но их ходатайство отклонили. Об их протезе чекисты писали: «Б[ывший] член Всеукр. Ком. ПСР, сейчас член п.с.-р. Имел связь с нелегальными с.-р. и оказывал им содействие»²⁷¹. Рыков («зам. пред. Совнаркома») и Губин («директор Правления сланцевой промышленности») просили «освободить из концлагеря» Цванцигера («С.-р. Вне партии. Был связан с белогвардейской организацией Таганцева, оказывал им содействие») и их просьба была удовлетворена²⁷².

Бывший крупный меньшевик Л. М. Хинчук («из Центросоюза») ходатайствовал об освобождении Лотошникова («Ст. видный член п.с.-р. Принимал участие в нелегальн[ой] работе до посл[еднего] времени», как написала Андреева). Просьба его была «отклонена». Точнее, было принято компромиссное решение: «освободить «на 7 дней»²⁷³. Хинчук же просил о предоставлении «свободного проезда к месту ссылки» эсеру Белованцеву [Беловинцеву] («Старый член п.с.-р. был связан с нелегальными с.-р.»). Эта просьба удовлетворена не была²⁷⁴. Такая же судьба ожидала и ходатайство Хинчука за видного меньшевика Бронштейна-Гарви Петра Абрамовича, которого он просил «освободить как больного или заменить место ссылки». Чекисты обвиняли его протезе «по 72-й ст. Уг. код., член РСДРП, активный член партии правого течения, держал связь с Украиной, препровождал туда нелегальную литературу. Член партии с 1899 г.»²⁷⁵.

Яковенко (нарком земледелия), Шефлер (зам. наркома земледелия), Соколов (член коллегии Наркомзема) ходатайствовали «ввиду поручительства Шефлер и Соколова» об «отмене высылки как ответственного и незаменимого работника» одного из теоретиков и лидеров ТНСП А. В. Пешехонова (характеризовался как «антисоветский деятель») ²⁷⁶.

Иван Никитич Смирнов прислал в ГПУ письмо, по словам чекистов, гласившее, что «Максимов, б[ывший] л[евый] эсер, в 20 г. отошедший от всякой политической работы; кроме мелких товарищеских услуг (ночевки и т. д.) ничего не будет делать», а потому «в силу болезненного состояния Максимова — туберкулеза правой простреленной руки, просьба не высылать». По оценке чекистов, Максимов Георгий Николаевич был «непосредственно связан с подпольем партии лев. с.-р. и организац. студенчества». Тем не менее эта просьба была выполнена²⁷⁷.

Б. Смирнов («управделами Всекопромсоюз») от имени союза ходатайствовал за Сигова Петра Петровича и Пределина Федора Дмитриевича, констатируя: «По сведениям Всекопромсоюза ни одно из указанных лиц в партийной и политической жизни участия не принимают, в кооперативной же работе оба проявили себя лицами вполне лояльными и никакой враждебности по отношению к Соввласти не обнаружили. Вместе с тем в области промкооперации оба указ. лица являются в высшей степени нужными и ценными работниками, добросовестно проводящими в жизнь все начинания Соввласти и целью своей ставящие исключительно дело развития промысловой кооперации и укрепления ее наряду с другими хозяйственными организациями РСФСР». Сигов обвинялся чекистами «в активной антисоветской деятельности — Зам. пред. правления Пермского губкустарсоюза, эсер, старый член партии, в кооперации проводил эсеровскую линию». Про Пределина было отмечено — «тоже, что и Сигов. Группировал в кооперации с.-р. элемент». Аргументы кооператоров на чекистов не действовали, и ходатайство (вероятно, все же об освобождении от ссылки) было отклонено²⁷⁸.

А. И. Рыков («зампред СТО») обратился с «просьбой об освобождении» Амурского Меера Калмановича («Ген. секретарь нелегальной сионистской организации „Алгеменей-Сион“»). Самое любопытное, что просьба Рыкова была «отклонена», а его протееже был «административно выслан в Польшу». Брюханов, Халатов и Вышинский («члены Наркомпрода») ходатайствовали за Дамье Николая Георгиевича, прося «об освобождении для продолжения учения, как лояльного к Соввласти», который обвинялся чекистами в том, что он «к.-р., член студенческой фракции с.-д. (меков), активный участник по организации студенческих волнений в Москве». Просьба была отклонена²⁷⁹.

Милютин («замнаркомсобеса») ходатайствовал за Быховского Наума Исааковича, который обвинялся чекистами «в антисоветской деятельности — член РСДРП(м) с 1904 г., организатор ячейки с.-д. в НКСО, активный работник». Тем не менее просьба была удовлетворена и Быховский был «переведен в Уфу»²⁸⁰. Флаксерман («секретарь Наркомпроса») просила об «освобождении, как беспартийной и лояльной к Соввласти» Раскиной Евгении Львовны. Чекистами обвинялась: «в предоставлении своей комнаты для устройства нелегальных собраний членов РСДРП и в содействии таковым. Беспартийная, активная сторонница с.-д. меньшевиков». Просьба была «отклонена»²⁸¹. П. А. Богданов («Председатель ВСНХ») ходатайствовал об «освобождении как незаменимого работника» Налетова Павла Федоровича, обвиняемого «по 72-й ст. Уг. код., член с-д (м) с 1904 г. — руководитель Саратовской организации РСДРП, служил явочным центром в Москве для приезжающих членов РСДРП (меков)». Ходатайство было чекистами отклонено²⁸². Он же ходатайствовал еще за двух меньшевиков — за Ванштейна Семена Лазаревича и Гринцева Якова Моисеевича, прося чекистов освободить каждого из них «как ответственного опытного работника, лояльного Соввласти». Ванштейна чекисты обвиняли «по 72-й ст. Уг. код. — член РСДРП(м) с основания ее, лидер правого течения, активный сторонник решительной борьбы с Совластью». Гринцева обвиняли все по той же «72-й ст. Уг. код. — член РСДРП(м) с 1895 г., активный парт. работник. Поддерживает общепартийную линию». Оба ходатайства П. А. Богданова были чекистами отклонены²⁸³. Чуть позже П. А. Богданов вновь ходатайствовал за двух видных меньшевиков — за Цедербаума Якова Натановича, для которого он просил «разрешения выезда на Юго-Восток РСФСР как специалиста по Сельпромторгу, и для выяснения взаимоотношений с Промбюро Юго-Востока по договорам» и ходатайствовал о «освобождении из-под ареста» и «замене места ссылки» для Быховского Адольфа Наумовича. Я. Н. Цедербаума чекисты обвиняли в «антисоветской деятельности — член РСДРП(м) с 1905 г. Активный член партии» и ходатайство за него отклонили²⁸⁴. А. Н. Быховского обвиняли в «антисоветской агитации, будировании масс», в том, что он «член с.-д. Бунда, активный, пользуется влиянием среди членов партии». По решению чекистов, он был «оставлен в Ковно»²⁸⁵.

В. Крицман просил об «освобождении как незаменимого работника» Новаковского Якова Соломоновича, обвиняемого чекистами «по 72-й ст. Уг. код. — член РСДРП(м) с 1898 г., активный партработник, группировал в Главкустпроме меков вокруг себя, прикрывая их политическую антисоветскую работу». Ходатайство было чекистами отклонено²⁸⁶.

Было и коллективное ходатайство за Я. С. Новаковского и П. Ф. Налетова, подписанное шестью коммунистами, работавшими в Главкустпроме: Старовойтовым, Гавриловым, Левиным, Воробьевым, Жуковским.

В своем ходатайстве они писали: «Настоящим коллектив коммунистов Главкустпрома считает необходимым заявить, что на основании долгой совместной работы мы можем засвидетельствовать о их глубоком добро-совестном отношении к делу, большой работоспособности и безусловной незаменимости для учреждения. Вместе с тем за весь продолжительный период совместной работы, мы не замечали с их стороны политической деятельности, направленной против Советской власти вообще и коммунистической партии в частности». И это ходатайство было чекистами отклонено²⁸⁷.

Ячейка РКП(б) «Гут» просила о «замене места ссылки» Горчакову Борису Иосифовичу, который обвинялся «по 72-й ст. Уг. код. — член с.-д. Бунда с 1917 г., активный член партии, занимался антисоветской деятельностью». Ходатайство было чекистами отклонено²⁸⁸. Л. Б. Каменев («Моссовет») ходатайствовал об освобождении Югова-Фрумсона Арона Абрамовича, обвиняемого чекистами «по 72-й ст. Уг. код. — член РСДРП(м) с 1902 г., член ЦК меньшевиков». Ходатайство было отклонено²⁸⁹.

Хлопьянкин и С. Каплун просили «об оставлении как ценного работника, лояльного Соввласти» Минца Льва Ефимовича, обвиняемого «по 72-й ст. Уг. код. — член РСДРП меков с 1910 г., активный член Московской организации, но на дознании показал, что с 1921 г. в партии формально не состоит». Тем не менее, их ходатайство было чекистами отклонено²⁹⁰. С. Сырцов и Мельничанский («МГПС») давали «поручительство» за Гоникберга Герца Ильича, прося «об оставлении в Москве, т. к. последний более не будет принимать участия в работе». Чекистами последний обвинялся «в антисоветской деятельности — активный член РСДРП(м) Московской организации, занимался антисоветской деятельностью». Их ходатайство было чекистами отклонено²⁹¹.

А. Войтов и Виктор Яблонский ходатайствовали за Оссовского Владимира Адамовича, прося ГПУ «об освобождении до высылки за границу для ликвидации личных дел». Чекистами их протеже обвинялся в «антисоветской агитации среди рабочих масс — член РСДРП(м) с 1917 г. Привлекался Екатеринбургским Ревтрибуналом, активно проявлял себя при Колчаке в желтом профсоюзе». Ходатайство было отклонено²⁹².

Н. Гольдблат («член Правления Петроторга») и Н. Н. Мурыгин ходатайствовали за меньшевика Кливанского Семена Ароновича, «как усердно работающего в качестве квалифицированного работника-специалиста в Сов[етском] Учр[еждении]», которого «не следовало бы лишать возможности продолжать полезную работу». Их протеже обвиняли «в антисоветской деятельности — член с.-д.(м) с 1907 г. по 1917 г., проявил себя активно, принимал участие в распространении нелегальной литературы», и просьба была чекистами отклонена²⁹³.

Гинзбург («нач. орг. инстр. Отд. ГУПВ»), Выропаев (инспектор наркомата РКИ) и Шумелинский («помгубпродкомиссар») ходатайствовали «об изменении меры пресечения и об освобождении на поруки» Ратнера Моисея Григорьевича. Чекисты обвиняли его в «антисоветской деятельности — член фракции РСДРП(м) 1-го Московского университета, проявил себя активно среди студенчества». Ходатайство было отклонено²⁹⁴.

Кроме ходатайств за эсеров, меньшевиков и анархистов был целый ряд заступничеств коммунистов за самых разных людей — общественных деятелей, врачей, профессоров, священников и т. д., которых чекисты маркировали совершенно одинаково и, не в пример социалистам, лаконично — «антисоветский деятель». Перечислим эти ходатайства. В. М. Михайлов за И. И. Ушакова; Шефлер за И. П. Матвеева; Анохин за Н. В. Фалина;

Шефлер, Г. Каминский, Б. Кушнер, В. Трифонов за Н. И. Любимова; группа студентов Петроградской сельхозакадемии (Смоленский, А. Щеголов, Трайнина, Торгашин, Косьминых, Кукольский, Кустсков) за Г. И. Горецкого; Теодорович за Н. Н. Розанова; фракция РКП при ВПСО за адвоката Карякина; Баринов, Самойлов, Шляхман и Горбов за В. С. Майкову; Н. Бравко за Л. А. Чесляра; Комаркиц за А. М. Виноградова; Мухтаров и руководители-коммунисты рабфака Казанского университета М. Корбут, Вексмин (у еще одного подпись неразборчивая) за С. И. Абакумова; Губкин за Бутова; Н. А. Семашко за Коршуна; Глебова за Соболя; Хинчук за Залинова; Н. А. Семашко за Канцель; Шиманковский за Ирещкого; Голубков и Нездр за Лукомского; Н. А. Семашко за Гуткина; С. А. Осипов, А. В. Павов, А. Луначарский, Яковлев, Курский за настоятеля Боголюбской часовни С. Н. Дурьлина²⁹⁵.

Можно не сомневаться, что счет подобных ходатайств измерялся многими десятками и сотнями, что, конечно же, вызывало раздражение у чекистов. Вообще запрет на ходатайства за социалистов и введение всяческих кар за нарушение этого запрета были хрустальной мечтой чекистов, которые при всяком мало-мальски удобном поводе обращались с соответствующими предложениями в Политбюро. Любопытно, что в «плане работы ВЧК на время с 1-го мая 21 г. по январь — февраль 1922 года», представленного нач. СО ВЧК Самсоновым 26.04.1921 г. в «ответ на задание тов. Владимира Ильича от 21.04.21 г.» (адресован был Ф. Э. Дзержинскому, В. Р. Менжинскому, а в копии — В. И. Ленину и В. М. Молотову, причем кроме грифа «Совершенно секретно» на этом плане были еще два грифа — «Перепечатке не подлежит» и «По использовании сжечь»), помимо ряда репрессивных мер в отношении оппозиционных партий и «развития до максимума своего агентурно-осведомительного аппарата по политпартиям», содержались и предложения в адрес коммунистов. Во-первых, предполагалось, что «Цека издает секретный циркуляр местным парторганам о том, что всем членам партии безусловно воспрещается хлопотать об арестованных членах других партий, и это допускается не иначе, как только через парткомитет». Во-вторых, амбиции чекистов так разыгрались, что в их плане предполагалось, что ВЧК совместно с ЦК РКП(б) составит из своих представителей специальную комиссию для наведения порядка в среде «нестойких коммунистов», вплоть до переброски коммунистов Самарской и Саратовской губерний в другие губернии и перевода их на казарменное положение для службы в частях отрядов Особого Назначения (по очереди на трехмесячный срок).

Но особенно ярко страсть к чрезвычайности проявилась в пункте, где предлагалось чекистской «специальной контрольной официальной и секретной агентуре», следящей за поведением «служилой советской братии в деревне по отношению к крестьянству» — «дать в некоторых случаях право немедленной кары и расправы над виновниками совслужащими». Фактически, перефразировав слова Ленина о том, что «профсоюзы — это школа коммунизма», Самсонов дает понять Ленину, что настоящая школа коммунизма для «нестойких» и «расхлябанных» коммунистов — это Отряды ЧОН, а для некоторых совслужащих — немедленная «кара» со стороны чекистской секретной агентуры.

Обращает на себя внимание то, что начальник одного из подразделений ВЧК отвечает на «задание» Ленина, информируя о своих размышлениях не только свое начальство, но и Ленина с Молотовым (впрочем, мы не знаем, был ли план послан Ленину именно в таком виде).

Безусловно, вовсе не случайно так узок круг рассылки партийным руководителям (только Ленин и Молотов). И если грифы о совсекретности и запрете перепечатки нередки на подобных документах партийной и чекистской верхушки, то гриф «По ознакомлению уничтожить», надо сказать, выглядит весьма необычно. Почему этот план, безусловно, имевший огромное значение, не собирались посылать ни Сталину, ни Троцкому, ни Каменеву, ни Зиновьеву, явно по своему статусу и весу имевшим на это право? Почему его снабдили таким грифом, как будто посылали не руководителям партии и тайной полиции, а резиденту заграничной разведывательной сети? Представляется, что чекисты явно не хотели, чтобы о том, что они собираются принять активное участие в чистке партийных рядов (пусть и по инициативе Ленина), узнал ряд видных партийных руководителей. Безусловно, перед нами открылся лишь крохотный фрагмент той огромной мозаики сложнейшей и запутанной подкованной борьбы в большевистской партии, где уже давно на разных уровнях зрело недовольство «чересчуркой». В этой борьбе «за место под солнцем» активнейшее участие принимало не только чекистское руководство. Использовать ВЧК в своих интересах явно пытались и многие партийные лидеры. Представляется, что часть из них, понимая, что не в состоянии взять под контроль эту силу, и опасаясь использования ее против себя своим конкурентами, была склонна, опираясь на широкое недовольство в партийной среде всевластием ВЧК, хотя бы ограничить ее полномочия (реорганизация ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. явилась отражением этих процессов).

Написанная в июле 1922 г. Самсоновым по устному распоряжению Дзержинского и адресованная Дзержинскому, Уншлихту и Менжинскому докладная записка, предназначавшаяся членам Политбюро и предусматривавшая драконовские меры борьбы с социалистами, заканчивалась уже привычно: «б. Путем специального постановления ЦК РКП(б) категорически воспретить ходатайствовать и ручаться за с.-р. и их приспешников»²⁹⁶.

В это же время за подписями зампреда ГПУ Уншлихта и начальника СО ГПУ Самсонова на адрес «Политбюро ЦК РКП тов. Сталину» был подготовлен документ, которым они пытались получить высочайшее «добро» на ограничения «политрежима» для заключенных социалистов (в результате того, что своего они добились, в августе — сентябре родился «режим Уншлихта», речь о котором пойдет в последней главе). Надо заметить, что некоторые требования чекистов были настолько скандальными, что Сталин не стал реализовывать что-то подобное не только в 1922 г., но и в 30—40-е гг. (Менжинский и Самсонов требовали права «держать в тюрьме в административном порядке и после окончания срока сидения»). И снова чекисты твердили о том, что «Карфаген должен быть разрушен», прося Сталина о следующем: «б. Путем специального постановления ЦК РКП решительно прекратить подачу ходатайств, ручательств и проч. членов партии за арестованных эсеров, меньшевиков и других, рассматривать нарушение постановления, как нарушение пардисциплины.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Все такие ходатайства могут направляться только в Парткомы, а последние наводят соответствующие справки в ГПУ».

Интересно, что жаловаться чекистам приходилось не только на «нестойкость» того или иного коммуниста, ходатайствующего за арестованных членов других партий, но и на деятельность таких органов власти, как Президиум ВЦИК и Верховный трибунал, дезорганизовавших

работу чекистов, а то и прямо вмешивавшихся в нее. То, что разноречиво проявлялся уже на уровне органов власти, свидетельствовало о скрытой борьбе в большевистской элите, превращавшейся порой в прямое противоборство. В этом плане огромный интерес представляет обширное письмо «Президиума ВЧК» «в Политбюро ЦК РКП(б)» в начале 1922 г. с жалобой на Президиум ВЦИК. Обращает на себя внимание, что и обращение и подписи не типичны для подобного рода документов, так как обычно и адресовывались и подписывались они конкретными лицами. Надо полагать, что таким образом подчеркивалось, что Президиум ВЧК как орган в целом обращается к Политбюро тоже как к органу.

В этом примечательном документе перечислялись случаи «освобождения или изменения сроков наказания политзаключенных с.-р., меньшевиков, белогвардейцев и др., членов антисоветских партий по постановлению Президиума ВЦИК, причем постановления Президиума ВЧК отменялись Президиумом ВЦИК без предварительного согласия или уведомления ВЧК»²⁹⁷. Подытоживая факты многочисленных ходатайств, освобождения политзаключенных Президиумом ВЦИК без согласования с чекистами, осведомленности меньшевиков о секретных решениях по вопросу об их высылке, Президиум ВЧК констатировал: «Все вышеприведенные факты достаточно ярко рисуют обстановку, в которой приходится работать ВЧК, а именно:

1.) Постановления Президиума ВЧК отменяются ВЦИК без согласования с ВЧК, даже без уведомления ее. Этим самым подрывается авторитет ВЧК, с одной стороны, и серьезно нарушается планомерность ее работы, с другой (освобождаются одни с.-р, у которых есть „связи“, другие же отбывают сроки наказания, только потому, что таковых связей не имеют).

2.) Чрезмерное осведомление наших врагов о всех постановлениях ВЧК и ЦК РКП, полная и точная информация о том, как и кто из ответственных членов РКП смотрит на тот или иной вопрос, например, о высылке меньшевиков, давали им в руки козырь — продолжать настаивать на своих требованиях. ВЧК же все это поставило в крайне неловкое положение и определенно помешало провести правильное решение выслать меньшевиков непосредственно из тюрьмы.

3.) Многочисленные ходатайства через ВЦИК, через отдельных ответственных членов РКП, с просьбой пересмотреть дело, ускорить, изменить меру пресечения и т. д. нарушают правильный и спокойный следственный процесс. Принимая во внимание, что состав следователей ВЧК качественно не высок, не вполне самостоятелен и независим, результатом этого напора ходатайств — являются заключения об освобождении, например гр. Пьяных, Джунковский и ряд других случаев».

Последний абзац этого послания носил уже характер слегка замаскированного ультиматума. Нельзя не обратить внимание на практически открытое запугивание членов Политбюро опасностью «террора из подполья» и фактическое снятие с себя ответственности («При создавшемся же положении ВЧК не может отвечать за охрану интересов Республики и отдельных ее членов: ЦК РКП, Совнаркома ВЦИК и др.) за безопасность членов Политбюро и прочих партийно-советских руководителей, в случае если они не сделают выводы.

Ощущение скрытого ультиматума и навязывания своей воли усиливается концовкой документа, предлагающей членам Политбюро сделать следующие выводы: «1) Постановления Президиума ВЧК не должны отменяться ВЦИК без предварительного согласия и извещения ВЧК.

2) Ходатайства отдельных членов РКП об изменении меры пресечения, о пересмотре дел и ускорении следствия по делам членов антисоветских партий должны быть ограничены ЦК РКП. 3) Если же отдельные члены РКП берут на свои поруки членов антисоветских партий, то пусть это поручительство будет фактической ответственностью поручителя перед ВЧК»²⁹⁸.

Разнобой в действиях между «карающими десницами революции» — ГПУ и Верхтрибом — ярко и скандально проявился в конце июня 1922 г. В то время, когда председатель коллегии Верховного трибунала ВЦИК Крыленко, выступавший в качестве государственного обвинителя на процессе над с.-р., готовил требование смертной казни для большей части обвиняемых, в конце июне состоялось заседание коллегии Верхтриба, рассмотревшее дело группы левых эсеров. Решение коллегии привело чекистов в бешенство и спровоцировало новую жалобу «в Политбюро ЦК РКП(б)», за подписями зампреда ГПУ Уншлихта и начальника СО ГПУ Самсонова от 29 июня 1922 г., в которой говорилось об аресте на явочной квартире нескольких левых эсеров, незадолго до этого бежавших из Таганской тюрьмы «путем вооруженного нападения на стражу». «Взяты они были на явочной квартире тоже с оружием, после некоторой „осады“, но без взаимных насилий, ибо они сдались, убедившись в безнадежности „проливать кровь“ (их слова). Там же были взяты несколько револьверов, патроны, некоторые части типографии, листовки и пр. Трибунал приговорил троих к трем годам тюрьмы с зачетом предварительного заключения, а четырех остальных к 1 году условно». Чекисты жаловались, что «по тому богатому обвинительному материалу, какой против них удалось добыть означенной операцией», они ничего не могут предпринять по отношению к арестованным, и что если дела так пойдут и дальше, то «через какой-нибудь месяц все левые эсеры будут на свободе в Москве». «Ввиду этого ГПУ просит Политбюро ЦК обратить внимание Верховного трибунала и его органов на то, что нам необходима изоляция левых эсеров и особенно подполья, а следовательно и приговоры Трибуналов должны быть направлены на достижение этой главной цели».

Жена Д. Д. Донского Наталья Михайловна, хорошо знавшая Г. Л. Пятакова и присутствовавшая на процессе с.-р., вспоминала: «Я обратилась в записке к Ю. Пятакову с просьбой разрешить подсудимому Донскому встречу с сыном и матерью. Он ответил запиской же, что свидание будет дано завтра в обеденный перерыв, можно в его кабинете. Но от кабинета мы отказались. Свидание было тяжелым. Софья Алексеевна все время плакала. Как же так: сын, всю жизнь борющийся за рабочих, сам теперь оказался на скамье подсудимых? Ни она, ни Митя на процесс не ходили. Ю. Пятаков обращался ко мне по имени-отчеству. Таких записок у меня скопилось несколько штук, но раз во время обыска их забрали. Вообще, во время суда Юра держался выдержанно»²⁹⁹.

Уже в середине 20-х гг. определенной категории носителей формирующейся новой субкультуры, субкультуры правящей партии, пришлось лицом к лицу столкнуться с теми, кто еще 10 лет назад был товарищем по борьбе с царизмом, и против кого велась борьба в последние годы. Встреча произошла не в самом благоустроенном месте — в тюрьме, т. к. правящая партия начала чистить саму себя, избавляться от инакомыслящих, извергать их из своей среды. Парадокс же заключался в том, что и вернуться обратно в ту среду, которая когда-то была общей для всех борцов с самодержавным режимом, новые изгой уже не могли. И если эсеровская,

социал-демократическая (меньшевистская), левоэсеровская и анархистская фракции, скажем, на Соловках, хотя и существовали раздельно как фракции, но сотрудничали друг с другом в противостоянии лагерной администрации, да и представители этих партий (кто больше, кто меньше) общались между собой, то троцкисты, оппозиционеры и прочие арестованные коммунисты не поддерживали практически никаких контактов с социалистами, держась совершенно обособленно.

Свидетельств такого рода немало в воспоминаниях тех, кто в эти годы сидел в советских тюрьмах, политизоляторах и лагерях. Эсерка Е. Олицкая так описывает появление первых заключенных-коммунистов в Верхне-Уральском политизоляторе: «<...>прибыла еще группа эзков, которых решили изолировать от нас. Да и сами они не пожелали установить с нами связи. Мы поняли, что это не социалисты. Так это и оказалось. Это были, по-видимому, первые коммунистические ласточки в советской тюрьме. Мы давно уже были уверены, что рано или поздно встретимся в тюрьме с большевиками. За это говорила логика событий. Если инакомыслие приводит в тюремную камеру, если социалисты и анархисты загнаны в политизоляторы, специально созданные для одного крыла рабочего движения, то неизбежно жизнь приведет сюда и оппозиционные течения правящей партии.

Было у меня, да и не у меня одной, не злорадное, но насмешливо-презрительное отношение к прибывшим: „Не рой другому яму, сам в нее попадаешь“.

Еще на Соловках из газет мы знали о расколе в правящей партии, об оппозиции и ссылке Троцкого. Кем-то из товарищей была сложена песенка: „Веселье делишки писать в России книжки...“, оканчивалась она словами: „Ты, Лева, тиснул зря “Уроки Октября”“. Троцкий и иже с ним зажимали рты нам, теперь зажали рот ему самому. В Верхне-Уральском троцкисты сидели в отдельных камерах, гуляли на отдельных прогулках, ни в какую связь с нами не вступали, даже отказывались передавать почту...»³⁰⁰.

Будучи «законсервированными» в старой традиции, жившие в соответствии со старой этикой, социалисты стремительно превращались в глазах пришедших в тюрьмы в середине 30-х гг. коммунистов (теперь уже и не «настоящих» оппозиционеров), по словам той же Олицкой, в каких-то ископаемых. Как далеко зашел процесс расхождения традиционной революционной этики, в пространстве которой жили оставшиеся социалисты, и новой, укоренившейся в партийно-советской номенклатурной среде, ярко свидетельствует рассказ Олицкой о том, как она, будучи уже единственной социалисткой среди коммунисток в этапном вагоне 1936 г., делила зеленый лук. На одной из остановок конвойр объявил, что все, у кого на лицевого счету есть деньги, могут составить список и купить зеленого лука. Список поручили составить Олицкой как «опытному тюремному сидельцу». А когда лук принесли, ей же поручили делить его. Она и разделила — так, как казалось ей справедливым — поровну между всеми находившимися в вагоне: и теми у кого были деньги, и теми, и кого их не было.

«Когда я разнесла кучки по нарам, — вспоминала Олицкая, — сперва шепотом, потом все громче, поднялся ропот. Оказывается, я разделила неправильно. Надо было делить не на равные кучки, а пропорционально собранным деньгам. Почему выделен лук тем, кто не вносил денег? То есть тем, у кого их не было. „Я не на волю еду, я деньги берегу должна...“ „Я не могу кормить нищих...“ „Это наши последние крохи, мы не можем угощать...“ Сперва я не поняла. Потом растерялась.

Всего, кажется, я могла ждать от заключенных со мной каких-никаких, а все-таки коммунисток, но этого!.. Кажется, на глазах у меня даже выступили слезы.

Я тоже была измотана тюрьмой, как остальные. Я злилась, что из-за этого паршивого лука плачу. Только чтобы справиться со слезами, я стала гневно говорить о том, как раньше жили в тюрьмах социалисты: как делились каждой крошкой, как не считались с тем, чи деньги, и учитывали больных и ослабевших. Не помню всего, что я наговорила, но вагон как-то затих. Луковый вопрос не решался и не обсуждался. Но я заметила, что большинство осталось мною недовольно. Многие, кто раньше прочил меня в старосты вагона, стали теперь сторониться. Но кое-кто выразил мне сочувствие»³⁰¹.

В этом конфликте, который, казалось бы, родился по незначительному поводу, тем не менее, как в капле воды, отразилось, что новая коммунистическая среда потеряла то, что всегда было краеугольным камнем традиционной революционной этики — чувство товарищества, святость товарищеской взаимопомощи. Старая революционная этика требовала проявлять чувство товарищества и оказывать помощь членам даже других социалистических партий и анархистских организаций, новая же этика коммунистических обывателей отказывала в этом даже членам собственной партии вопреки всем официальным словам о товариществе, коллективизме и пр. и пр., реализуя на практике бессмертное — «каждый сам за себя!» и «*homo homini lupus est*».

Примечания

¹ См.: Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993. С. 108.

² См.: Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923.

³ Указатели журнала «Социалистический Вестник». 1921—1963 // Социалистический вестник, Сборник: 1964—1965. Paris, 1992. С. XVIII.

⁴ Из различных теорий, в рамках которых исследователи пытались осмыслить феномен революционности как один из вариантов девиантного поведения, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает направление, сложившееся в рамках теории конфликта и фокусирующее внимание на социокультурных аспектах отклоняющегося поведения. Согласно этому направлению (А. Коэн), девиантное поведение основано на нормах другой культуры. По словам исследовательницы Г. И. Авциновой, «с таких позиций революционер может рассматриваться как носитель определенной субкультуры, конфликтной по отношению к господствующим в данном обществе ценностям, ориентациям, традициям, нормам, стандартам поведения. При таком понимании девиантность представляет собой не столько следствие „сбоев“ в процессе социализации, сколько альтернативную реакцию на действующие механизмы включения индивида в социально-политическую среду, адаптацию и функционирование в ней» (Авцинова Г. И. Революционер в России: история и теория. Киев, 1995. С. 65).

Вот одно из самых коротких определений субкультуры, встретившихся нам в литературе: «Субкультура — специфическая форма культуры, основанная на иерархии локальных ценностей определенной социальной группы или общности, носящая по отношению к господствующей культуре подчиненный характер» (Оганов А. А., Хангельдиева И. Г. Теория искусства: Учебное пособие для самостоятельной работы студентов. М.: Международный университет в Москве, 2005). Но оно вряд ли может быть сочтено удовлетворительным и в силу своей лаконичности и в силу указания на подчиненный характер к господствующей культуре, что вряд ли точно по отношению к, скажем, уголовно-лагерной субкультуре.

Обратимся к более развернутой формулировке термина субкультура, которая дается А. В. Мудриком в философско-энциклопедическом словаре «Человек», подготовленном Институтом человека РАН: «Субкультура (от лат. sub — под) специфический набор признаков, по которым представители определенных номинальных и реальных групп осознают и утверждают себя в качестве „мы“, отличного от остальных. Социальной базой формирования С. могут быть возрастные и социальные слои населения, профессиональные группы, религиозные секты, сексуальные меньшинства, массовые неформальные течения (хиппи, „фанаты“ и т. п.), преступные группы и организации, любители определенных занятий (охотники, рыбаки, филателисты, нумизматы и т. п.). Субкультура — это автономное относительно целостное образование, включающее в себя трансформированную систему норм и ценностей традиционной для конкретного общества культуры, а также комплекс специфических социально-психологических черт и поведенческих образцов, которые в той или иной мере определяют стиль жизни и мышления ее носителей. Она включает в себя ряд более или менее ярко выраженных признаков: специфический набор ценностных ориентаций, норм поведения, взаимодействия и взаимоотношений, а также статусную структуру; набор предпочитаемых источников информации; своеобразные увлечения, вкусы и способы свободного времяпрепровождения; жаргон (или его элементы). Каждый из этих признаков, обладая относительно устойчивой структурой, содержательно устойчив, что связано с меняющимися социокультурными реалиями. Выраженность тех или иных признаков и мера оформленности С. в целом весьма различны, что во многом связано с возрастом и мерой экстремальности условий жизни ее носителей. ...С. выполняют ряд функций по отношению к обществу и человеку. Они представляют собой специфический способ дифференциации развитых национальных культур, их трансляции на те или иные общности, а также маркирования социальной и возрастной стратификации общества. Просоциальные и отчасти асоциальные С. способствуют стабилизации общества и личности, а анти- и часть асоциальных — их дезорганизации. Одни С. выступают как контркультуры (уголовно-лагерная, хиппи и т. п.), а др. продолжают инновационные явления и способствуют их внедрению в культуру общества. С., будучи объектом идентификации человека, является одним из способов его обособления в обществе, что и определяет ее влияние на самосознание личности, ее самоуважение и самопринятие».

- (Мудрик А. В. Субкультура // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000. С. 364—366).
- ⁵ Олицкая Е. Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1971. Т. 1. С. 241—243.
  - ⁶ Чернавский М. М. К характеристике Г. В. Плеханова (Отрывок из воспоминаний) // Историко-революционный бюллетень. М., 1922. № 2—3. С. 25.
  - ⁷ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 66. Л. 102—103 об.
  - ⁸ Там же. Д. 67. Л. 259.
  - ⁹ Там же.
  - ¹⁰ Голубков А. На два фронта. С 21.
  - ¹¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 88—88об.
  - ¹² Аронсон Г. Меньшевизм (Опыт характеристики) // Социалистический Вестник. 1949. № 10 (625). С. 179.
  - ¹³ Чернов В. К характеристике максимализма // Социалист-революционер. Париж. 1910. № 1. С. 178.
  - ¹⁴ См.: Вишняк М. Памяти ушедших // Новый журнал. 1953. № 33. С. 287—289.
  - ¹⁵ Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 182—183.
  - ¹⁶ См., в частности: ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 218. Л. 22—22 об.
  - ¹⁷ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 3. М., 1929. С. 185—186.
  - ¹⁸ Там же. С. 196—197.

- ¹⁹ Бобровская (Зеликсон) Ц. С. Записки подпольщика. 1894—1917. М., 1957. С. 12—13.
- ²⁰ Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 186.
- ²¹ Там же. С. 189.
- ²² Там же. С. 187.
- ²³ Там же. С. 190.
- ²⁴ Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 81.
- ²⁵ Чернов В. М. Перед бурей. С. 192.
- ²⁶ Там же. С. 208.
- ²⁷ Цит. по: Письмо Б. В. Савинкова В. Н. Фигнер. / Публ. Р. А. Городницкого, Г. С. Кана // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 196.
- ²⁸ Беседа с Б. А. Бабиной / Запись Н. Бармина; подготовка и публ. Л. Аранова // Минувшее. Вып. 2. М., 1990.
- ²⁹ Исключениями были моменты, скажем, революции 1905—1907 гг., или 1917 г., когда она была захлестнута десятками и сотнями тысяч людей разного возраста (и, что важнее, другой культуры, как правило бывших в ней чужаками), которые, впрочем, уходили в подавляющем своем большинстве весьма стремительно, при первых же репрессиях.
- ³⁰ Дейч Л. Г. Валерьян Осинский (К 50-летию его казни) // Каторга и ссылка. 1929. № 5 (54). С. 8.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 65. Л. 112.
- ³² Там же. Д. 67. Л. 229.
- ³³ МИСИ. Архив ПСР. 145.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 229.
- ³⁵ Кубов А. Голоса из подполья (Заметка) // Знамя труда. 1912. № 42. С. 11.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 11—13.
- ³⁸ Бабина Б. А. Февраль 1922 / Публ. В. Захарова // Минувшее. Вып. 2. С. 23.
- ³⁹ Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1. С. 226.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 3. Д. 66. Л. 158.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 164. Л. 2—8 об.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 41—42.
- ⁴³ Вишняк М. Оправдание народничества // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 30. С. 232.
- ⁴⁴ Карпович М. М. Традиции русской общественной мысли // Судьбы России. Сб. статей. Нью-Йорк, 1957. Вып. 1. С. 15—17.
- ⁴⁵ Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 61.
- ⁴⁶ Дейч Л. Г. За полвека. Т. 1. Ч. 2. М., 1923. С. 27—30.
- ⁴⁷ Весьма любопытно, что член Областного Бюро Северной областной организации, заявивший на V Совете, что партийный работник-непрофессионал может «психологически выдержать» только полгода, в ответе на заинтересованные вопросы ответил: «По этому вопросу пришлось бы очень много говорить и я сейчас не имею права на этом останавливаться, но скажу, что это мое эмпирическое заключение, я убедился на опыте, что в Петербурге в течение 6 месяцев прошла полная смена всех работников, за исключением тех, которые едва-едва работали, и которые поэтому могут целый год числить себя партийными работниками» (МИСИ. Архив ПСР. 146).
- ⁴⁸ Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. М., 1988. С. 56—57.
- ⁴⁹ Зензинов В. М. Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 56—57.
- ⁵⁰ Чернавский М. М. В Боевой Организации // Каторга и ссылка. 1930. № 7. С. 39.
- ⁵¹ Горев Б. И. Из партийного прошлого: Воспоминания. 1895—1905. Л., 1924. С. 35, 38.

- 52 Бобровская (Зеликсон) Ц. С. Записки подпольщика. С. 25.
- 53 Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 22.
- 54 ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 129. Л. 61.
- 55 Там же. Л. 67—68.
- 56 Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 209.
- 57 Подробнее см.: Морозов К. Н., Морозова А. Ю. Обращения социалистов-эмигрантов в правоохранительные органы как отражение кризиса «партийного правосудия» и специфики правосознания эмигрантской революционной среды в 1907—1914 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2004. №4. С. 45—54.
- 58 Дейч Л. Г. 16 лет в Сибири. С. 77.
- 59 РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 249. Л. 3—5.
- 60 Там же. Оп. 3. Д. 66. Л. 117.
- 61 Чернов В. Записки социалиста-революционера. Кн. 1. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 179—181.
- 62 Там же. С. 181.
- 63 ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 38.
- 64 Чернов В. М. Перед бурей. С. 195.
- 65 РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 3. Д. 66. Л. 132—133.
- 66 Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк. Изд-во им. Чехова, 1953. С. 178.
- 67 Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 46—47
- 68 Левцкий В. О. А. Д. Покотилов (Из личных воспоминаний) // Каторга и ссылка. 1922. № 3. С. 169.
- 69 Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 54.
- 70 РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 52. Л. 135—136.
- 71 ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 133. Л. 24.
- 72 Там же. Л. 6.
- 73 Зензинов В. М. Пережитое. С. 178—179.
- 74 Там же. 179—180.
- 75 Подробнее см.: Морозов К. Н., Морозова А. Ю. Обращения социалистов-эмигрантов в правоохранительные органы. С. 45—54.
- 76 Кризис большевизма // Знамя труда. 1909. № 23—24. С. 1.
- 77 Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 1. 1900—1907. М., 1996. С. 433.
- 78 Там же. С. 435.
- 79 Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк. Изд-во им. Чехова, 1954.
- 80 Там же.
- 81 Там же.
- 82 Васильченко С. После первого боя // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 53—54.
- 83 Витязев П. Памяти Н. Д. Шишмарева. С. 251.
- 84 Зензинов В. М. Пережитое. С. 212—213.
- 85 Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
- 86 РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 3. Д. 66. Л. 158.
- 87 Там же. Оп. 1. Д. 161. Л. 316.
- 88 Плесков В. Из литературного архива Горного Зерентуя // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 172.
- 89 Крамаров Г. Памяти А. В. Попова // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 264.
- 90 Там же. С. 265.
- 91 Зензинов В. М. Пережитое. С. 215—216.
- 92 Виленский В. (Сибиряков) Последнее поколение Якутской ссылки. С. 134.

- ⁹³ Гольдин. Побег Марии Школьник // Каторга и ссылка. 1921. № 2. С. 48—49.
- ⁹⁴ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 97. Л. 381.
- ⁹⁵ См.: Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров 1905—1909 гг. // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 68—73.
- ⁹⁶ Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 384.
- ⁹⁷ Зубелевич Ю. Кронштадт в 1906 году (Воспоминания революционерки). Ч. 3. Кронштадт, 1917. С. 20—25.
- ⁹⁸ Кризис большевизма // Знамя труда. 1909. № 23—24. С. 1.
- ⁹⁹ Протоколы I Общепартийной конференции ПСР. Париж, 1908. С. 35.
- ¹⁰⁰ Воронов Б. Хроника рабочего движения // Заветы. 1914. № 57. С. 115—116.
- ¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 321.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Как ведут полемику // Стойкая мысль. 1914. № 4. С. 2.
- ¹⁰⁴ См.: Деятели СССР и революционного движения в России // Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 710.
- ¹⁰⁵ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 60.
- ¹⁰⁶ См.: Ракитников Н. К пересмотру наших взглядов на крестьянство // Заветы. 1913. № 1. С. 118—135; Воронов Б. Кооперативная утопия (По поводу статьи Ник. Суханова) // Заветы. 1913. № 7. С. 1—20; Чернов В. М. Упразднение народничества // Заветы. 1914. № 4.
- ¹⁰⁷ Одноединство, двуединство или триединство // Вольная мысль. 1 ноября. 1913. № 3. С. 1.
- ¹⁰⁸ Чернов В. М. Перед бурей. С. 106.
- ¹⁰⁹ Чернавский М. М. К характеристике Г. В. Плеханова. С. 23—24.
- ¹¹⁰ Там же. С. 26.
- ¹¹¹ Юг. Ницца. № 1. Июль 1913. С. 1.
- ¹¹² Чернавский М. М. К характеристике Г. В. Плеханова. С. 26.
- ¹¹³ Там же. С. 26—27.
- ¹¹⁴ Там же. С. 26.
- ¹¹⁵ Рубанович И. Международное Социалистическое Бюро и Венский Конгресс // Знамя труда. 1914. № 53. С. 5—6.
- ¹¹⁶ Цит. по: Миллион рублей в русских банкнотах / Публ. Ю. Фельштинского // Известия. 1997. 5 ноября. № 211. С. 4.
- ¹¹⁷ См., напр., хранящиеся в фонде И. И. Фондаминского в ГАРФ три резолюции по этому вопросу, вынесенные двумя петербургскими и одной полтавской левонародническими группами (ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 95. Л. 173—174, 175, 172).
- ¹¹⁸ Маслов П. Новые искания в народничестве // Наша Заря. 1913. № 9. С. 42.
- ¹¹⁹ См.: Седов Л. Примиренчество и заветы // Наша Заря. СПб., 1913. № 3; Его же. Новое у левых народников // Наша Заря. 1913. № 9; Его же. Народники против капитализма // Наша Заря. 1913. № 12; Его же. Радикализм слов // Наша Заря. 1914. № 5.
- ¹²⁰ Седов Л. Новое у левых народников. С. 42.
- ¹²¹ Маслов П. Новые искания в народничестве. С. 23.
- ¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 321.
- ¹²³ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 97. Л. 398.
- ¹²⁴ Суханов Н. Единство // Современник. 1914. СПб. № 12. С. 80—81.
- ¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 321.
- ¹²⁶ Там же. Т. 48. С. 277.
- ¹²⁷ Там же. С. 292—293.
- ¹²⁸ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 69. Л. 520—522.

- ¹²⁹ Вишняк М. В. Дань прошлому.
- ¹³⁰ Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М., 1974. С. 300.
- ¹³¹ Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы. С. 305.
- ¹³² Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky Collection. Box 207. Folder 10
- ¹³³ Каторжанин. Письма из залы суда // Социалистический Вестник. № 15. 2 августа 1922. С. 7.
- ¹³⁴ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 195—196.
- ¹³⁵ Ненароков А., Павлов Д., Розенберг У. В условиях официальной и полуофициальной легальности. Январь — декабрь 1918 г.: Документально-исторический очерк // Большевики в большевистской России. 1918—1924 / Большевики в 1918 г. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Отв. сост. Д. Павлов. М., 1999. С. 20—21.
- ¹³⁶ Вишняк М. Дань прошлому.
- ¹³⁷ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 25. Л. 1—2.
- ¹³⁸ Ненароков А., Павлов Д., Розенберг У. В условиях официальной и полуофициальной легальности. С. 20.
- ¹³⁹ Аронсон Г. Большевизм (Опыт характеристики). С. 179.
- ¹⁴⁰ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 64. Л. 120.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 140 об., 141.
- ¹⁴² Там же. Л. 133.
- ¹⁴³ Там же. Т. 65. Л. 20.
- ¹⁴⁴ Некоторые итоги // Социалистический вестник. № 17. 8 сентября 1922. С. 1—4.
- ¹⁴⁵ Ненароков А., Паначчионе А., Розенберг У. От легальности к подполью. Начало новой волны вынужденной эмиграции: Документально-исторический очерк // Большевики в большевистской России. 1918—1924 / Большевики в 1921—1922 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Отв. сост. Д. Павлов. М., 2002. С. 33—34.
- ¹⁴⁶ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002. С. 494.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 569
- ¹⁴⁸ Войтинский В. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 88.
- ¹⁴⁹ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 552
- ¹⁵⁰ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 71.
- ¹⁵¹ ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 17.
- ¹⁵² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 194.
- ¹⁵³ Войтинский В. С. Двенадцать смертников.
- ¹⁵⁴ Письмо секретарю ЗД ПСР Б. Н. Рабиновичу от 22 августа 1922 г. (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 588—589).
- ¹⁵⁵ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 163, 163об.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 163.
- ¹⁵⁷ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 467—468.
- ¹⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 18. Л. 66.
- ¹⁵⁹ Там же. Т. 4. Л. 481.
- ¹⁶⁰ Цит по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 350
- ¹⁶¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 18. Л. 62.
- ¹⁶² Hoover Institution archives. В. Nicolaevsky collection. Box 8. Folder 19.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 57. Л. 184.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 61.

- ¹⁶⁶ Там же. Т. 4. Л. 514.
- ¹⁶⁷ Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky collection. Box 8. Folder 19.
- ¹⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 52. Л. 33.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 39.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 40.
- ¹⁷² Там же. Л. 42.
- ¹⁷³ Там же. Л. 44.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 45.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 49.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 18.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 20.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 21.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 24.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Цит. по: *Меньшевики в 1921—1922 гг.* С. 548—579.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ *Социалистический вестник.* № 15. 2 августа 1922. С. 9.
- ¹⁸⁶ *Вынужденное заявление // Социалистический Вестник.* № 15. 2 августа 1922 г. С. 5.
- ¹⁸⁷ Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky collection. Box 8. Folder 19.
- ¹⁸⁸ Ibid.
- ¹⁸⁹ Двинов С. *Кровавая пошлость (Письмо из Москвы) // Социалистический вестник.* № 15. 2 августа 1922. С. 5.
- ¹⁹⁰ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 213.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 213, 213об.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ В отдельной рубрике «К процессу с.-р.» были опубликованы: статья С. Двинова «Кровавая пошлость (Письмо из Москвы)», «Письма из залы суда», «К демонстрации 20-го июня», текст прокламации, подписанной ЦК и МК РСДРП, распространявшейся накануне демонстрации 20 июня, заметка «Швейцарские с.-д. о московском процессе», телеграмма Заграничных делегаций РСДРП, Бунда, ПСР и ПЛСР, адресованная Амстердамскому совещанию социалистических партий и синдикатов и другие материалы.
- ¹⁹⁴ Двинов С. *Кровавая пошлость.*
- ¹⁹⁵ См.: *Судебный процесс над социалистами-революционерами.* С. 390
- ¹⁹⁶ Бабина Б. А. *Февраль 1922 / Публ. В. Захарова // Минувшее. Исторический альманах.* Вып. 2. М., 1990. С. 37—38.
- ¹⁹⁷ *Некоторые итоги // Социалистический вестник.* № 17. 8 сентября 1922. С. 1—4.
- ¹⁹⁸ *До седьмого колена // Социалистический вестник.* № 9 1924г. С. 12.
- ¹⁹⁹ С. В. Морозов // *Социалистический вестник.* № 12/13. 1924. С. 2.
- ²⁰⁰ *Письмо ссыльных // Социалистический вестник.* № 12/13. 1924. С. 2.
- ²⁰¹ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 170.
- ²⁰² См.: *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1953. Кн. XXXV. С. 313.
- ²⁰³ Аронсон Г. *Меньшевизм (Опыт характеристики) // Социалистический Вестник,* № 10 (625). 1949. С. 179.
- ²⁰⁴ *35-летие Социалистического Вестника // Социалистический Вестник.* 1956. С. 99—100.
- ²⁰⁵ Бабина Б. А. *Февраль 1922.* С. 37—38.

- ²⁰⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 65. Л. 13.
- ²⁰⁷ Письмо адресовалось старосте политических заключенных и было весьма колоритно: «Спешу уведомить Вас, что все товарищи, выехавшие из Ярославля 5 н[оября], живы и здоровы, кроме Шумилова. Он, очевидно, дорогой заполучил какую-то форму тифа. Если Вы будете уезжать в Москву, то постарайтесь захватить с собой библиотеку, взятую из Москвы. Позаботьтесь о больных, особенно о Гончарове, Кузнецове, Буянове и других. Очень будет хорошо, если Вы пришлете копию акта, составленного по поводу воровства продуктов на кухне. Оказывается, этого протокола в ВЧК нет, и им очень заинтересовался т. Самсонов, который непосредственно ведает нашими делами в ВЧК. Насчет московских газет выяснилось, что нам они никогда не запрещались, так что Вы можете их свободно получать. Еще раз привет всем невольным сотоварищам в Ярославской тюрьме. Время, проведенное с Вами, буду вспоминать, как одно из светлых моих минут. Помнящий вас, мои друзья, ваш староста-„каптенармус“ М. Веденяпин. Бутырки. 17/XI. Все мои товарищи шлют свой сердечный привет дорогим „ярославцам“» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 65. Л. 14—14 об.)
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 15 об.
- ²¹⁰ Там же. Л. 15.
- ²¹¹ Цит. по: Судебный процесс над партией социалистов-революционеров. С. 229, 238—241.
- ²¹² Бабина Б. А. Февраль 1922 г.
- ²¹³ Свирская М. Л. Из воспоминаний / Публ. Б. Сапира // Минувшее. Вып. 7. М., 1992. С. 38.
- ²¹⁴ Свирская М. Л. Из воспоминаний. С. 43—44.
- ²¹⁵ Чернова-Андреева О. В. Холодная весна 1919—1920 гг. // Новый журнал. 1975. № 121; 1976. № 122, 124; То же (отрывки) // Звезда. 2001. № 8 (Здесь и далее цит. по публикации в «Звезде»). С. 140.
- ²¹⁶ Там же. С. 136.
- ²¹⁷ Свирская М. Л. Из воспоминаний. С. 36—39.
- ²¹⁸ Вишняк М. В. Современные записки. С. 34—36.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ Чернова-Андреева О. В. Холодная весна. С. 153.
- ²²¹ Свирская М. Л. Из воспоминаний. С. 16.
- ²²² Чернова-Андреева О. В. Холодная весна. С. 136.
- ²²³ Свирская М. Л. Из воспоминаний. С. 16.
- ²²⁴ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 262.
- ²²⁵ Свирская М. Л. Из воспоминаний. С. 16.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ Свирская М. Л. Из воспоминаний. С. 12—13.
- ²²⁸ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 124.
- ²²⁹ Чернова-Андреева О. В. Холодная весна. С. 142—144.
- ²³⁰ Двинов С. Кровавая пошлость. С. 6.
- ²³¹ Чернова-Андреева О. В. Холодная весна. С. 150.
- ²³² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 65. Л. 79—80.
- ²³³ Там же. Л. 78.
- ²³⁴ Там же.
- ²³⁵ Свирская М. Л. Из воспоминаний. С. 41—42.
- ²³⁶ Там же. С. 43
- ²³⁷ Подробнее об этой дискуссии см. в § 1 главы V наст. работы.
- ²³⁸ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 390.

- 239 Там же. С. 208.
- 240 Там же. С. 208.
- 241 Там же. С. 672.
- 242 Там же.
- 243 Там же. С. 495—496.
- 244 Там же. С. 497—498.
- 245 Ленин В. И. Мы заплатили слишком дорого // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 140—144.
- 246 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 391.
- 247 Там же. С. 321.
- 248 См.: Там же. С. 300, 304—305, 309, 313—315, 315—316.
- 249 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. 3.
- 250 Там же. Л. 3, 4.
- 251 Там же. Т. 1. Ч. 2. Л. 95—96.
- 252 Там же. Т. 1. Ч. 3. Л. 4.
- 253 Там же. Л. 4.
- 254 Обратим внимание, что за полгода до освобождения Бабина его дело Верхтрибом было выделено в отдельное производство и он не был выведен на процесс с.-р.
- 255 Беседа с Б. А. Бабиной. Запись Н. Бармина // Минувшее. Вып. 2. М. 1990. С. 376.
- 256 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 205. Л. 111.
- 257 Беседа с Б. А. Бабиной. С. 376.
- 258 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 102. Л. 27.
- 259 Свирская М. Л. Из воспоминаний. С. 36—39.
- 260 АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 200. Л. 9.
- 261 Там же. Л. 7.
- 262 Там же.
- 263 Там же.
- 264 Там же.
- 265 Там же.
- 266 Там же.
- 267 Там же.
- 268 Там же.
- 269 Там же. Л. 8.
- 270 Там же.
- 271 Там же.
- 272 Там же.
- 273 Там же.
- 274 Там же.
- 275 Там же. Л. 11.
- 276 Там же. Л. 8.
- 277 Там же. Л. 10.
- 278 Там же.
- 279 Там же. Л. 10.
- 280 Там же.
- 281 Там же.
- 282 Там же. Л. 11.
- 283 Там же.
- 284 Там же.
- 285 Там же.
- 286 Там же.

287 Там же. Л. 12.

288 Там же. Л. 11.

289 Там же.

290 Там же.

291 Там же.

292 Там же.

293 Там же. Л. 12.

294 Там же.

295 Там же. Л. 8—10.

296 ЦА ФСБ. Н-1789. Т. 46. Л. 157.

297 «Бахарева, осужденная Президиумом ВЧК в ссылку на 2 года в Архангельск по делу Тамбовского восстания. Освобождена по постановлению Президиума ВЦИК 5.1.—21 г. без предварительного запроса и согласия ВЧК. Начальник тюрьмы, где она содержалась, арестован за неизвещение СО ВЧК о постановлении Президиума ВЦИК об ее освобождении»; «Гр. Пьяных И. Е., правый эсер, освобожден ВЧК по личному ходатайству т. Калинина с ручательством в его невинности и пр. 2/ХП г. По имеющимся точным сведениям в СОВЧК после освобождения принимает самое активное участие в с.-р. работе, получил мандат и едет на конференцию пр. с.-р. в Москву»; «По делу о студентах Петров.-Разумов. с.-х. Академии, в количестве 6 человек, состоялось постановление Президиума ВЧК — выслать из Москвы в разные губернии в течение 3 дней, о чем было сделано распоряжение в милицию. Постановлением Президиума ВЦИК срок был продлен на 2 недели, без предварительного запроса и согласия на то ВЧК»; «По постановлению президиума ВЦИК на местах, в ГЧК были многочисленные случаи отмены постановлений ВЧК и ГЧК, без предварительного извещения ВЧК. Об этом ВЧК узнавала *post factum*. С этим приходилось мириться, как с совершившимся фактом, всякий раз доводя до сведения Президиума ВЦИК о ненормальности взаимоотношений ВЦИК и ВЧК»; «Президиумом ВЧК от.....21 г. с согласия ЦК РКП было постановлено местом ссылки для меньшевиков считать Туркестан. Постановлением ВЦИК от.....21 г. отменено»; «19/ХП-21 г. состоялось постановление Президиума ВЧК об административной высылке в отдаленные губернии членов ЦК РСДРП (меньшевиков) и др. наиболее активных членов этой партии, с согласия ЦК РКП. Вся группа выслаемых меньшевиков, благодаря слабой изоляции Бутырской тюрьмы от воли имела точную, постоянную информацию с воли. Через своих родных и знакомых, кои имеют близкие связи с ответственными товарищами нашей партии, узнавала о всех решительно постановлениях ЦК и ВЧК, и не только узнавала, но воздействовала в сторону изменения этих постановлений, определенно рассчитывая на все большие и большие уступки. Началом послужило то, что ВЦИК приостановил высылку ВЧК студентов Петр. С.-х. Академии. Почувствовав, что можно „нажать“, меньшевики заявили протест против высылки их, называя эту меру „новым террором“ ВЧК, выставили требование „освободить совсем или предать Народному суду“; объявили голодовку. В ВЧК имеется точный материал, указывающий на полную осведомительность (так в тексте. — К. М.) о постановлениях ЦК РКП и ВЧК до объявления им этих постановлений, о комбинациях в „сферах“, как они говорят, в сторону уступок их требованиям. ЦК РКП несколько раз пересматривал вопрос о меньшевиках, отдельные ответственные товарищи ручались за их лояльность. Под заявлением всех этих обстоятельств ВЧК пошла на уступки, некоторые члены РСДРП были освобождены, остальные выпущены из-под стражи с условием в течение 7 дней выехать в место высылки (Вятка, Северо-Двинск или за границу). Постановление ВЧК было выслать меньшевиков в уезды Северных губерний. В день их выхода из Бутырок, по всей Москве были расклеены и разбросаны прокламации за подписью ЦК и МК РСДРП к рабочим и работницам с призывом протеста против

высылки (прокламация прилагается). В настоящий момент в ВЧК имеется достоверный материал о том, что на квартирах Дана, Николаевского, Ежова-Цедербаума и др. происходят совещания, вырабатывается план работы и персонально распределяются роли. Дан, решивший ехать за границу, но на основании все той же осведомительности из „сфер“ уверен, что через 2—3 месяца ему разрешат остаться в Москве, переменил свое первое решение, говоря „Москвы я ни на что не променяю“ (подлинные слова Дана). На предстоящую беспартийную конференцию молодежи ЦК РСДРП наметил своих докладчиков с заранее заготовленными резолюциями. Докладчики — освобожденные меньшевики. На квартиры членов ЦК РСДРП днем и ночью совершается паломничество массы разнообразных посетителей, рабочих, кооператоров, министров ДВР и пр. граждан не только Москвы, но и из провинции для координации действий».

²⁹⁸ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 17—18.

²⁹⁹ Донской Дмитрий Дмитриевич. С. 141—144.

³⁰⁰ Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1. С. 306—307.

³⁰¹ Там же. Т. 2. С. 208—209.